

история / география / этнография

Средневековые замок, город,
деревня и их обитатели

Константин Иванов

Средневековые замок, город, деревня и их обитатели

Константин Иванов

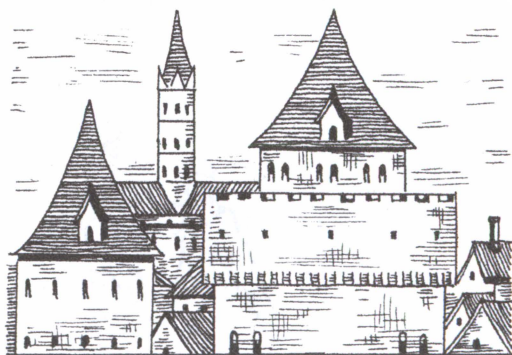

Ломоносовъ
Издательство

Константин Иванов

Средневековые
замок, город,
деревня
и их обитатели

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4
И20

Составитель серии Владислав Петров

*В настоящем издании
использованы иллюстрации из книг К. Иванова
«Средневековый город и его обитатели» (СПб., 1900),
«Средневековый замок и его обитатели» (СПб., 1907),
«Средневековая деревня и ее обитатели» (СПб., 1915)*

Оформление Ирины Тибиловой

Средневековый замок и его обитатели

Предисловие

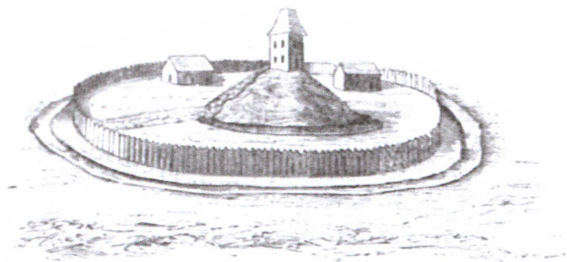
Очень нелегко изобразить в небольших и более или менее интересных очерках быт средневекового общества, даже при известном знакомстве с ним. Для этого необходимо прежде всего сосредоточить свое внимание только на одной стороне его. Так мы и поступили, сгруппировав весь обширный материал, необходимый для исполнения нашей задачи, в разделы: средневековый замок, средневековый город, средневековый монастырь, средневековая деревня и др. Настоящая серия очерков, так сказать, построена из материала, входящего в первый из названных отделов. Но и такой группировкой дело облегчилось только отчасти. И сам средневековый замок, и быт его обитателей неоднократно и значительно изменяли свои формы в продолжение средневекового периода; с другой стороны, народы Западной Европы вносили в эти формы свои национальные особенности. Следить за всеми упомянутыми изменениями и особенностями значило бы уклониться от той цели, которая заставила нас взяться за настоящую работу. Естественно, таким образом, возникла необходимость ограничиться только одной страной. Нигде рыцарство не выразилось в такой полной и яркой форме, как во Франции, отсюда же распространились в Западную Европу многие рыцарские обычаи, одним словом — для ознакомления со средневековым рыцарством лучше всего сосредоточить внимание читателя на Франции, указывая только некоторые характерные отклонения и особенности, проявлявшиеся в других странах. Но так как и французское рыцарство пережило ряд весьма существенных перемен, то пришлось ограничить-

ся только одной эпохой. Следить за переменами, которые были пережиты им, значило бы писать его историю, а мы задались, как и сказано нами выше, совершенно иной целью. Наиболее характерная эпоха в истории рыцарства — XII — XIII века; это период его процветания. Всем вышеизложенным объясняются содержание и характер настоящей работы.

Насколько нам удалось достигнуть предположенной цели, судить не нам. При составлении очерков мы пользовались лучшими иностранными монографиями; относящимися к данному вопросу.

Внешний вид замка

Средневековый замок, при одном упоминании о котором создается в воображении знакомая картина и всякий переносится мыслью в эпоху турниров и Крестовых походов, имеет свою собственную историю. Замок со своими известными принадлежностями: подъемными мостами, башнями и зубчатыми стенами — появился не сразу. Ученые, изучавшие происхождение и развитие замковых сооружений, отметили несколько моментов в этой истории, из которых наибольший интерес представляет самый ранний: до такой степени первоначальные замки не похожи на замки последующего времени. Но при всем несходстве, существующем между ними, нетрудно найти и черты сходные, нетрудно в первоначальном замке увидеть намеки на позднейшие сооружения.

Замковое укрепление по образцу римского лагеря

Опустошительные набеги неприятелей побуждали к построению таких укреплений, которые могли бы служить надежными убежищами. Первые замки представляли собою земляные окопы, более или менее обширных размеров, окруженные рвом и увенчанные деревянным палисадом. В таком виде они походили на римские лагеря, и это сходство, конечно, не было простой случайностью; несомненно, что эти укрепления устраивались по образцу римских лагерей. Как в центре римского лагеря возвышался преторий (praetorium)¹, так посреди пространства, замыкавшегося замковым валом, поднималось естественное или по большей части искусственное земляное возвышение конической формы. Обыкновенно на этой насыпи воздвигалось деревянное строение, входная дверь которого находилась на самом верху. Таким образом, попасть в это строение можно было, только взобравшись на самую насыпь. Внутри насыпи был ход в подземелье с колодецем.

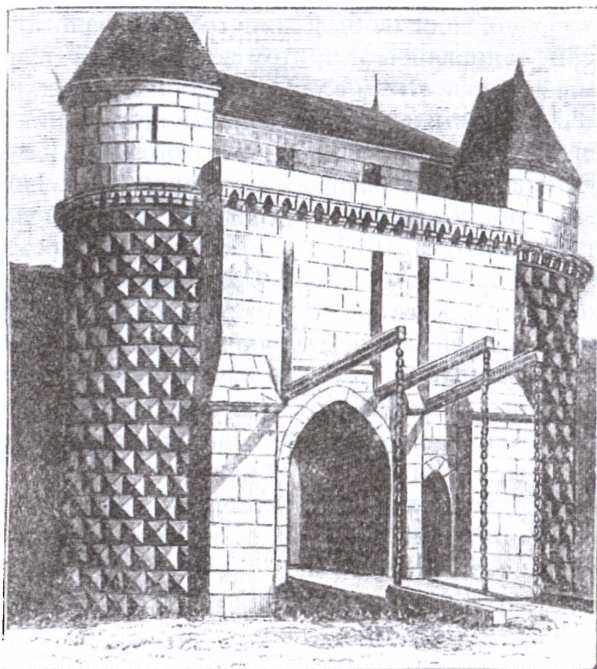
Для удобства обитателей такого замка устраивалось что-то вроде деревянного помоста, спуска на подпорках; в случае нужды он легко разбирался, благодаря чему неприятель, желавший проникнуть в жилище, встречал серьезное препятствие. По миновании опасности разобранные части так же легко приводились в прежнее состояние. Если мы, не вдаваясь в подробности, представим себе только общую картину, которая, как мы выше говорили, возникает в воображении при одном упоминании о замке, если мы эту картину сопоставим с только что описанным первоначальным замком, то при всем несхождении того и другого мы отыщем и сходные черты. Существенные части средневекового рыцарского замка в этом неприхотливом сооружении налицо: дом на земляной насыпи соответствует главной замковой башне, разборный спуск — подъемному мосту, вал с палисадом — зубчатой стене.

С течением времени все новые и новые опасности со стороны внешних врагов, разорительные норманнские набеги, а также новые условия жизни, вызванные развитием феодализма, способствовали как размножению замковых сооружений, так и усложнению их форм. Оставляя в стороне историю постепенного видоизменения замковых сооружений, что не

составляет нашей задачи, мы обратимся теперь к непосредственному знакомству с тем видом замков, который установился в XII веке.

Прежде чем вдаваться в подробное рассмотрение частей средневекового замка, посмотрим на тогдашний замок издали, с опушки близлежащего леса. «Почти каждый холм, — говорит Грановский², бегло характеризуя Средние века, — каждая крутая возвышенность увенчана крепким замком, при постройке которого, очевидно, не удобство жизни, не то, что мы называем теперь комфортом, а безопасность была главной целью. Воинственный характер общества резко отразился на этих зданиях, которые, вместе с железным доспехом, составляли необходимое условие феодального существования». Средневековый замок производил (и до сих пор производит) внушительное впечатление. За широким рвом, над которым только что спустили на цепях подъемный мост, поднимается массивная каменная стена. На верху этой стены резко выделяются на голубом фоне неба широкие зубцы с еле заметными отверстиями в них, а время от времени их правильный ряд прерывается круглыми каменными башнями. На углах стены выступают вперед крытые каменные балконы. По временам в промежутке между двумя зубцами блестит на солнце шлем проходящего по стенам оруженосца. А над стеной, зубцами, стенными башнями гордо поднимается главная замковая башня; на вершине ее трепещет флаг да мелькает порой человеческая фигура, фигура недремлющего сторожа, обзирающего окрестность.

Но вот с вершины башни понеслись звуки рога... О чем возвещает сторож? Из-под темного свода замковых ворот на подъемный мост, а потом на дорогу выехала пестрая кавалькада: обитатели замка поехали на прогулку по окрестностям; вот они уже далеко. Воспользуемся тем, что мост еще опущен, и проникнем за каменную ограду замка. Прежде всего внимание наше останавливается на устройстве моста и на самих воротах. Они помещаются между двумя башнями, неразрывно соединенными со стеной. Тут только мы замечаем, что рядом с большими воротами устроены маленькие, представляющие собой что-то вроде калитки; от них также переброшен через ров подъемный мост.

Подъемный мост

Подъемные мосты опускались и поднимались при посредстве цепей или канатов. Делалось это следующим образом. Над воротами, в стене, соединяющей обе недавно названные башни, были проделаны продолговатые отверстия; они направлялись сверху вниз. В каждое из них продевалось по одной балке. С внутренней стороны, то есть с замкового двора, эти балки соединялись поперечной перекладной, и здесь же от конца одной из балок спускалась железная цепь. К противоположным концам балок, выходящим наружу, прикреплялись две цепи (по одной к каждой балке), а нижние концы этих цепей соединялись с углами моста. При таком устройстве стоит только, войдя в ворота, потянуть вниз спускающуюся там цепь, как наружные концы балок начнут подниматься и потянут за собой мост, который после поднятия превратится как бы в перегородку, заслоняющую ворота.

Но конечно, мост не был единственной защитой ворот. Последние запирались, и притом весьма основательно. Если бы мы подошли к ним в такое неудобное время, нам пришлось бы оповестить о своем приходе привратника, помещающегося здесь же неподалеку. Для этого пришлось бы или протрубить в рог, или ударить колотушкой в металлическую доску, или постучать особым кольцом, с этой целью приделанным к воротам. Но сейчас нам нет надобности оповещать о себе: проход свободен. Мы проходим под длинными сводами ворот. Если бы живущие в замке случайно заметили наше появление и почему-либо не пожелали пропустить нас во двор, в их распоряжении находилось еще одно средство. Взгляните вверх, на этот каменный свод. Не замечаете ли чего-нибудь, кроме длинных балок, составляющих одно целое с подъемными мостами? Видите это сравнительно неширокое отверстие, проходящее поперек свода? Из этого отверстия в один момент может опуститься железная решетка и преградить нам доступ во двор.

Ворота замка

Сколько предосторожностей на случай нападения врага! Иногда, если позволяло место, вблизи ворот, с внешней стороны, воздвигалось еще особое кругообразное укрепление, передовая крепостца, с отверстиями для пускания стрел.

Но мы беспрепятственно проходим под сводами ворот и вступаем в передний двор. Да это — целое селение! Здесь — и капелла³, и бассейн с водой, и жилища простого народа, обитающего в замке, и кузница, и даже мельница. Нас не заметили, и мы проходим вперед. Пред нами — новый ров, новая внутренняя стена, новые ворота с такими же приспособлениями, какие мы видели у первых, наружных ворот. Нам удалось пройти новые ворота, и мы — на другом дворе; тут — конюшни, погреба, кухня, вообще всякие службы, а также — жилище владельца и ядро всего сооружения — главная замковая башня.

Остановим свое внимание на этой башне. Она — слишком важный предмет, чтобы можно было пройти мимо. Это — последний оплот для живущих в замке. Много преград предстояло одолеть неприятелю, прежде чем он мог бы добраться до этого пункта. В случае проникновения врага во внутренний двор население замка укрывалось в центральной башне и могло еще выдерживать продолжительную осаду в ожидании каких-либо благоприятных обстоятельств, которые могли бы выручить осажденных из беды. Большей частью главная башня воздвигалась совершенно в стороне от других построек. При этом старались выстроить ее на таком месте, где находился ключ: не имея воды, осажденные не могли бы, конечно, долго противостоять врагу. Если не было ключа, тогда устраивалась цистерна.

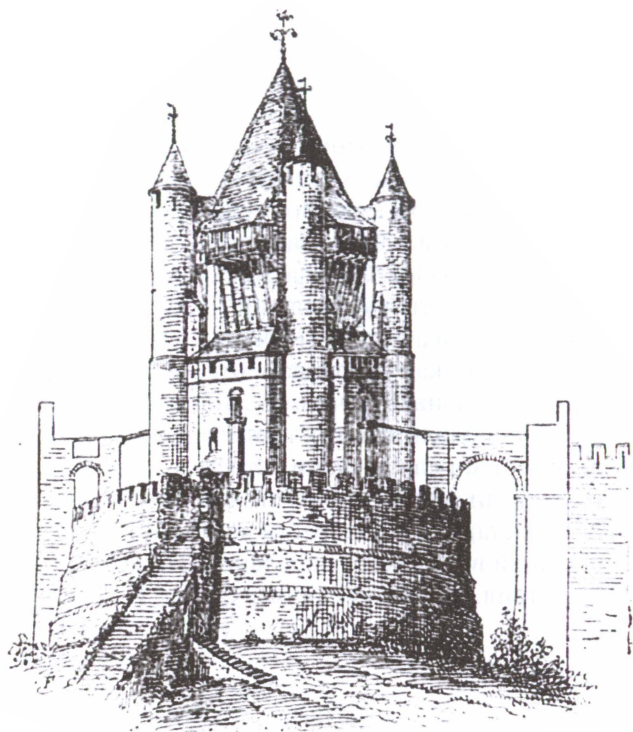
Стена центральной башни отличалась толщиной. Формы башен бывали различные: четырехугольные, многоугольные, круглые; последние преобладали (с конца XII века), так как лучше могли сопротивляться разрушительной силе неприятельских стенобитных машин. Ход в центральную башню устраивался футов на 20—40 над ее основанием. В башню можно было проникнуть только посредством такой лестницы, которую легко было убрать в самый короткий срок или даже и совсем уничтожить. Иногда от соседних зданий перебрасывались к башне подъемные мосты. Подвальный этаж

центральной башни, то есть все пространство от основания ее до входной двери наверху, был занят или темницей, или кладовой для хранения хозяйских сокровищ. И та, и другая были снабжены скудными отверстиями, которые служили для притока воздуха. В башне же помещались владельцы замка, устраивались комнаты для детей, гостей, больных. В более скромных замках, где не было особенного здания для жилья, в первом этаже башни помещалась главная зала, во втором — спальня хозяев, в третьем — горницы для детей и гостей. На самом верхнем этаже жил башенный сторож. Сторожить на башне — это была самая тяжелая из повинностей: сторожу приходилось испытывать холод, непогоду, необходимо было с постоянным вниманием следить со своего высокого поста за всем, происходившим как в замке, так и в окрестностях его. В обязанности сторожа входило трубить в рог при восходе и закате солнца, при отправлении хозяина замка на охоту и возвращении с нее, при приезде гостей, при появлении врага и т. п. В соседстве с каменной сторожкой на высоком древке развеивается флаг замковладельца. На верхушке башни происходила временами ужасная сцена: здесь вешали преступников.

Крепкий оплот представляла собою центральная башня, но представьте себе, что и она захватывалась неприятелем. Что тогда было делать? На этот случай глубоко под центральной башней устраивался подземный ход, которым можно было пробраться в безопасное место — например, в соседний лес.

Но мы так увлеклись созерцанием центральной башни, что не обратили вовсе внимания на прелестный фруктовый садик и цветник, раскинувшиеся недалеко от нее. С особенным удовольствием отдыхает глаз, утомленный рассматриванием каменных укреплений, на розах и лилиях, на зелени лекарственных трав, на плодовых деревьях, на гибкой виноградной лозе. Такие садики были необходимы для обитателей замка, принужденных, как вы увидите ниже, жить в помещениях неудобных и сумрачных. Вот почему они и разводились везде. За недостатком места внутри замковых стен такие садики, особенно во Франции, разбивались за стенами.

В нашем замке центральная башня — необитаема в мирное время: только опасность со стороны неприятеля заставит пе-

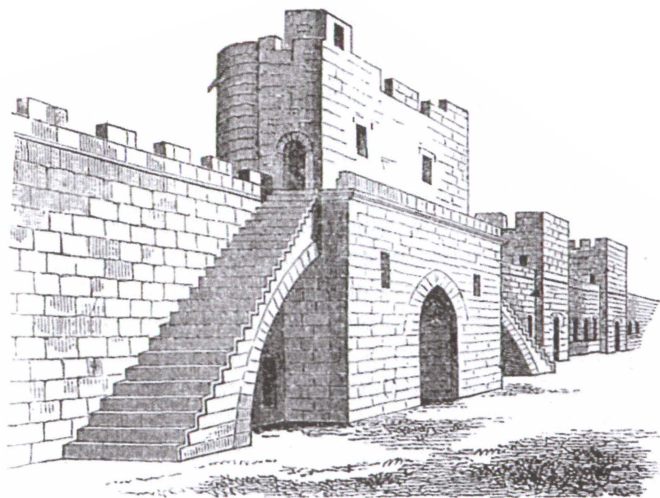

Центральная башня замка

рекочевать туда барона и его семью. В мирное же время обладатели нашего замка живут в особом строении. Подойдем к нему. Это строение называется дворцом или палатой. Перед нами — каменный двухэтажный дом. В первый этаж, поднимающийся довольно высоко над двором, ведет вдоль стены широкая каменная лестница с каменными же перилами. Недалеко от нее на дворе установлен камень, чтобы всадникам легче было как сесть на коня, так и слезть с него. Лестница оканчивается у большой двери первого этажа обширной площадкой. Такие площадки были особенно любимы во Франции. Первый этаж занят огромной парадной залой, второй — жилыми помещениями.

Чтобы закончить обзор вида средневекового замка, познакомимся еще с устройством внешней замковой стены. Оно сложнее, чем кажется со стороны. Вы, конечно, помните, что мы находимся внутри замка. Вернемся на передний двор и поднимемся по лестнице, которая ведет на стену. Возбравшись наверх, прежде всего проходим по коридору, расположенному над воротами. Вот мы вышли из него на свежий воздух и подвигаемся по замковой стене: это обычный путь караульного дозора. Справа от нас — передний двор замка, слева — поднимается укрепление, заимствованное у римлян: довольно высокая стена (несколько ниже человеческого роста), а на ней, как на фундаменте, — зубцы, отстоящие друг от друга на равные, ничем не занятые промежутки; зубцы прорезаны продолговатыми вертикальными отверстиями, предназначенными для пуска стрел.

Мы уже имели случай заметить, что строители средневековых замков старались изобрести возможно больше препятствий на случай вражеского нападения. Пред нами — новый вид препятствия, внезапный обрыв стены. В этом месте она

Стена замка. Вид изнутри

сразу и круто понижается, а далее так же круто поднимается до прежнего уровня. Это — существенная преграда для взобравшегося на стены врага, но не для нас. Бодро мы подвигаемся вперед по деревянному мосту, перекинутому через обрыв. В случае надобности такие деревянные мосты, неоднократно прерывающие каменную дорогу, могут быть разобраны в несколько минут. Но вот — новая преграда: на этот раз загородила дорогу стенная башня. Железная дверь, которая ведет во внутренность ее, заперта на замок. Теперь и мы не можем продолжать своей дороги. Но имейте в виду, что для замковых обитателей эта железная дверь всегда открыта. Там, с другой стороны, — другая железная дверь, а за ней — путь, ничем не отличающийся от пройденного нами. Прежде чем сойти вниз, взгляните хорошенько на башню, так неожиданно преградившую нам дорогу. Сторона ее, обращенная к замку, — плоска, а к полю — полукругла; на ее вершукше — зубцы.

Посвящение в рыцари

Когда кончался день и солнце скрывалось за горизонтом, с вершины центральной замковой башни неслись звуки рога: к покою призывали эти звуки, к прекращению трудов. Но в нашем замке сегодня большое движение; на кухне, занимающей особенное строение, стряпня во всем разгаре. Вот поднялась решетка у входных ворот, спустился подъемный мост, гремя своими цепями, и из-под ворот замка показывается целое общество. Сопровождаемый отцом, братьями и родственниками, выезжает на дорогу старший сын владельца нашего замка. Незадолго до того он принял теплую ванну, облекся в чистые одежды и теперь едет в соседнюю церковь, где проведет всю ночь, чтобы утром принять посвящение в рыцари. Ему восемнадцать лет; он полон здоровья и силы; ему хочется подвигов, славы. Наконец-то наступает торжественный день, которого он так пламенно ожидал.

Смеркается; повеяло прохладой; шумят листья придорожных деревьев; кое-где зажглись бледные звезды. Наши всад-

ники оживленно беседуют. Старый рыцарь вспоминает свое посвящение. Совершалось оно совсем не так, как совершится завтра посвящение молодого человека. Он был далеко от семьи, не хлопотали вокруг него родные, не готовили ему заботливые руки матери чистых одежд накануне великого в его жизни дня — все, все иначе было. С семилетнего возраста он жил в чужой семье в качестве пажа, или валаета. В этом звании он проходил в замке богатого землевладельца практическую школу так называемой куртуазии, то есть учился вежливости и вообще светскому обращению. Пятнадцати лет он получил из рук священника благословенный меч — его, согласно обычаю, подвели к престолу отец и мать с зажженными свечами в руках. Так он сделался оруженосцем и долго нес эту тяжелую службу. Вскоре его родители умерли, он остался круглым сиротой, и некому было помочь ему. Он стремился к свободе, к подвигам, но его жизнь протекала однообразно. Правда, он был не один; у его барона было несколько таких оруженосцев, как он, и это хоть отчасти скрашивало его жизнь.

Спозаранку поднимался он с постели и тотчас принимался за работу. Его день начинался в конюшне, и раннее солнце заставляло его за чисткой хозяйского коня и оружия. Поздней ночью обходил он с товарищами замковые стены. Весь день наполнялся хозяйственными заботами. Частые гости, необходимость служить им, ухаживать за их конями — все это, конечно, не давало времени скучать. Но и в час отдыха успокаивалось только тело, между тем как душа работала с большим напряжением. Грусть, думы, мечты не давали ей покоя. Наконец пробил желанный час. Однажды, ранней весной, в пору именно такого телесного покоя и умственной работы, стоя на замковой стене и рассеянно глядя оттуда на широко развернувшуюся окрестность, он услышал звук рога у подъемного моста. В ответ им понеслись такие же звуки с высокой замковой башни. Что такое? Гонец на взмыленной лошади. Скорей, скорей! Зазвенели цепи, спустился мост... Гонец — от сюзерена с письмом. Что это? Письмо на войну с неверными!..

Боже, сколько суматохи было! Пришлось поработать. Через неделю все было готово. Барон призвал капеллана для

составления духовного завешания. Путь далекий: не известно, что может случиться; следует быть готовым ко всему. Кто не знает, что возвращаются назад немногие? Кому горе и слезы, а наш оруженосец, как молодой орел, рад, что может наконец свободно взмахнуть крыльями и улететь туда, в чужие страны, за синее море, в Святую землю. Пролились прощальные слезы — и отправились крестоносцы. Много нового, невиданного прежде пришлось повидать. На дороге вынесли страшную бурю, чуть не погибли в море. А после... голые скалы, раскаленный песок, невыносимый зной, мучительная жажда... Пути неведомы, враг словно из земли вырастает...

В память рассказчика особенно врезался один день, день его славы, осуществления его мечты. Три дня перед ним рыцари и оруженосцы держали пост. Утро того дня было прохладное, солнце светило сквозь облака. Необозримыми рядами расположилось Христово воинство; каждый с верою ожидал общего причащения. Вот показались священники с епископом во главе. Они шли и причащали склонявшихся на колени воинов. Сколько обетов произносилось в эти минуты, сколько горячих молитв! После проповеди, произнесенной одним из священников, загремели трубы и рога, раздался призыв к битве. Все смешалось в хаотическую массу. Пыль поднялась столбом. Крики, стоны, ругательства, звон оружия, ржание коней наполнили воздух. Оруженосцам приходилось всюду следовать за своими рыцарями, подавать им оружие, уводить и уносить тяжело раненных и в то же время отбиваться от врага. На долю рассказчика выпало редкое счастье отбить из рук неприятеля захваченное им христианское знамя. Редкое счастье, редкий подвиг!

С закатом солнца битва прекратилась; христиане одержали решительную победу, враги бежали. Тут же, на самом поле битвы, среди груды убитых и тяжело раненых, сам король посвятил отличившегося оруженосца в рыцари — вручил ему меч и, согласно обычаю, слегка прикоснулся своей рукой к его щеке и своим мечом к его плечу...

Во время рассказа старого рыцаря из-за леса поднялась полная луна; тени всадников и их коней, перерезав дорогу, пали на траву. До церкви оставалось еще полпути, и дядя го-

товящегося к посвящению молодого человека успел рассказать интересный случай, свидетелем которого ему довелось быть много лет тому назад. Он видел, как рыцаря, уличенного в обмане, торжественно лишили рыцарского звания. Преступный рыцарь был разоружен и в длинной рубаше возведен на подмости, вокруг которых собралась необозримая толпа зрителей. Сначала сломали его оружие и обломки бросили к его ногам. Рыцарские шпоры сорвали с его ног, герб, изображенный на его щите, стерли, а сам щит привязали к хвосту рабочей лошади и протащили по грязи. Три раза громко спрашивал герольд, указывая на виновного: «Кто это такой?» Три раза ему отвечали, что это — рыцарь, и три раза герольд возражал: «Нет, это не рыцарь, это — негодяй, изменивший своему слову, клятве верности». Священник громко прочитал 108-й псалом, в котором особенно страшно звучали для окружающих проклятия, направленные против нечестивца: «Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой. Да будут его дети сиротами, и жена его вдовою... Да не будет сострадающего ему; да не будет милующего сирот его... Да облечется проклятием, как ризою, и да войдет оно, как вода, во внутренности его и, как елей, в кости его». Затем разжалованного рыцаря положили на носилки и, как мертвеца, как умершего для рыцарства, понесли в церковь. Толпа повалила вслед за ним. В церкви он должен был выслушать заупокойные молитвы.

Слушая рассказ, наши всадники невольно ужаснулись. Картина позора ярко предстала пред ними. И не в первый раз отец указал юноше на необходимость строго подчиняться всем законам рыцарства: веровать всему, чему учит Святая Церковь, соблюдать ее повеления; защищать ее; защищать всякого слабого, не бежать от врага, но смерть предпочитать бегству; быть верным своему сеньору; гнушаться лжи; быть щедрым; повсюду и всегда бороться за правду и добро против неправды и зла.

И в это самое время из-за деревьев взглянул на них храм Божий, ярко освещенный луной.

Застучал засов у церковных дверей, послышался топот отъезжающих домой провожатых, и наконец все смолкло. Таин-

ственна внутренность храма, мрак наполняет ее. Только через одно из окон проникнул в темноту серебряный луч месяца. Да на одном из алтарей зажжены свечи перед изображением св. Георгия Победоносца. Здесь, перед этим алтарем, проведет всю ночь сын нашего барона в молитве, в размышлении о том высоком сани, который ожидает его, о тех обязанностях, которые наложит на него этот высокий сан.

Кругом царит тишина. Гулко отдаются в пустом храме шаги молодого человека; он слышит биение своего сердца, свое дыхание; он чувствует, как приливает кровь к его вискам. То он шепчет молитвы, и собственный шепот сначала смущает его; то он представляет себе свой замок, свою семью. Как ярко восстают образы пред ним! Он видит лица родных, слышит их речи... О чем они? Об обязанностях, которые ожидают его. Церковь, говорили ему, — то же, что голова в человеческом теле, горожане и крестьяне — желудок и ноги, а рыцарство уподобляется рукам. Руки расположены как раз посреди человеческого тела, между головой и низшими членами, чтобы защищать и то, и другое. Значит, веруй всему, чему учит Св. Церковь, исполняй ее повеления: защищай ее, но вместе с тем уважай все слабое, будь защитником его, защитником вдов, сирот, всякого немощного. Защищай женщину — она часто притесняется беззаконным, грубым соседом; часто на ее счет пускаются гнусными людьми самые низкие клеветы. Крепко держись данного тобою слова, не лги. Что бы ты ни потерпел, отлучившись в дальние страны, а вернувшись домой, расскажи обо всем чистосердечно, ничего не утаивай. О славном подвиге поведай: он воодушевит других; послужит добрым примером; о неудаче не умалчивай: рассказ о ней может послужить хорошим уроком для других, а вместе с тем утешит того, кто и сам потерпел когда-либо неудачу. Будь щедр, будь благороден в обхождении: щедрость и благородство — два крыла, поддерживающие рыцарскую удаль...

Но вот снова приходит на память молитва, образы родных бледнеют и расплываются в сумраке храма, речи их удаляются и наконец замолкают; юноша простирает руки к святому изображению, озаренному свечами, и весь отдается горячей молитве. Его рыцарский меч, которым завтра торжественно опояшут его, лежит на алтаре.

Этот благочестивый и поэтический обычай проводить целую ночь, предшествовавшую посвящению в рыцарство, под сводами храма развился и господствовал во Франции. Сначала ему в обязательном порядке следовали накануне судебных поединков. В одной латинской хронике, оканчивающейся на 1029 году, сообщается, что одержавший победу в подобном поединке немедленно отправился пешком благодарить Бога именно в тот самый храм, где он провел перед этим всю ночь. Несколько позже обычай этот приурочился к обряду посвящения в рыцари.

С течением времени обряд посвящения в рыцари проник и в другие страны, но за пределами Франции он отличался большей простотой. В Германии главным моментом этого обряда было опоясывание нового рыцаря мечом, который торжественно благословлялся священником. Опоясывал рыцаря или местный сеньор, или даже вновь посвящаемый опоясывался собственноручно. Тот же сеньор подавал ему щит и копье, и все это несложное торжество заканчивалось турниром. В Англии была та же простота: Готфрид Плантагенет⁴, возведенный в рыцарский сан Генрихом I⁵, принял ванну, надел великолепную одежду, принял в подарок рыцарское вооружение и сейчас же пошел показывать свою силу, уже в качестве нового рыцаря...

Но обратимся к нашему юноше. Он бодро вынес испытание. Сон ни разу не смежил его глаз. Он устоял против соблазна присесть на ступенях алтаря и всю ночь простоял перед алтарем в своем длинном белоснежном одеянии. В глубоких оконных амбразурах забрезжил дневной свет; засветились разноцветные стекла оконных рам. Все больше и больше света вторгается в храм, мрак уступает место свету, тени убегают в углы... Загремел дверной засов. В церковь вошли люди.

Церковь наполнилась родными и знакомыми посвящаемого. Приехал сам епископ — особенная честь для нашего барона. Как богаты, как пестры наряды собравшихся! Каким весельем озарены их лица! Вот понеслись звуки органа; началась месса. Благоговейно выслушал ее посвящаемый, благоговейно приобщился...

Наконец наступают торжественные минуты благословения меча. Юноша приближается к епископу; перевязь с ме-

чом надета у него на шее. Епископ снимает меч и громко читает молитву: «Пресвятыи Господи, Отец всемогущий, Боже вечный, Единый, всем повелевающий и всем располагающий! Чтобы подавлять злобу нечестивых и защищать справедливость, спасительным благоволением Своим Ты дозволил людям пользоваться мечом на земле. Устами Святого Иоанна Ты сказал воинам, приходившим искать его в пустыне, чтобы они никого не обижали, не клеветали ни на кого, но довольствовались жалованием своим. Господи! Мы смиренно прибегаем с молитвой к милосердию Твоему. Ты дал рабу Своему Давиду силу победить Голиафа, Иуде Макавею — восторжествовать над народами, не признававшими Тебя; так же и рабу Своему, сегодня преклоняющему главу свою под ярмо военной службы, сообщи силу и отвагу на защиту веры и справедливости, приумножь в нем веру, надежду и любовь. Дай ему все вкупе — и страх Твой, и любовь Твою, смирение и твердость, послушание и терпение. Устрой все так, дабы ни сим мечом, ни иным он не ранил никого несправедливо, но употреблял его на защиту всего истинного и правого».

После этого епископ снова надевает на шею юноши уже освященный меч со словами: «Приими меч сей во имя Отца и Сына и Святого Духа, употребляй его на свою защиту и на защиту святой Церкви Божией, на поражение врагов Креста Господня и веры христианской и, насколько возможно то для немощности человеческой, не поражай им несправедливо». Молодой рыцарь, слушавший епископа на коленях, поднимается на ноги, берет меч, широко размахивается им, как бы поражая невидимых врагов Христовой веры, затем отирает его о левую руку и снова вкладывает в ножны.

Епископ целует юношу со словами: «Мир тебе», и тот направляется к сеньору своего отца, чтобы принести ему клятву в верности как своему сюзерену. Выслушав клятву, сеньор приказывает облачить юношу в рыцарские доспехи. Это дело присутствующих рыцарей, им помогают дамы и молодые девушки. Сперва прикрепляют ему левую шпору, затем правую, надевают кольчугу, опоясывают мечом. Юноша, уже в рыцарских доспехах, опускается на колени перед сеньором. Тот поднимается с места и своим обнаженным мечом плаш-

мя три раза касается его плеча, произнося при этом: «Во имя Божие, во имя святого Михаила и святого Георгия, я делаю тебя рыцарем, будь храбр и честен».

После этого молодому рыцарю подносят шлем, щит и копье. Сопровождаемый всеми присутствующими в храме, он выходит на воздух. Собравшийся перед церковью народ приветствует его громкими восклицаниями. Теперь настало время показать свою ловкость и силу. С этой целью невдалеке от церкви заранее установлен на вращающемся столбе манекен, покрытый доспехами. Наш рыцарь при всеобщем одобрении, не коснувшись ногою стремени, вскакивает на коня и, погарцевав на площади, мчит в сторону манекена. Метким и сильным ударом он сбивает его наземь. Гром рукоплеканий заглушает грохот разлетевшихся в стороны доспехов и оружия, которое было прикреплено к манекену...

После этого все присутствующие направляются в замок отца свежеиспеченного рыцаря, где их ждет пир.

Внутренность замка

Предупредим молодого рыцаря, его семью и гостей и проникнем раньше их в главнейшие части замка. С его планом и внешним видом мы уже ознакомились, теперь поднимемся по каменной лестнице палаты и постараемся, пока не набралось в ней народа, хорошенько рассмотреть главную, большую залу. Против ожидания вы не сразу проникаете в нее с верхней площадки каменной лестницы. Пройдя главные двери, вы входите в галерею, которая протянулась вдоль всего главного фасада здания; свет обильно проникает сюда через большие окна. В стене, противоположной окнам, находятся двери: одна из них ведет в главную залу. Войдем в нее. Как здесь мрачно!

Но как же зале не быть мрачной? При обширных размерах, при толщине стен в два с половиной — три метра, при небольшом количестве узких окон, представляющих собой глубокие ниши, при цветных стеклах, задерживающих дневной свет, совершенно понятна эта мрачность. Главная цель оби-

тателей замка — устроиться возможно безопаснее: вот почему его внутренние помещения выглядят столь неудобными. Однако нельзя сказать, чтобы и в те времена, по преимуществу военные, люди совершенно не заботились о красоте и комфорте. Рассматривая внутренность замка, мы увидим следы этих забот. Только эти заботы стояли, так сказать, на последнем плане. Пол нашей залы каменный, но не одноцветный: он составлен из разноцветных плит, правильно чередующихся между собою и несколько ослабляющих то гнетущее впечатление, которое мы испытали при входе в залу. Сегодня сверх того по полу, ввиду предстоящего пира, разбросаны ветви и цветы — розы и лилии.

Но не будем забегать вперед. Вся зала разделена на три отделения колоннами с причудливыми капителями. Потолок плоский; поперек его идут ряды балок, частью расписанных красками. Каменные стены залы выбелены и местами расписаны водяными красками, они увешаны рогами, щитами, копьями. Фрески грубы, перспективы нет и следа. Сегодня по причине торжества по стенам развешаны ковры, на которых изображены роши с животными, герои древней истории, персонажи рыцарской поэзии. Посредине комнаты — громадный дубовый стол, покрытый скатертью. На нем — ложки, ножи и сосуды из золота и серебра. Вокруг него, как и вообще по стенам залы, — скамьи с подушками. На одном конце его — большое кресло с ручками, под шелковым балдахином. Обыкновенно здесь сидит владелец замка, но сегодня оно предназначается для сеньора нашего владельца.

Особенного нашего внимания заслуживает камин. Это — целое сооружение. Помещается он между двумя окнами. Основанием его внешней части служат прямые колонны почти в человеческий рост; над ними выдается довольно далеко вперед каменный колпак, постепенно суживающийся по мере приближения к потолку. Колпак расписан изображениями на сюжеты из рыцарской поэзии. О размерах каминов в средневековых замках можно составить себе некоторое представление из следующего рассказа, который мы находим у французского хрониста Фруассара⁶. Из всех дворов богатых владетелей в XIV веке особенно славился двор графа

Фуа. Его обширные замковые помещения были всегда переполнены рыцарями. Дело происходило во время Святок. День был холодный; рыцари грелись, сидя перед камином. В залу вошел сам граф. «Как холодно, — сказал он — а в камине так мало огня!» Один из рыцарей, Эрнотон, в это время стоял у окна залы, смотрел во двор и как раз увидел входящих во двор замка ослов, нагруженных дровами. Недолго думая, отличавшийся необыкновенной силой рыцарь спустился во двор, схватил самого большого осла вместе с дровами, взвалил себе на плечи, поднялся в залу и, растолкав рыцарей у камина, бросил в огонь.

Мы еще посидим с семьей нашего барона у пылающего камина в суровый осенний вечер, когда буря будет завывать и носиться вокруг замка, а теперь воспользуемся временем и заглянем в другие комнаты, благо нам никто не мешает: все в кладовых, на кухне, на дворе, за воротами — в ожидании блестящей кавалькады.

По сторонам главной залы находятся другие залы подобные ей, но гораздо меньших размеров. Там нечего смотреть. Но мы поднимемся по каменной лестнице на верхний этаж, где расположены жилые помещения. Из них наибольшего внимания заслуживает спальня. Она освещается дневным светом очень скудно; он проникает с трудом сквозь цветное стекло. Здесь два таких окна, а между ними — камин, такой же формы, как в большой зале, но меньших размеров. Стены здесь также раскрашены, покрыты картинами, а сегодня, как и внизу, коврами. При входе в спальню бросается в глаза низкая, но широкая постель. Она поставлена изголовьем к стене. Высоко поднимаются шитые шелками подушки. Занавеси, передвигающиеся на железных прутьях, отдернуты. Резко выделяется богатое горностаевое одеяло. С обеих сторон постели брошены на каменном узорчатом полу звериные шкуры. Тут же — большой канделябр с толстой восковой свечой и горизонтальный стержень, укрепленный на двух других, вертикальных, предназначенный для того, чтобы вешать снимаемую на ночь одежду.

Вблизи постели на подставке, прикрепленной к стене, стоит довольно грубо сделанное изображение святого, патрона замковладельца. Вдоль стен расставлены скамьи с подуш-

ками, кресла, кое-где прямо на полу разбросаны подушки, предназначенные для сидения. На полу у стены стоят несколько запертых ящиков, в которых хранятся белье и одежда. Некоторые из них богато разукрашены. На столе, недалеко от камина, стоят два интересных предмета; это — небольшие ящички, один круглый — из бронзы, другой четырехугольный — из слоновой кости. Круглый открыт, и в нем помещается зеркало в резной деревянной раме. Но особенно интересен второй, закрытый ящичек. Его резьба изображает лес, на деревьях поют птицы, а под деревьями конные охотники преследуют какого-то зверя. Там, вероятно, хранятся драгоценные украшения: серьги, перстни с драгоценными камнями, браслеты и кольца.

После того как вы ознакомились с главной залой и со спальней, другие комнаты — в Германии они назывались «кеменаты» (по-латыни *caminatae*, то есть отапливаемые печами, каминами) — не могут представить вашему вниманию ничего нового.

В заключение нашего обзора посетим замковую капеллу и проникнем тайком в замковую темницу. Капелле, как вы, вероятно, помните, отведено в замке нашего барона особое здание на первом дворе. В других замках она помещается в жилом здании, рядом с главной залой. Но где бы она ни помещалась, без нее обитателям замка обойтись невозможно. При своем посвящении в рыцарское звание каждый посвящаемый давал обет ежедневно присутствовать на божественной службе. Вот и первая необходимость иметь капеллу подле себя. Но капелла немыслима без священника, без капеллана, вот почему последний — лицо необходимое в среде обитателей средневекового замка. Ведь не ехать же всякий раз за священником в ближайшую церковь, тем более что и ближайшая церковь отстоит от замка довольно далеко. С другой стороны, представьте осаду замка неприятелем — явление самое обыкновенное в те суровые времена, ведь тогда без капеллы хозяева замка и все его многолюдное население были бы совершенно отрезаны от церкви, лишены утешения, доставляемого молитвой, словом Божиим, лишены возможности приобщиться Святым Таин. Кроме того, капеллан нередко играл роль домашнего секретаря: он читал и писал по поручению

хозяев письма. Наконец, он наставлял в правилах веры молодое поколение. Вот почему без капеллы и капеллана немислим был ни один порядочный замок.

Наша капелла очень незатейлива. Прямоугольная комната, освещаемая несколькими полукруглыми окнами с цветными стеклами, с изображениями святых, заканчивается полукруглой нишей; в нише — алтарь с самыми необходимыми предметами: распятием, Евангелием, дарохранительницей, свечами...

От этого места, где ежедневно произносятся возвышенные слова любви и мира, перенесемся воображением в другое место, где раздаются иногда проклятия и страшные стоны. Мы — в темнице, под главной замковой башней. Темный, круглый подвал со сводом. На верху свода — отверстие, через которое спускают сюда преступника. Через редкие отдушины скудно входит в это ужасное место свежий воздух. Удушливый воздух, грязь, всякие гады, а иногда и подпочвенная вода, внезапно прорвавшая себе дорогу, грозят здоровью и жизни несчастного узника, которому суждено спуститься под этот мрачный свод. Прочь, прочь отсюда, на свежий, вольный воздух, где солнце светит, где плывут облака, где птицы поют свои беззаботные песни!

С вершины башни понеслись звуки рога, послышались откуда-то музыка, пение, приветственные крики. Молодой рыцарь подъезжает к своему дому, с ним — родные и гости.

Пир в замке

Прежде чем изобразить вам картину пира в большом средневековом замке, я должен сказать, что барона окружал целый штат прислуги. Этот штат увеличивался и развивался, конечно, постепенно. Мы уже оставляем в стороне пажей и оруженосцев, которые были благородного происхождения. Кроме них, был целый ряд должностных лиц, которым поручалась та или другая часть замкового хозяйства. Одно перечисление их заняло бы довольно много места. Мы обра-

тим внимание только на главнейших из них. Первое место в придворном штате средневекового барона занимал сенешал, главной заботой которого был стол барона; он заведовал провиантом и имел общий надзор за кухней, в общем руководил «кухонным департаментом». Маршал заведовал конюшнями, палатками, всякой перевозкой. В ведении шамбеллана, или камергера, находились комнаты и домашняя утварь. Погребами и кладовыми с винами, пивом и медами заведовал стольник. Особое должностное лицо закупало провизию. Ниже их стояли сержанты, гарсоны, псары и др. Уход за баронессой осуществляли горничные. Кроме того, ей прислуживали женщины благородного происхождения, несшие свою службу добровольно, как пажи и оруженосцы.

После некоторого знакомства с многочисленным замковым штатом и картина пира будет отчетливее.

Загремели рога, призывая к парадному обеду, — и каким шумом сразу наполнилась пустынная до того времени главная зала замка! Мы как будто оказались совершенно в другом помещении, как будто и не были здесь раньше. Вот входят разодетые гости. Одежды дам и кавалеров поразительно сходны! Только дамский костюм красивыми складками ниспадает до самого пола, а мужской — значительно короче; только дамские рукава необычайно широки, и нижние концы их очень длинные, а мужские — плотно охватывают руку и доходят до кисти. Разноцветный шелк, мех, галуны и драгоценные камни — у тех и других. Особенно богаты пояса. У дам концы поясов ниспадают почти донизу и обильно украшены топазами, агатами и другими камнями.

Волосы дам тщательно причесаны и заплетены в тяжелые косы (кое у кого с примесью фальшивых волос), перевитые цветными лентами и золотыми нитями. В то время не только носили шиньоны, но умели красить волосы; были известны и румяна. Волосы у мужчин ниспадают до плеч, у некоторых бороды достигают довольно больших размеров. Но короткая борода вообще преобладает; встречаются даже совсем бритые подбородки.

У многих из присутствующих, особенно у дам, головы украшены золотыми обручами, на которых сияют драгоцен-

ные камни. Блеск золота, серебра и драгоценных камней, приятное сочетание цветных материй, среди которых преобладают синий и красный цвета различных оттенков, необычайно оживляют картину, развертывающуюся перед нашими глазами.

Все блестящее общество направляется к громадному столу, покрытому узорною белою скатертью. Бросая беглый взгляд на сервировку стола, мы с некоторым изумлением замечаем отсутствие предмета, по нашим понятиям безусловно необходимого, а именно — вилок. Последние стали входить в употребление только с самого конца XIII века. Каждый прибор состоит из ножа, ложки и серебряного, а то и золотого кубка, но есть и такие места за столом, где один кубок предназначен двум персонам. Особенно выделяется сосуд для питья, поставленный перед местом самого знатного гостя. Этот сосуд имеет форму корабля на ножке. Над палубой его возвышаются мачты, надуваются паруса, вьются флаги и вымпелы; все снасти перед питьем снимаются. Корабль сделан из серебра, местами позолоченного.

Для каждого присутствующего у приборов заблаговременно положены на столе белые хлебы. Кроме того, на столе расставлены большие металлические кувшины с вином, чаши с крышками и без крышек, солонки, соусники. На солонках встречаются надписи. Особенно хороша одна: «Cum sis in mensa, primo de paupere pensa: cum pascis eum, pascis, amice, Deum» — «Когда ты за столом, прежде всего подумай о бедняке: кормя его, ты кормишь, друг, Бога».

Наше общество шумно расселось, по степеням знатности, на скамьях, окружающих стол. На главном месте, под балдахинном, расположился сюзерен нашего барона, удостоивший его в этот торжественный день. Только что расселись за столом гости, в залу вошли прислужники; в их руках — кувшины с водой, на шеях висят полотенца. Умывание рук перед обедом при отсутствии вилок имеет, конечно, особенное значение. Что касается самих кушаний, необходимо заметить, что в то время ни супа, ни бульона не подавали — начинали прямо с мяса. Например, сегодня на первое блюдо разносится жареный олень; он разрезан на куски и сильно

приправлен горячим перцовым соусом. Второе блюдо так же сытно, как и первое, это — жареный кабан под тем же соусом. За ним внесены жареные павлины и лебеди. В то время как одни прислужники и оруженосцы разносят кушанья, другие обходят стол с кувшинами и наливают в кубки вино. Потом отведываются зайцы и кролики, всевозможные птицы, пироги с мясной начинкой и рыба. Вот принесены яблоки, гранаты, финики. Но что должно возбудить наше удивление — в самом конце обеда уже насытившиеся рыцари снова обращаются к тем же пряностям, которыми в изобилии были приправлены все мясные блюда. Перец, мускатный орех, гвоздика, имбирь — все это употребляется ими с особенным удовольствием.

Говорят, что это делалось для возбуждения и поддержания жажды, дабы побольше употребить вина. Но все эти приправы, может быть, были просто необходимы при тех тяжелых блюдах, из которых состояли званые обеды. Вина также приправлены разными пряностями и представляют собой подобие каких-то микстур. Любопытны некоторые наставления для гостей, написанные одним из средневековых писателей, например: гости должны быть скромны и довольны тем, что им предложат; они не должны есть двумя руками; не следует ни пить, ни говорить с набитым ртом; нельзя обращаться к соседу с просьбой одолжить кубок, если видишь, что сам он еще не допил его, и т. п.

Но и в то далекое от нас и сравнительно грубое время, объедаясь и предаваясь излишнему употреблению вина, люди чувствовали инстинктивную потребность в чем-то высшем и лучшем. Спасительницей загрубевшего общества была великая зиждательная сила поэзии. Она пробуждала в загрубевших сердцах, бившихся под железными панцирями, лучшие, благородные, истинно человеческие чувства.

Необходимую принадлежность пира, подобного сегодняшнему, составляли музыка и пение. Взгляните на небольшую группу людей, расположившуюся в углу залы. Это жонглеры — странствующие музыканты и певцы. Их десять человек. Здесь и арфа, любимейший музыкальный инструмент в Средние века, и псалтерий — треугольный ящик с отверстием посередине,

Жонглер.

Со старинного рисунка

с натянутыми струнами, и лютня, и подобие скрипки, и другие струнные инструменты. Одетые в длинное, ниспадающее почти до самой обуви платье, жонглеры усердно исполняют одну пьесу за другою. Музыка чередуется с пением или сливается с ним.

Из среды жонглеров особенно выделяется своим серьезным видом один. Это певец исторических песен. Он поет о подвигах святых, о подвигах рыцарей. Его очередь еще не пришла. Он будет петь после обеда. Теперь же на смену музыке появились акробаты; традиция приглашать их унаследована новыми народами Западной Европы еще от римлян. Один из акробатов вскочил на шар и, стоя на нем, начал кружиться по зале. Другой заходил на руках. Двое подняли обруч, а третий с разбега прыгнул сквозь него. Потом на первый план вы-

шел фокусник, поглощающий огонь и снова извергающий его изо рта.

Среди подобных забав обед приблизился к концу. Снова вошли прислужники с водой, и по окончании мытья рук все общество встало из-за стола. Все разбрелись кто куда. Часть гостей отправилась во двор, чтобы посмотреть грызню медведей, которых стравили между собой. Молодежь устроила игры на открытом воздухе; потом принялись за танцы — тоглашные танцы походили на хороводы и сопровождалась пением всех в них участвующих. Другие гости устроились играть в шашки, кости, шахматы. Игра в шахматы считалась благороднейшей в ряду других игр. Доски делали из серебра и даже золота; фигуры, которые отличались большими размерами, — из слоновой кости и черного дерева.

Но вот наступают сумерки, и хозяин замка приглашает присутствующих послушать певца исторических песен. Большинство спешит на призыв и собирается в той зале, где был обед. Певец выступает вперед, откидывает на плечи кудрявые волосы, прикладывает к подбородку свой любимый инструмент, проводит смычком по струнам и после короткого вступления поет...

Песня рассказывает о судьбе Жерара Руссильонского⁷. Король франков Карл Мартелл⁸ полюбил некую принцессу, родственницу византийского императора. Между тем принцесса и граф Руссильонский уже давно любят друг друга. Несмотря на это, желая благополучия своей любимой девушки, Жерар уступает ее королю, а сам женится на родной сестре ее Берте. Оба брака совершаются одновременно, в одном и том же месте. После этого повенчанные пары разъезжаются в разные стороны. На прощание в присутствии свидетелей королева в знак своей любви дарит Жерару перстень.

Вскоре Карл, позавидовав богатству Жерара, задумал отнять у него Руссильонский замок. Жерар отчаянно сопротивлялся, но все-таки вынужден был уступить; он едва спасся с небольшим числом рыцарей. Печальную участь его разделила верная Берта. Начались их полные горестей странствия. Сердце Жерара пылало мщением, но встреченный благочестивый отшельник побудил его смирить гордыню. Карл же повсюду рассылал гонцов, предлагая тому, кто приведет Жерара, золота и серебра в семь раз больше его веса. В конце концов гонимый Жерар становится торговцем углем. Берта зарабатывает на жизнь шитьем. Так проходит целых двадцать два года! По прошествии этого времени супруги отправились в Орлеан, где в ту пору находился король. Здесь Жерар нашел случай предстать перед королевой, но она не узнала его. Тогда Жерар подал ей перстень. Королева внимательно взгляделась в Жерара и — как говорит поэт — принялась его целовать. Позже королева примирила с Жераром короля. Жерар и Берта снова получили во владение Руссильонский замок и мирно дожили в нем свой век...

Певец осыпан похвалами и щедро одарен. Тем временем подошло время ужина. Зала озарилась свечами, поставленными в высокие канделябры. На столе опять появились приборы...

После ужина часть гостей уехала — хозяин проводил их до коней. Остальные расположились ночевать в гостеприимном замке. На дворе прохладно. Луна, как серебряный щит, сверкает на ясном небе. Таинственный ее свет раскинул причудливые тени замковых укреплений. Теплятся звезды. Загремели цепи подъемных мостов. Караул обошел стену, бряцающая оружием, прозвучали сигнальные трубы. Утомившийся шамбеллан принес усталому хозяину тяжелую связку ключей. И скоро все погрузилось в сон.

Охота на кабана

Холодное осеннее утро. Солнце светит, но заслоняется по временам бесконечно следующими друг за другом серебристо-белыми облаками. Роса покрывает поле. Птичьи голоса не оживляют его. Лес поредел, и далеко разносится ветром опадающая листва. Подъемные мосты у ворот нашего замка опущены. На большом мосту и около него — группа охотников, лошадей и собак. Сегодня наш барон едет охотиться: вчера в одном из окрестных лесов его охотники обложили кабана.

Каждый из охотников одет в короткий зеленый кафтан, плотно опоясанный кожаным поясом. За поясом заткнут нож, и тут же помешаются огниво, трут и кремь. Панталонны сшиты из толстой материи; ноги защищены еще и гамашами. Через плечо у каждого перекинута перевязь с рогом. На головах — невысокие шапочки, у некоторых они украшены перьями. У седел заткнуты кривой кинжал и нож для разделки убитого животного. Главное оружие, употребляемое в охоте на кабана, — рогатина, на всякий случай взято, конечно, и другое оружие: дротики, употребляемые против оленя, и луки, которые были необходимы в охоте за мелкой дичью.

В ожидании господина охотники коротают время болтовней и шутками. Только на несколько минут омрачилось их веселое настроение, и виною тому стали ни в чем не повин-

ные вороны. Они затеяли шумную свару. Но дело, конечно, не в шуме. Охотники — люди крайне суеверные и в присутствии злополучных ворон видят предзнаменование неудачи. Суеверием заражен и сам владелец замка; будь он здесь, он непременно подчинился бы общему настроению. Но хозяин пока у себя, он одевается. В этом занятии ему помогает жена, но сохрани Боже, если она по рассеянности подаст ему меч! Веселое настроение духа, в котором он находится теперь, сразу же изменится, потому что он убежден в неизбежности неудачи, если при снаряжении на охоту возьмет меч из рук женщины. Но вот барон наконец готов и выходит к ожидающим его охотникам. Все садятся на коней и скрываются в ближайшем лесу. И мы последуем за ними.

В одном из рыцарских романов подробно описывается охота на кабана, и мы не находим ничего лучшего, как привести обширную цитату:

«У рыцаря в руках дубина. Он бьет ею по кустарнику, в котором скрывается кабан, а охотники дуют в свои рога так громко и звонко, что весь лес отзывается на звонкие звуки. Кабан немедленно выскакивает из кустарника и обращается изо всей мочи в бегство. За ним несется большая и сильная борзая собака. Удалившись от остальных собак на расстояние полета стрелы, борзая наконец схватывает кабана за ухо. Тот, однако, ударяет ее клыками так сильно, что распарывает бок. Потом он яростно хватает ее зубами и ударяет о дубовый ствол; череп собаки разлетается вдребезги, и ее внутренности вываливаются наружу.

Тут подспевают другие собаки, но кабан не стал дожидаться их и опять побежал так быстро, как только могут вынести его ноги. Вплотную гонятся за ним борзые, спешат охотники; они хотят настичь его в лесу. Но кабан вырывается из лесу и бежит к потоку. Река очень глубокая, но бесстрашно прыгает в нее кабан в надежде спастись. Не тут-то было: одна из борзых вспрыгивает ему на спину и впивается зубами в затылок; другие собаки спешат помочь своему товарищу. Но кабан успевает расправиться с борзой и топит ее.

Рыцарь и все, сопровождавшие его, бросаются за кабаном в воду. Но пока они плывут к противоположному берегу, кабан уже далеко. Он бежит теперь по обширному полю, бежит

без остановки, собаки гонятся за ним из последних сил. Видя это, охотники торопят и шпорят коней, чтобы поспеть на помощь собакам. Но вот кабан, утомленный, переходит с галоп на рысь. Одна из борзых прыгает вперед и впиивается ему в ляжку. Тогда он вонзает в нее свои длинные острые клыки и подкидывает ее высоко в воздух. При падении на землю несчастная получает такой удар, что ее мозг разлетается. Тотчас на кабана нападают остальные собаки. Кабан начинает хватать их, как попало. Разгневанный рыцарь клянется, что не прекратит охоты, пока у него останется в живых хоть одна собака.

Между тем кабан уже измучен. Тем не менее он снова пускается в галоп, поворачивает к реке и опять кидается в воду. За ним бросаются в беспорядке и собаки, и охотники. Переплыв реку, кабан снова пускается в лес, из которого раньше выбежал. Охотники шпорят уже замученных гоньбою коней. Одна из собак забегают вперед и хватается кабана за грудь, но он в мгновение ока растерзывает ее...

Рыцарь впадает в сильное раздражение, видя гибель еще одной собаки. Из четырнадцати их у него осталось теперь только десять — четырех умертвил кабан. Окольной тропинкой он обгоняет кабана и выставляет перед собой рогатину. С разинутой пастью несется на него кабан; ослепленный усталостью и яростью, он неистово насккивает на рогатину, и она вгоняется в его тело, пропарывая все внутренности. И кабан падает мертвым. Тут подспевают другие охотники.

Рыцарь берет красивый нож с серебряной рукояткой и вскрывает кабана, залитого кровью. Все он делает согласно установленному обычаю и бросает собакам принадлежащую им долю — легкие и потроха. Каждая собака получает свою порцию. Когда же они поели, рыцарь и его свита садятся на коней. Кабана взваливают на самого сильного коня. И едут по лесу рыцарь и его спутники, сильно утомленные...»

Рыцарское вооружение

Оставим ненадолго людей, а поговорим о предметах бездушных, о предметах, составлявших рыцарское вооружение. И в этом вопросе мы ограничим свой интерес главным образом XII и отчасти XIII столетиями. Познакомимся сперва с оружием наступательным. Их было два: меч и копье.

Меч в форме креста — исключительно рыцарское вооружение. Он состоит из трех частей; стального клинка, рукояти и дискообразного дополнения к последней на самом верш. В дискообразный придаток к рукояти нередко помещались частицы мощей или какие-либо реликвии. В древнейшее время делали клинки односторонние, а потом вошли в употребление обоюдоострые. На клинках вырезались различные надписи и фигуры. Надписывалось или имя меча (так как существовал обычай называть их по именам), или какое-либо краткое изречение. Фигуры делались различные: так, мы встречаем упоминание о мече, на клинке которого с одной стороны были изображены три креста, а с другой — три леопарда. Вырезанные надписи и фигуры, как правило, покрывались позолотой. Меч вкладывался обыкновенно в ножны, сделанные из кожи, или дерева, обитого богатой материей, или даже из золота. Ножны, бывало, украшались драгоценными камнями.

Рыцарь молился перед мечом, воткнувши его острием в землю, приносил клятву, положив руку на крестообразную рукоять его. Замечательный памятник средневековой поэзии — «Песнь о Роланде» — необыкновенно ярко и трогательно изображает горячую любовь, которую истинный рыцарь питал к своему мечу. Смертельно раненный Роланд думает о своем мече и говорит с ним, как с дорогим сердцу разумным существом. Не желая, чтобы Дюрандаль — таково было имя его меча — достался врагам, он с болью в сердце решает разбить его о скалу. Но меч крепок, он отскакивает от камня. Тогда рыцарь начинает оплакивать его:

...Как ты красив, как свят, мой меч булатный,
В твоей золотой, тяжелой рукояти

Хранятся мощи...
 Не должен ты язычникам достаться;
 Христов слуга тобой владеть лишь должен!

Но вот силы Роланда слабеют.

Почуял граф, что близок час кончины:
 Чело и грудь объял смертельный холод...
 Бежит Роланд, — и вот под сенью ели
 На мураву зеленую он пал.
 Лежит ничком, к груди своей руками
 Прижал он меч*...

На меч вообще смотрели, как на предмет священный. Да это и не должно удивлять, если вспомнить, что рыцарские мечи освящались в церкви. Если рыцаря хоронили в церкви, меч клали на его гробницу.

Кроме меча в бою употребляли еще кинжал. Но кинжал, как и бердыш, не считался настоящим рыцарским оружием.

Другим наступательным оружием было копьё. Оно также состояло из трех частей; древка, железного наконечника и значка, или флага. Древко достигало больших размеров, до восьми футов, а впоследствии даже до пятнадцати. Изготавливалось оно из разных пород дерева, но лучшим считалось сделанное из ясеня. Древко обыкновенно красилось — преимущественно в зеленый или синий цвет. Оканчивалось оно металлическим острием, которое легко втыкалось в землю. Железный наконечник копья чаще всего делался в форме ромба, но бывали наконечники и в форме высокого конуса. Под наконечником тремя и более серебряными или позолоченными гвоздиками прибивался значок, или флаг. Он достигал большой длины, спускаясь до самого рыцарского шлема, и заканчивался тремя длинными языками. Чаще всего цвета его были зеленый, белый и синий. Иногда вме-

* Здесь и далее «Песнь о Роланде» в перевод графа де Ла-Барта (Песнь о Роланде, СПб., 1897). — *Здесь и далее, если не оговорено особо, постранично — прим. авт.*

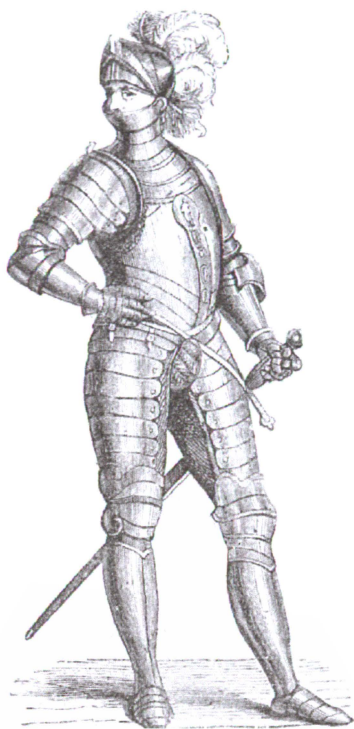
сто флага прикреплялась длинная лента. Вот как описывается копьё Роланда:

Прекрасен граф,
Ему к лицу доспехи боевые;
В руках он держит острое копьё,
Играет им и к небу голубому
Подъемлет он стальное острие;
К копьё значок привешен белоснежный,
И от него до самых рук спадают
Златые ленты...

Значок (флаг) не следует никоим образом смешивать со знаменем. Первый был общепринятым предметом, второе же составляло принадлежность только тех рыцарей, которые владели большими землями и приводили с собой на войну определенное количество вооруженных людей. В XIII столетии и на флагах, и на знаменах появились гербы.

Пеший рыцарь нес копьё на правом плече; конный держал его вертикально, а во время боя — горизонтально, над бедром, а позднее и под мышкой. Копьё было исключительно рыцарским оружием; оруженосец мог биться только со щитом и мечом (но не рыцарским). Иногда и копьё, подобно мечу, имело свое собственное имя.

Оборонительное вооружение составляли щит, кольчуга и шлем. До второй половины XI столетия употреблялись круглые щиты, а потом сделались общепринятыми щиты продолговатые, рассчитанные на то, чтобы прикрывать рыцаря во всю его длину, начиная с плеч. Обыкновенно щиты были не плоские, а выгнутые. Изготавливались они из деревянных досок, изнутри обивались чем-нибудь мягким, а снаружи — кожей, которая часто раскрашивалась; на ней изображались львы, орлы, кресты, цветы, бывшие вначале лишь простыми украшениями, не имевшими ничего общего с гербами. С внутренней стороны щита приделывались две кожаные ручки, здесь же была широкая перевязь из кожи или из богато украшенной материи. Вне боя рыцарь закидывал эту перевязь на плечо. Павших в битве выносили с поля сражения на щитах.

Рыцарь
в полном вооружении

Кольчугой называлась длинная рубаха из железных колец, доходившая и даже спускавшаяся ниже колен. С первой половины XII века она вошла во всеобщее употребление, заменив ранее употреблявшуюся кожаную рубаху с нашитыми на ней металлическими бляхами. Чтобы кольчуга могла лучше противостоять ударам противника, ее делали из двойных и тройных колец. Кольчуга снабжалась капюшоном для защиты головы. Подобно другим частям рыцарского вооружения и кольчуга не оставалась без украшений. По нижнему краю ее, а также по краям рукавов делалось из проволок, пропускаемых в отверстия колец, некоторое подобие кружев или шитья. Сеньоры и князья серебрили и золотили свои кольчуги. Кольчуга но-

силась и оруженосцами, но у них она легче, а следовательно, хуже защищала от неприятельских ударов.

Шлемом называлась яйцевидная или коническая каска из стали. Нижний край шлема окаймлялся металлическим ободком. С передней стороны его спускалась на лицо рыцаря металлическая пластинка, французское название которой *nasal* (носовая) ясно указывает на ее назначение — служить защитой носа. Иногда с задней стороны шлема спускалась другая пластинка, в которой прикреплялся кусок толстой материи для защиты затылка. Носовая пластинка использовалась до самого конца XII столетия, а позже вошло в употребление забрало — подобие решетки, — служившее защитой всему ли-

цу. Само собой разумеется, что указать резкую границу, когда забрало сменило носовую пластинку, невозможно. Было время, когда обращались в употреблении и тот, и другой предметы. Уже в Иерусалимских Ассизах* есть указание на шлем с забралом.

Мы уже говорили выше о капюшоне, которым заканчивалась сверху кольчуга. Обыкновенно шлем прикреплялся к этому капюшону кожаными петлями, продевавшимися сквозь кольца: число этих петель колебалось между пятнадцатью и тридцатью. Зашнуровывался шлем только на время битвы. В случае же, если рыцарь получал в битве рану, первым делом расшнуровывали его шлем, который никогда не надевался прямо на голову. Под ним обыкновенно надевали пуховую шапочку, а сверх нее полотняный или шелковый чепец. У знатных и богатых лиц, главным образом — у вождей, шлем бывал позолочен, а ободок богато украшался, причем употреблялись и драгоценные камни. Наверху шлем украшался иногда шариком, сделанным из какого-либо металла или из цветного стекла. Иногда на ободке шлема вырезали какую-нибудь надпись. Оруженосцы носили на голове железную шапочку, которая была легче рыцарского шлема и не имела никаких украшений.

Рыцарский турнир

Одной из самых привлекательных для средневекового рыцарства забав были турниры — показательные сражения, в которых участвовали целые толпы. Этим турнир отличался от поединка, который представлял собою борьбу двоих между собой. Турнир состоял из целого ряда одновременно и в одном месте происходивших поединков; впрочем, в массовом столкновении довольно трудно было удержать такой порядок до самого конца. Возникшие, несомненно, во

* Ассизы Иерусалимского королевства, или Письма Гроба Господня, составляли законодательство Иерусалимского королевства, созданного крестоносцами после захвата Иерусалима в 1099 году.

Франции турниры были переняты в Германии, Англии и других западноевропейских странах. Но в каком именно месте Франции и когда возникли турниры, определить невозможно, хотя средневековые хроникеры называли даже имя изобретателя турниров — это рыцарь Жоффруа де Прельи, умерший в 1066 году. Несомненно, однако, что этот обычай не мог быть изобретением одного лица. Правильнее будет предположить, что Жоффруа де Прельи не изобретатель, а законодатель турниров, что он ввел некоторые правила, дотоле не существовавшие.

Предположим, что сюзерен нашего барона задумал устроить турнир. Немедленно он снаряжает специальных людей, чтобы оповещали о предстоящей потехе на площадях близлежащих городов; наиболее выдающимся рыцарям тут же отправляются особые приглашения, писанные на пергаменте. В этих приглашениях точно указывалось место, избранное для состязания, и назывались награды, назначенные победителям. Такими наградами могли быть медведь, пара борзых, ястреб, иногда венок, пояс или мешочек для хранения денег и духов от какой-либо знатной дамы.

Наш барон, получив приглашение, посылает вызов одному из баронов-соседей, и между ними начинаются переговоры об условиях, на которых состоится борьба. Остатки на том, что победитель получит коня и шлем побежденного, а в придачу некоторую сумму денег. Подобным образом поступают и другие лица, получившие приглашение участвовать в предстоящем турнире. Так возникают соперничающие стороны. Вызовы посылаются не только от одного рыцаря другому — о схватках договариваются целые группы рыцарей. Большинство рыцарей искали на турнирах славу, но были и такие, для которых турнир был предметом спекуляции: например, они брали побежденного в плен и отпускали лишь за большой выкуп, забирали, а потом продавали его оружие. Впрочем, по таким личностям не следует судить обо всех.

У каждого на турнире своя цель. Пожилые рыцари вспоминают былое и хотят снова пережить забытые, казалось, эмоции; молодые мечтают показать свою удаль и изведать еще

не изведенное; богатые — показать свой блеск, свои богатства; бедные — улучшить свое материальное положение. Иной бедный рыцарь, чтобы приобрести себе приличное вооружение, в котором можно было бы без опасения появиться на турнире, берет в долг у знакомого еврея. Он надеется разбогатеть и заплатить как долг, так и немалые проценты.

Среди женщин также царит необычайное оживление. Они в ожидании турнира вынимают из сундуков свои лучшие одежды. Одновременно с турниром рыцарским, конечно, будет происходить турнир другого рода: кто кого перещеголяет рядами? Жены, сестры, невесты — все они стремятся туда же, на благословенный турнир.

Между тем на месте предстоящего турнира идет большая работа. Рабочие готовят места. Распорядители проверяют и пересматривают списки приглашенных. Хватит ли всем места в гостиницах, в частных домах провинциального города? Конечно, нет. Народу, похоже, съедется куда больше, чем предполагалось сначала. Что ж, поместятся и в палатках... И действительно, вскоре окрестности города пестрят от разноцветных шатров. И большинству гостей это не представляется неудобством — совсем напротив! Ведь это так весело — пожить в палатке среди поля после житья среди мрачных, холодных замковых стен! Городские мастера — оружейники, кузнецы, кожевники — завалены работой. Готовятся к турниру и торговцы: на лугу устанавливаются столы со съестными припасами и напитками. Тут же располагаются в своих палатках жонглеры, а также шуты всякого рода — бродячий люд Средневековья. Между разноцветными палатками снуют оруженосцы. Всюду — флаги, раскрашенные щиты и гербы. Картина пестрая, полная разнообразия и жизни!

Арена турнира представляет собой обширное продолговатое пространство, длина его на четверть больше ширины. По одной стороне этого пространства устроены деревянные сиденья для дам, знатных зрителей и судей. Постройки эти сделаны наскоро, но все же не без затей; так, посередине возвышаются две башни, разделенные на ложи. Все эти места обвешаны коврами и флагами. Здесь находится помост для музыкантов. Остальные стороны арены огорожены двумя ря-

дами раскрашенных, а кое-где и позолоченных деревянных барьеров. Проход между ними разрешен только тем, кто следит за порядком; за барьерами места для народа.

Завтра — турнир. Весь городок расцвечен флагами. Из открытых окон доносятся смех, говор, песни. Где-то танцуют. Пригородное поле представляет необычайно живую картину. Сегодня, накануне официального открытия турнира, уже произошло несколько поединков, а также состоялось состязание между оруженосцами. Двое наиболее отличившихся будут удостоены рыцарского звания. Их посвящение в рыцари придаст еще больше блеска грядущему празднику.

Ночь пронеслась незаметно, и вот уже местный священник служит вместе с другими духовными лицами, прибывшими на турнир, торжественную мессу. Любое дело следует начинать с благословения Божьего. В первое время церковь восставала против турниров*, но, не сумев уничтожить их совсем, позже переменила тактику и много содействовала изменению их характера. Ведь поначалу они были настоящими кровавыми битвами. Впрочем, турниры все равно не стали безопасным развлечением: здесь получали тяжелые ушибы, а порой и расставались с жизнью. Так что испросить благословения Божьего было для участников совсем не лишним делом! Как не помолиться? И молились, молились усердно...

Участие в турнире считалось привилегией благородного происхождения; поэтому не всякий рыцарь допускался к нему, точно так же, как не всякий атлет допускался в античной Греции к участию в Олимпийских играх. Дама, обиженная каким-либо рыцарем, могла пожаловаться на него до начала турнира; специальные судьи рассматривали жалобу и, если находили ее основательной, не допускали рыцаря к состязанию, что становилось для него, конечно, большим позором. Если же дама прощала рыцаря, что обыкновенно и случалось, он возвращал себе утраченное право участвовать в турнире.

В Германии существовали особые правила, по которым не допускались к турнирам рыцари, совершившие что-либо предосудительное против императора, изменившие своим

* Папские буллы грозили участникам турниров отлучением от церкви, а убитым на них — лишением христианского погребения.

сеньорам и сюзеренам, оскорбившие дам или девиц, уличенные в клятвопреступлении, в ограблении церковного имущества, в убийстве, в нарушении святости брака и отдававшие деньги в рост ради незаконных процентов. В них был параграф, на основании которого к участию в турнире допускался только тот рыцарь, отец, дед и прадед которого были людьми свободными. Поэтому местность, предназначенная для турнира, пестрела обыкновенно гербами, свидетельствующими о древности рыцарских родов.

Едва окончилась месса, как герольды немедленно приступили к делу. Прежде всего следовало разделить все прибывшее рыцарство на две партии и соблюсти при этом требования справедливости. Старались главным образом, чтобы и на той, и на другой стороне было по возможности одинаковое количество рыцарей и чтобы опытные бойцы разделились примерно поровну. Затем партии выстроились рядами одна против другой. По бокам их расположились жонглеры, без которых не обходилось ни одно торжество; заняли свои места и судьи турнира вместе с почетным судьей.

Роль почетного судьи особенно интересна. Он служил как бы посредником между присутствующими дамами и участвующими в турнире рыцарями. После его избрания к нему подходили судьи турнира в сопровождении двух красивейших дам и вручали ему головное дамское украшение (чепец или наколку), которое он привязывал к своему копыю и не снимал в продолжение всего турнира. Если во время боя дамы замечали, что кто-либо из участников в турнире слишком ослабевал, они поручали почетному судье вступить за него. Дамский посредник опускал на такого рыцаря оригинальное украшение своего копия, и никто уже не осмеливался этого рыцаря тронуть.

После клятвы участников турнира в том, что они не будут прибегать к запрещенным уловкам, не будут бить рыцаря, потерявшего шлем, и т. п., все замерли в ожидании сигнала к схватке. Вместе со своими рыцарями здесь же находятся и оруженосцы. И вот устроитель турнира подает сигнал. Рыцари в полном вооружении, головы их покрыты шлемами; в их руках длинные копия, но без острия на конце. Во весь карьер несутся они друг на друга с копиями наперевес. У каж-

лого — одна и та же цель; ударом копья сшибить своего противника с седла. Но это нужно сделать очень ловко, не задевая ни самого седла, ни ноги противника — в противном случае победитель лишается награды. Нередко копья ломаются вдребезги. Иной раз, пропустив удар, рыцарь падает с коня навзничь. Бывали случаи, когда подобные падения причиняли моментальную смерть.

Оруженосцы работают без усталы, герольды и судьи внимательно следят за борьбой. Рыцари, нанесшие удачный удар, поощряются к новым подвигам одобрительными возгласами зрителей. Но опытные рыцари обыкновенно не слишком увлекаются в начале, чтобы не устать раньше времени. Впрочем, участникам турнира дозволяется на короткий срок отъезжать в сторону, чтобы передохнуть. Воспользовавшийся этой возможностью рыцарь обычно снимает шлем и глубоко вбирает в легкие чистый воздух, которого так не хватает тем, кто сражается, ибо копыта лошадей поднимают тучи пыли.

С наступлением вечера трубят сигнальные трубы, и схватка останавливается. Арена сразу наполняется толпой. Обломки оружия, куски материи, частицы золота и серебра, отвалившиеся с богатых рыцарских одеяний, становятся предметами спора между простолюдинами. Рыцари, оставшиеся целыми и невредимыми, весело спешат в свои временные жилища. Но иных рыцарей несут на носилках; у некоторых серьезные переломы костей.

Наш барон попал в число лучших бойцов; судьи присудили ему в награду великолепный щит. Имя его провозгласили во всеуслышание и разнесут еще во все возможные концы. Первая награда обыкновенно присуждалась тому, кто выбил из седла большее число рыцарей, кто изломал большее число копий, но сам крепко держался в седле. В случае, если между судьями возникал спор, к решению его привлекали дам. Что касается наград, они бывали различны — и незначительные по цене, и весьма ценные. Награждали охотничьими птицами, щитами и тому подобными предметами. В XIII веке ландграф Тюрингенский Герман⁹ устроил турнир в Нордгаузене. У места турнира был разбит сад, посередине которого поставили дерево с золотыми и серебряными листьями. Всякий, разбивший

копье нападавшего и сам удержавшийся в седле, получал серебряный, а выбивший противника из седла — золотой листок.

Турнир продлится еще несколько дней, но мы не станем следить за его продолжением... Скажем лишь, что многие из рыцарей так поистратились на вооружение и наряды своим женам, что долго еще не смогут забыть о турнире, поскольку будут выплачивать долги, сделанные ради участия в нем.

Судебные поединки

Судебный поединок принадлежит к разряду явлений, знакомство с которыми приоткрывает завесу, скрывающую мирозерцание обитателей средневековых замков и вообще средневекового человека. Случай, так или иначе решающий исход борьбы, случай, зависевший большей частью от каких-либо заранее сложившихся причин, представлялся в глазах средневекового человека проявлением Божественной Правды.

Когда обвинитель был не в состоянии очевидными фактами доказать правоту своего обвинения, а обвиняемый — свою невиновность, в Средние века часто прибегали к так называемому Божьему суду — испытывали обвиняемого холодной водой, кипятком, раскаленным железом, огнем. Например, обвиняемого бросали в пруд или реку и, если он не погружался в воду, а сразу всплывал, объявляли его виновным. Заставляли обвиняемого опускать руку по локоть в котел с кипящей водой или ходить босыми ногами по раскаленным железным пластинкам. Отсутствие ожогов или незначительность их свидетельствовали о невиновности. Наконец, испытание огнем заключалось в том, что обвиняемый (иногда одетый в рубаху, пропитанную воском) должен был невредимым пройти сквозь пылающий огонь. К такого рода испытаниям, называвшимся общим словом «ордалии», принадлежат и судебные поединки. Познакомимся поближе с этим явлением.

Обе стороны, обвинитель и обвиняемый, являлись к графу или к своему сеньору. Здесь обвинитель высказывал свое

обвинение или жалобу и бросал на землю перчатку или нарукавник в знак того, что он вызывает обвиняемого на бой, который должен будет подтвердить справедливость обвинения или жалобы. Обвиняемый должен был поднять брошенную вещь и обменять ее на свою в знак того, что принял сделанный ему вызов. После этого их отводили в темницу, находящуюся в замке сеньора, где они жили до дня, назначенного для поединка. Они, конечно, могли быть выпущены на свободу, но под условием выставить поручителей.

Между тем готовилось место, где должен был произойти поединок. Огораживали часть поля, устраивали места для судей и знатных зрителей. Когда наступал назначенный день (поединок происходил обыкновенно очень рано, на рассвете), масса народа окружала назначенное место. Чтобы устранить возможность вмешательства со стороны публики и каких-либо столкновений между приверженцами участников боя, заблаговременно выставлялся сильный караул. Противники являлись в полном вооружении. Перед крестом и Евангелием, а иногда и над мощами они клялись в правоте своего дела, а также в том, что не прибегнут к колдовству. Герольд выкрикивал на четыре стороны обращение к зрителям, призывающее к сохранению тишины; ни крик, ни жест не должны были помешать бьющимся; все должны были воздерживаться от какого бы то ни было вмешательства в дело. Виновному в нарушении этого правила грозило серьезное наказание: рыцаря могли лишить руки или ноги, а простолюдина — головы.

Когда все приготовления были окончены, обвинителю и обвиняемому отмеривали одинаковое пространство, или, как тогда выражались, «одинаковое количество поля, ветра и солнца». Сколоченный из досок забор, ограждавший поле, крепко запирался. После этого главный распорядитель подавал знак к началу боя, произнося громко установленные на этот случай слова.

Бой начался. Оба противника, крепко держа копья, несутся друг на друга сначала галопом, затем в карьер. Копья расщепляются о щиты. Кони вздымаются на дыбы. Враги сталкиваются таким образом раз за разом. Но вот с одним из них случилась неудача: лопнула подпруга, седло съехало

Судебный поединок. Со старинной гравюры

с места, он слетел на землю. Обыкновенно в судебных поединках при таких обстоятельствах не церемонятся, а, напротив, пользуются своим преимуществом и неудачей врага. Но сегодня противник упавшего поступил истинно по-рыцарски: дал время своему врагу оправиться и сам покинул седло. Оба взялись за мечи. Началось фехтование, но в скором времени, забросив щиты на спину, противники хватают мечи обеими руками и наносят беспощадные удары. Наконец один из них падает на землю. Другой кидается к нему, срывает с него шлем, заносит над ним кинжал и предлагает на выбор: или отказаться от своего обвинения и объявить себя клеветником, или умереть. В это время к ним подходят несколько человек из стражи, чтобы быть свидетелями разговора. И побежденный сдается, предпочтя позор смерти. Его вытаскивают с места боя за ноги, шлем разламывают на части, а вооружение, доспехи и конь достаются распорядителям и судьям.

На судебный поединок допускалось выставлять вместо себя бойца, победа или поражение которого были равно-

сильны победе или поражению того, кто его выставил. Этим правом могли воспользоваться женщины, духовные лица, больные люди, наконец — юноши моложе двадцати одного года и старики старше шестидесяти лет. В рыцарских романах довольно часто изображается оклеветанная девушка, которая посылает гонцов к какому-либо рыцарю с просьбой прийти в известный день и час на известное место, чтобы с оружием в руках защитить ее поруганную честь. Рыцарь обыкновенно спешит, не щадя своего коня, но все же не поспевает к назначенному часу. Общее волнение: кто рад, кто печалится. Враг уже торжествует победу, но вот внезапно появляется на арене долгожданный герой, и все оканчивается, разумеется, его победой*.

Очень часто к судебным поединкам прибегали в тех случаях, когда дело касалось обвинения в преступлении, за которое грозила смертная казнь. Как правило, жестокая расправа над «выявленным» преступником производилась немедленно по окончании поединка — побежденного сейчас же предавали смертной казни. Бывали случаи, когда казнили бойца, проигравшего чужое дело, а вместе с ним и обвиняемого, и державшего его сторону свидетеля, если таковой был. Если в числе двух последних лиц была женщина, она безжалостно сжигалась на костре. Сожжение, к которому так часто тогда прибегали, производилось следующим образом. На месте, назначенном для совершения казни, врывали в землю столб. Кругом этого столба укладывали ряды дров, которые перемежались слоями соломы, до тех пор, пока поленница не достигала высоты человеческого роста. При этом оставлялось свободное пространство вокруг столба и довольно узкий проход к нему. С приговоренного снимали одежду, надевали на него длинную рубаху и привязывали его к столбу веревками или цепями. Затем проход закрывали дровами и соломой и разом с нескольких сторон зажигали костер.

Судебные поединки были распространены не только среди рыцарей, но и среди городского населения. По обычаю, горо-

* Желаящим ближе познакомиться с такого рода сюжетами рекомендуем нашу книгу «Трубадуры, труверы и миннезингеры» (вышла в 2014 году в издательстве «Ломоносовъ». — *Прим. ред.*).

жане бились в красных рубахах, панталонах и чулках, но без башмаков с и непокрытыми головами. Рыцарь, вызвавший на поединок простолюдина, должен был биться тем же оружием, что и его противник; если же простолудин вызывал рыцаря, последний — если считал возможным принять вызов — сражался на коне, в рыцарских доспехах.

Среди семьи

У постели нашего барона еще горит свеча в высоком канделябре, светившая целую ночь, а в узорчатые стекла окна уже проник луч восходящего солнца.

Резко прозвучала труба с вершины главной башни, и барон пробудился от сна. Когда он надел исподнее, на ночь вешавшееся у постели, а поверх накинул нечто вроде халата, в комнату явились два прислужника и принесли лохань, металлический кувшин с водой и полотенце. Кроме ежедневного умывания, наш барон очень часто принимает по утрам ванну, в которую иногда высыпается целая корзина лепестков роз.

Умывшись и причесавшись гребнем, барон встал на колени перед изображением святого, помещающимся тут же, вблизи постели. Слустая некоторое время, уже окончательно одевшись с помощью прислужников, он в сопровождении своей жены отправляется в капеллу. Выслушав краткую мессу и приветствие капеллана, баронская чета проходит в большую залу, где подкрепляет себя завтраком в кругу собравшихся членов семьи.

Последними за стол являются взрослые дочери — у них очень много времени отнял туалет! «Если бы вы могли видеть, — рассказывает один средневековой французский поэт, — как причесываются дамы и девушки. Одной затягивают волосы, другую зашнуровывают, третья спрашивает у сестры: «Сестрица, хороша ли я?» — «В тебе нет недостатков, — отвечает сестрица, — а какова я?» Четвертая говорит своей девушке: «Скажи, ради Бога, хорош ли у меня сегодня цвет лица?» — «Лучше, чем у кого бы то ни было на свете», — отвечает девушка».

Почти всегда барон в это время уже покидает замок, но сегодня он остается дома целый день. Позавтракав, он пошел вместе со старшим сыном обозреть свое обширное и сложное хозяйство: это занятие отнимет у него время до самого полудня, до обеда. Супруга барона отправилась к собравшейся у ворот замка толпе нищих и калек, чтобы раздать им обычную милостыню.

Среди бедняков, пришедших сегодня в замок, оказался престарелый пилигрим, возвращающийся из далекого странствования. Он одет в серое платье, на котором нашиты раковины, и обут в кожаные сапоги. За его спиной висит сума, а на боку спускается с перевязи дорожная плетеная фляжка. В правой руке у него крепкий посох. Широкополая шляпа довершает его скудный наряд.

Хозяйка замка, тронутая усталым видом странника, следуя обычаю, предложила ему отдохнуть в замке. Затем она отправилась в женские помещения, где ее прихода дожидались домашние работницы: тут сейчас начнут шить, вышивать, прясть, одним словом — примутся за обыденные дела. Наконец, на ее руках — двое маленьких детей, из которых старшему еще не исполнилось семи лет — до этого возраста дети находились на исключительном попечении матери. Словом, дел у супруги нашего барона достаточно. Впрочем, и помощниц у нее немало...

Взрослые дочери барона отправились в свою комнату, где будут заниматься рукодельем, разговорами, пеньем и чтением недавно попавшего в их руки рыцарского романа.

Так проходит время до полудня. Звук трубы призывает к обеду. Сегодняшний обед совершенно, конечно, не похож на те званые обеды, которые время от времени задаются нашим бароном. Он гораздо скромнее: два мясных блюда, рыба, овощи, в заключение обеда сыр и фрукты. На столе вино, пиво, мед, настойки. После обеда барон отправился отдыхать; остальные члены семьи разбрелись по своим делам: кто отправился в замковый садик поиграть на открытом воздухе, кто углубился в шахматную игру. Одна из дочерей читает вслух старшему брату новый рыцарский роман. Чтение это прерывает прибывший в замок продавец дамских украшений. Вот он отложил в сторону свою обитую железом пал-

ку, снял со спины ящик — и скоро почти все его товары проданы...

При приближении вечера хозяйка вспомнила о пилигриме и велела позвать его в залу. Там слуги уже хлопотали около камина, разводя огонь. Послушать странника собралась вся семья. Его забросали вопросами: откуда он, что пережил, где побывал? Не в первый раз пришлось говорить ему перед большими господами: странники в ту пору были самыми желанными гостями в замках — своими рассказами они вносили свежую струю в однообразную жизнь их обитателей. Не смущаясь, он начал свой рассказ, и речь его полилась непрерывно. Жадно слушали его обитатели нашего замка. Как будто на таинственных крыльях возносились они над повседневной жизнью своей, оставляя здесь, на земле, свои бранные оболочки. Окончил странник рассказ свой и утомленный пошел на отдых.

Между тем за стенами замка совершенно стемнело, и разыгралась настоящая буря. В окна хлещет дождь. Воет ветер, заставляя всех подвинуться ближе к камину. А огонь в камине разгорелся уже вовсю. Зала, лишенная своих праздничных украшений, выглядит мрачно. Кое-где сверкает оружие, кое-где на стене трепещет тень оленьих рогов.

Место у камина — любимое у всей семьи. Тут рассказывают бесконечные истории, а иногда и поют. Сегодня, например, старшая дочь барона поет недавно выученную песню. Поэт выразил в ней чувства, знакомые сердцам обитателей средневекового замка. Вот она в буквальном переводе:

«Вблизи источника в саду, при песчаной дорожке, под тенью плодового дерева, где распевали птицы, на ковре из зеленой травы и белых цветов я нашел одинокой ту, которая не желает мне счастья.

Это дочь сеньора, владельца замка. Я вообразил, что она пришла туда насладиться весной, зеленью и пеньем птиц; я полагал, что она охотно склонит свой слух к моим речам. Но вышло совсем иное.

Она принялась плакать у источника и, вздыхая из глубины сердца, сказала: “О, Иисус, царь мира, из-за Тебя испытываю я столь большое горе. Обиды, Тебе нанесенные, падают на меня, ибо сильнейшие в этом мире идут за море служить Тебе; так хочешь Ты!

И он также ушел, он, мой прекрасный друг, мой милый и сильный друг. Я осталась здесь одна, чтобы тосковать по нему, плакать, сокрушаться. Ах, какое нехорошее намерение возымел король Людовик, приказавший двинуться рыцарям в этот Крестовый поход, который принес моему сердцу столько горя!”

Когда я услышал, что она сокрушается о своем жребии, я приблизился к ней вдоль светлого ручейка. “Прекрасная, — сказал я ей, — свежий цвет и красота лица увядают от плача. Вам не следует отчаиваться: Тот, Кто одевает листвою леса, еще может доставить вам радость!”

“О, сеньор! — сказала она, — я верую в то, что Бог смилостивится надо мною когда-нибудь в другой жизни, как и над многими другими грешниками. Но между тем Он отнимает от меня на этом свет того, который составлял мою радость, того, кто теперь так далеко от меня!”*.

За мирными и приятными беседами время незаметно приблизилось к ужину. После него, перед отходом ко сну, хозяева выпили вина. Удостоверившись из доклада своего управителя, что все спокойно, а стражи на своих местах, барон отправился в опочивальню.

Именем фазана

(По мотивам средневековых хроник
и легенд)

Куда направляет свой путь этот рыцарь Тевтонского ордена? Его белый рыцарский плащ с черным крестом и пе-

* Это произведение принадлежит трубадур XII века Маркабрюну (Marcabrun). В этом грациозном стихотворении упоминаются Второй крестовый поход, крайне неудачный для христиан, и французский король Людовик VII, его предпринявший. (Маркабрюн (ум. ок. 1149) — трубадур родом из Гаскони. Считается основоположником так называемого темного стиля в поэзии трубадуров, оставил после себя более сорока произведений преимущественно сатирического характера. — *Прим. ред.*)

гая лошадь мелькают между ивами, окаймляющими берега Иснера. Он направляется в замок пфальцграфа¹⁰. «Этого хочет Бог! Этого хочет Бог!..» Слова эти прозвучали от Рейна до Дуная, и во всех землях, здесь расположенных, провозглашена война именем Господа нашего Иисуса Христа и исполнителя Его воли, императора немецкого.

Во многих местах совершаются приготовления к новому Крестовому походу. Повсюду установлен Божий мир, запрещены всякие тяжбы и денежные иски против тех, кто будет биться за Св. Гроб, чтобы никакие земные заботы не помешали им исполнить свое намерение. Монахи разъясняют в своих проповедях льготы, которые буллою Святейшего отца представляются тем, кто отправляется в поход. В кружки, выставляемые у церковных входов, в изобилии стекаются «динарии прощения и освобождения»: если приносится пожертвование на Крестовый поход, то душа, испытывающая мучения, освобождается от них и возносится на небеса.

В феодальных владениях объезжают лошадей, готовят упряжь для волов, девушки вышивают для рыцарей шарфы, оруженосцы возятся с конской сбруей. Поселянин является вечером в деревенскую кузницу, где, читая про себя псалом, медленно полирует заржавленный дротик, который еще в руках его деда свел короткое знакомство с сарацинской грудью. На его левом плече видно изображение креста, и еврей, одетый в особый костюм с желтой полосой, завидев крестоносца при свете пламени, дрожит за свое существование, так как его родители немало натерпелись от крестоносной братии.

Пфальцграф взволнован. Он хочет идти в Святую землю, чтобы биться там за Господа и за христианство во главе большого войска. Но это войско еще надо собрать. Вот с какой целью он позвал к себе на пир всех подвластных ему сеньоров, но пока они не знают об истинной цели приглашения.

В назначенный день все приглашенные, и наш тевтонский рыцарь в том числе, собрались в замке пфальцграфа; дам принесли на носилках, кавалеры приехали верхом. Всех прибывающих встречали на дворе слуги, одетые медведями и львами, и провожали в покои, где для знатных гостей при-

готовлены были вина, пряности и холодные закуски. А для дам специально — зеркала из полированного серебра, кипрская пудра¹¹, туалетный уксус¹² и духи.

В назначенный час протрубили пажы, возвещая начало обеда, и все приглашенные вошли через растворенные настежь двери в пиршественную залу.

Без всякого преувеличения можно сказать, что пиршественная зала в замке пфальцграфа величиной была не меньше средней части Кельнского собора. Дневной свет проникал сюда через окна прекрасной работы, с богато расписанными стеклами. Стены были покрыты коврами, на которых были изображены Тесей, выводящий из ада собаку, и Ясон, завоевывающий золотое руно*.

В этой зале было три подиума (они же столы) разных размеров. На подиуме средних размеров стояла церковь с расписными стеклами и колоколом**.

На большом подиуме сидели двадцать музыкантов; из них каждый играл на своем инструменте, когда наступала его очередь. Здесь же был приготовлен замок, для второй перемены блюд, вроде Лузиньянского¹³; на главной башне его была изображена в виде змеи Мелюзина, а две меньшие башни были предназначены для выбрасывания померанцевой воды в устроенные кругом замка рвы. Развлечением во время третьей перемены должно было служить изображение пустыни, в которой бился тигр со змеем. Четвертое изображение представляло дикаря на верблюде, как бы отправляющегося в дальнее путешествие. Пятая картина должна была состоять в следующем: некий человек бил палкою по кусту, из куста вылетали птички, и их поедали дама и рыцарь, расположившиеся у самого куста. Дама улыбалась и как бы говорила, что человек этот безумно тратит свое время, работая на других.

* В рыцарском обществе господствовали самые смутные представления из области античной мифологии.

** Во время пиров было в обычае устраивать различные зрелища с помощью механических приспособлений. Происходило это обыкновенно, чтобы занять внимание гостей между переменами блюд, откуда забава эта и получила название интермедии.

Наконец, для последней перемены, было предназначено изображение сумасшедшего, мчавшегося на медведе через горы, покрытые инеем и льдом.

На третьем подиуме — для почетных гостей — стояла башня, возвышавшаяся до самого потолка*.

Как только была прочитана молитва и все заняли свои места, человек, стоявший на вышке огромной башни, протрубил в рог. Вдруг открылись четыре окна в башне, и из каждого окна выпрыгнуло по кабану, трубящему в трубу, и много других, странных фигур. Когда они вернулись в окна, последние опять затворились, но сейчас же раскрылись снова, чтобы дать дорогу трем овечкам и козлу, отлично сделанным; козел играл на волынке, а овцы на дудочках. Потом вооруженный человек, находившийся на верху башни, вызвал менастрелей, которые спели песню и вернулись в башню подобно всем прочим. Наконец, из окон появились четыре серых осла и вполне прилично пропели песенку следующего содержания:

Когда б ослицею вы стали,
Моя владычица, я вас
Не бросил бы в тот час печали,
В тот злополучный, страшный час.
Я сам готов бы был кусаться.
Я сам готов бы был лягаться,
Носил бы тяжести, как мог,
И поедал чертополох, —
И все бы, все переносил,
Но вас по-прежнему любил.

* «Невозможно представить себе без удивления, какими размерами должна была отличаться зала, в которой могли помещаться такие огромные столы, с приспособлениями для механизмов, необходимых для различных передвижений фигур». Так говорит La Curne de Sainte-Palaye (Жан-Батист де Ла Кюрн де Сент-Пале (1697—1781) — французский историк, филолог, лексикограф. — *Прим. ред.*), описывая роскошный банкет, происходивший при дворе бургундского герцога Филиппа Доброго (1396—1467).

Тут вдруг заиграл орган в церкви, стоявшей на первом столе, а менестрели, сидевшие в укреплении, произвели такой шум, что казалось, будто слышатся и звуки рогов, и крики охотников в лесной чаще.

Эти сцены весьма удивили гостей, которые, однако, не забывали потягивать рейнвейн из прекрасных стаканов зеленого стекла или из рогов, украшенных золотыми и серебряными кольцами. С такой же охотой они и кушали; в их распоряжении было много прекрасных блюд: колбасы, начиненные мясом каплуна, оленья рагу, бараньи ноги, приправленные шафраном, кабанье мясо с изюмом и сливами, жареные ржанки, арденнские куры, соус из вареной моркови, прекрасные хлебы; кроме того, здесь были пирожные в виде растений, животных и разных фигур. Но особенное внимание обращал на себя новый овощ, прибывший от мавров из Испании и называвшийся испанской зеленью или шпинатом — так, по крайней мере, называл ее распорядитель обеда, сидевший на высоком кресле у поставца, обремененного серебряной посудой. Он раздавал приказания слугам, разносившим кушанья, кухонным мальчикам, вертельщикам и прочим.

Кравчий, правая рука которого была обернута полотном из Брюгге, белым, как снег, резал хлеб и давал его пробовать особому прислужнику; то же самое он делал и с соусами, обмакивая в них ломтики хлеба; кроме того, он сам пробовал по кусочку от каждого кушанья.

Вот подали наконец седьмую перемену — «золотое блюдо»; называлось оно так потому, что у птиц, составлявших его, были позолоченные лапки и клювы. Тогда-то и разыгралось специально предназначенное для этого званого обеда действо.

В дверях залы показался великан-сарацин в мавританском тюрбане на голове. Он вел слона, покрытого алым бархатом. На слоне стояла палатка, в которой находилась дама, одетая в глубокий траур. Взглянув на общество, она обратилась к сарацину с такими словами:

Останови ты здесь слона,
Пред этим обществом отборным

Я кое-что сказать должна;
 И с интересом непритворным
 Меня послушают они...
 Слона скорей останови!

Сарацин остановил слона перед самым хозяином. Тогда дама подняла свою вуаль и сказала:

О плачьте, плачьте все, кого я вижу в зале!
 Святая Церковь — я: меня вы не узнали?
 О, вспомните теперь о всех моих бедах,
 О всех разрушенных святых монастырях,
 О всех погибнувших поборниках Креста!
 Сокрыли волны их; сомкнула им уста
 Навеки смерть в бою... Они иль тлеют в поле,
 Иль жизнь еще влачат у сарацин в неволе.
 Чем больше сожаленья я встречаю,
 Тем меньше помощи, мне нужной, получаю.
 И вот брожу теперь
 От замка к замку, в дверь
 Стучусь и жду, кто первый отзовется,
 В ком жаркое желание проснется
 Помочь скорее мне, меня не забывать...
 Тому да ниспошлет Всевышний благодать!
 О, плачьте, плачьте все, кого я вижу в зале!
 Святая Церковь — я: меня вы не узнали?

Невозможно было понять, что дама изображала собой Восточную церковь: она просила помощи против сарацин, которые поступали дурно с паломниками и разоряли святые места*.

Не успело улечься возбуждение среди присутствующих, как паж, стоявший у дверей, трижды протрубил в рог и в дверях показался герольд. Он держал в руках серебряное блюдо,

* Подобная же интермедия была разыграна в 1453 году при дворе Филиппа Доброго, герцога Бургундского, в Лилле. Подробное описание ее сохранилось в хрониках Матье де Куси (Mathieu de Coucy; 1420–1482) и Оливье де Ламарша (Olivier de la Marche; 1425–1502), бывших ее свидетелями.

к которому был привязан живой фазан, украшенный золотым ожерельем с жемчужинами, сапфирными камнями и рубинами. Вместе с герольдом вошли две девушки, а также рыцарь в полном вооружении с копьем на изготовку, как будто готовый сейчас же сразаться за веру.

Все они подошли к пфальцграфу, сделали ему глубокий поклон, после чего герольд сказал: «Глубокоуважаемый господин! Эти дамы почтительнейше обращаются к вам. Исстари заведено, чтобы на празднествах преподносилась князьям и сеньорам благородная птица, над которой они произносят обеты, имеющие особенное значение. Дамы направляют меня сюда с фазаном для этого».

При этих словах хозяин поднялся с места и протянул руку к фазану. «Слушайте, слушайте!» — прокричал герольд. И хозяин заговорил звучным голосом — его голос загредел, как гейдельбергские бочки¹⁴ в пору сбора винограда.

«Я приношу обет прежде всего пред Господом Богом и Преславною Девой Марией, потом пред дамами и фазаном возложить на себя крест для совершения Крестового похода и отдать свое тело на защиту Святого Гроба и Святой Веры. Я сделаю для успеха похода все, что могу сделать лично, чего могу достигнуть своей властью, лишь бы только мне оказал Свою милость Господь. Если я узнаю как-либо, что со мною желает вступить в поединок сам султан, я буду биться с ним и одолею его с помощью Бога и Его Всеблагот Матери, которых я всегда призываю к себе на помощь».

После этого хозяин сел на свое место и стал оглядывать присутствующих, как бы приглашая их последовать его примеру.

В пиршественной зале стояло такое молчание, что было слышно, как вертится флюгер на верхушке главной замковой башни. Действительно, в зале было множество сеньоров, которые и не помышляли о крестоносном предприятии и дорого бы дали, чтобы оказаться сейчас подальше от этого места или, по крайней мере, сделаться невидимыми. Они с сожалением подумали о том, что им придется разбудить свои флорины, мирно спящие в сундуках, и сделать пожертвования монастырям, а то и, бросив свои домены на расхищение соседям,

отправиться с риском потерять голову на Сирийские равнины. Но они не могли опозорить себя в глазах рыцарства и своего сюзерена, отказавшись посреди такого блестящего общества принести обет перед дамами и фазаном. Наконец, они боялись своим отказом прогневить пфальцграфа, так как он, разумеется, не преминул бы отомстить им за это тем или другим способом.

Пока они размышляли, как быть в таком затруднительном положении, один из приглашенных, сир Рюбенталь, которому рейнвейн сообщил внезапное вдохновение, вдруг поднялся с места и, покачиваясь, направился к даме Рутвель; склонившись перед нею на колени, он взял ее за руку, закрыл свой правый глаз и произнес без запинки и совершенно внятно: «Клянусь перед дамами и фазаном, что я не стану открывать этого глаза при дневном свете, пока не увижу сарацинского войска*. Я нападую на султанское знамя, и, полагаясь на силу оружия, а также любви и дружбы, я переверну его вверх ногами». Произнеся эти слова, он поднялся при звуках труб, в которые протрубили менестрели.

Тогда герольд стал обходить стол, чтобы поднести фазана каждому из пирующих, и прежде других поднес его маркграфу Анспахскому, который сидел возле хозяина замка.

«Ну, — сказал маркграф соседу, сидевшему с другой стороны, — этот безумец Рюбенталь перешел брод... Мед готов, теперь следует пить его без сожаления... Клянусь белой дамой замка Розенберг**, мы попали в настоящую засаду!..»

* Рыцари давали самые разнообразные и странные для нас обеты: не спать на постели, не обедать на скатерти, воздерживаться в известные дни недели от мяса и вина, совершенно не надевать на себя какой-либо части своего вооружения или, напротив, иметь ее на себе день и ночь, закрывать какой-либо глаз повязкой и не снимать ее в продолжение известного времени и т. п.

** Белые дамы — волшебницы из немецких легенд. Особенно славилась белая дама замка Розенберг. При рождении детей, дабы предсказать им будущее, она являлась вся в белом; когда же она собиралась возвестить предстоящую кончину, то надевала черные перчатки.

И, протянув руку к фазану, он сказал: «Клянусь перед дамами и фазаном, что я буду служить делу по мере своих сил, если только высокочтимый сеньор пожелает, чтобы я сопутствовал ему в заморском путешествии».

Рыцарь, с которым беседовал маркграф, произнес точно такой же обет, но сиру Оттенгейму, сидевшему с ним рядом, этого показалось мало, и он воскликнул:

«Я клянусь перед дамами и фазаном, что, если поход состоится, я напишу свое имя концом своего копья на воротах Сен-Жан-д'Акра¹⁵. До тех пор по пятницам я не буду есть никакой живности. Если я узнаю, что у султана найдутся единоверные ему бароны, которые пожелают сразиться со мною, я побью их с помощью Бога и Его Всеблагот Матери, которых я всегда призываю на помощь!»

Сир Стольберг сказал в свою очередь: «Я клянусь перед Богом и славнейшею Девой Марией, перед дамами и фазаном, что я не буду останавливаться ни в опоясанном стенами городе, ни в замке, пока не одержу победы над сарацинами. Я совершу это с помощью Богородицы, ради любви к Которой, я никогда не буду спать на постели по субботам, пока не исполню обещанного. Если моему Создателю угодно будет вернуть меня живым из предстоящего странствования, я обойду три христианских королевства и буду биться там со всяким встречным рыцарем и на коне, и пеший».

Сир Пфальцский, совсем старый и немощный, очень важно произнес следующие слова: «Так как по своей старости и слабости я не могу отправиться в Крестовый поход лично, то клянусь перед Богом, дамами и фазаном, что вместо себя я отправлю одного из своих сыновей с четырьмя вооруженными людьми и буду содержать их на жалованье в течение одного года и одного дня».

Так были произнесены присутствующими различные обеты.

Обходя гостей при трубных звуках, герольд подошел к тевтонскому рыцарю и обратился к нему с предложением произнести обет именем фазана. Но рыцарь суровым голосом монаха, распевающего «*Salve, Regina*»¹⁶, крикнул: «Во имя Божие! Такого обета произносить я не стану!»

При этих словах поднялся страшный шум, и громче всех кричали те, которые менее всего желали отправляться в задуманный поход.

«Ведь это значит грешить перед дамами и фазаном! — кричал один. — Я не потерплю, пока жив, чтобы кто-либо поступал таким образом!»

«Клянусь Св. Гвоздем, находящимся в Трире¹⁷, — сказал сир Оттенгейм. — Такой дерзости еще никогда не позволял себе человек, носящий золотые шпоры!»

«Их следует сорвать с его ног и бросить в навоз», — прибавил сир Рюбенталь.

«И шит его следует стащить в грязь и разбить его, как этот кубок!» — сказал сир Стольберг, кидая в стену свой стеклянный кубок.

«Да, да... — кричали со всех сторон. — Пусть покроется позором, пусть испытает всякие беды тот вероломный, кто провинился перед дамами и фазаном!.. Долой с него шпоры!.. Разрезать скатерть перед ним... * перевернуть его хлеб!..»

Сам хозяин направился, нахмутив брови, в сторону тевтонского рыцаря, как вдруг тот, скрестив руки на груди, обратился к присутствующим с такими словами: «Граф, и вы, благородные сеньоры! Не думайте, что я отказываюсь произнести обет именем этой благородной птицы из презрения к дамам и вам... Не думайте, что в мою душу закрался страх, что я боюсь опасностей священного предприятия... о, нет! Вооруженный верою изнутри и железом извне, я не боюсь псевдонебесных полчищ и смешных ангелов Магомета! Скорее прекратится движение небесного свода, скорее выйдет пламя из льдин, наваленных на очаг, чем я забуду тебя, Иерусалим! Клянусь копьем, которым был прободен Спаситель, подобные мысли далеки от меня. Если же я отказываюсь произнести обет именем этой птицы, то лишь по той причине, что сердце мое разрывается при виде того, как священное предприятие провозглашается на мирском пиршестве, сре-

* С XIV века вошло в обычай отправлять к лицу, вызываемому на поединок, человека, который должен был разрезать перед ним скатерть.

ди сатанинского великолепия! О, Петр Пустынник¹⁸, не таким путем воины Христовы выступили с тобою в Крестовый поход! Разве они готовились освободить Св. Гроб, источник будущей жизни, среди пиршеств, при звуках музыки?.. Чтобы слышать Слово Божье, верующие, не обращая внимания на погоду, сходились и на равнине, и в лесу, и на горных вершинах, и в ложе потока... А теперь нужны пиры и песни, чтобы соединить их и укрепить в них колеблющееся призвание! Когда-то самые богатые оставляли все, чтобы идти за священным знаменем: так поступил граф Блуаский¹⁹, у которого было столько замков, сколько дней в году. Золото ценилось дешевле железа, женщины снимали с себя драгоценности, чтобы жертвовать их на освобождение святых мест, и в казне, собранной на это предприятие, лежали груды серебра и золота, как груды виноградных ягод в тисках!.. Теперь же защитников Креста приобретают ничтожными уловками, разжигая плотские вожеления!.. Не извлекайте из ножен вашего меча, сир Рюбенталь... придет время обнажить его в присутствии сарацин... Не грозите мне жестами... Тот не боится ни дерева, ни стали, кто говорит во имя Господа, а Он вдохновляет меня в настоящую минуту и говорит моим именем!.. Всемогуший Бог полон милосердия и благодати. Он страдает слабостям людей и прощает их ошибки!.. Но Он поражает и унижает того, кто совращает своих ближних с пути спасения! Ты слышишь меня, пфальцграф? Среди сеньоров, подвластных Палатинату²⁰, мои глаза напрасно ищут того, кто должен был бы явиться сюда первым, — сира Риффенаха».

«Риффенаха... — повторил хозяин тихим голосом в смущении. — Риффенаха? Рыцаря-стекольщика, живущего в лесах Форальберга? В минувшую Пасху он отказался принести мне ленную присягу... Как же я могу заставить его прийти сюда, на это пиршество? Ни один князь, даже сам император, не отважился проникнуть в те горы, где он собрал всех разбойников Палатината. Говорят, что он занимается там делами, достойными осуждения, чтобы иметь возможность выделывать те чудные произведения, которые продаются по высокой цене во всей Германии. Говорят, что он осмеливается хулить Св. Крест и отрицать божество Христа...»

«Я знаю этого Риффенаха, — прервал его тевтонский рыцарь. — Я знаю, что он стоит на дороге к гибели; но овцу эту еще можно загнать в овчарню. Добрый пастырь должен спешить, так как Риффенах смеется над верными, собирающимися в святое предприятие, а такой пример слишком опасен для веры. Что будет, если он откроет у себя убежище для всех вассалов, которые не откликнутся на призыв к священной войне и будут убежать к нему из боязни идти в Святую землю?.. Сегодня же, до окончания настоящего вечера, я буду в замке Риффенаха!»

«В замке Риффенаха!» — воскликнули присутствующие.

«Да, — ответил рыцарь духовного ордена. — Я понесу к нему Слово Божье! Я верну его на путь спасения, если только он не сделался вассалом сатаны... Прощай, пфальцграф... Мы увидимся в Шпейере, где сойдутся крестonosцы, и я приду туда не один!»

Сказав это, он покинул пиршественную залу, прошел через двор, и скоро на подъемном мосту послышался топот его лошади.

Все были смущены словами тевтонского рыцаря. Вместо того чтобы слушать любовные баллады жонглеров, как это обычно бывало в конце княжеских пиров, все общество разошлось потихоньку, и скоро замок погрузился в тишину.

Между тем тевтонский рыцарь ехал по равнинам Палатината. Последние лучи солнца догорали на соснах Форальберга, когда он прибыл к подножию горы, которой так боялись все добрые люди.

В самом деле, сир Риффенах вел жизнь весьма странную. Чужестранцы принимались им очень хорошо, его вассалы жили прекрасно, а работники получали отличное жалованье, однако показывался перед ними он только по ночам. Он обходил в ту пору свои горнила и сам придавал стеклу такие фантастические формы, что их считали делом какого-нибудь адского духа; порой Риффенах собственноручно разбивал прекрасный сосуд, как будто не желал, чтобы он доставлял удовольствие людям.

Риффенах стал вести такой образ жизни, возвратившись из долгих странствий по Франции, Англии, Кастилии и Италии.

Он не принимал у себя никого из знатной родни и отказывал в каком бы то ни было почтении пфальцграфам, от которых зависел его феодал. А чтобы они его не тревожили, организовал небольшую собственную армию.

Чтобы обезопасить себя на случай нападения, сир Риффенах укрепил свой замок, хотя в нем не было подъемного моста, а только опускаемая железная решетка в воротах. Крутые тропинки, которые вели в замок, могли, стоило прозвучать сигналу тревоги, быть преграждены в мгновение ока. Вот по этим тропинкам и проник тевтонский рыцарь в замок Риффенаха. Стража не подала никакого сигнала об его прибытии, так как здесь совсем не опасались одиноких путников.

Уже наступила ночь, но ни одна звездочка не выглядывала между серыми тучами, бежавшими по небу. Увидев сквозь железные прутья решетки рабочего-стекольщика, тевтонский рыцарь затрубил в рог из слоновой кости. Рабочий подошел к решетке и спросил посетителя: «Кто трубит в столь поздний час перед замком Риффенаха? Во всяком случае, — продолжал стекольщик, прислушиваясь к звону рыцарского вооружения, — это не пилигрим».

«Все мы пилигримы на этом свете, — отвечал рыцарь. — Но доложи сир Риффенаху, что герцог Мюнстерский, рыцарь Тевтонского ордена, стоит у решетки».

Рабочий удалился, не сказав ни слова. Но скоро он вернулся в сопровождении четырех людей, с бердышами и зажженными факелами в руках. Решетка поднялась; тевтонский рыцарь вошел во двор и, перейдя через него, приблизился к двери, которая открылась перед ним. Пройдя две комнаты, слабо освещенные лампами, он очутился в зале, которая поразила бы всякого.

По стенам этой залы было развешено или расставлено на великолепных подставках бесчисленное множество хрустальных изделий, имеющих самые фантастические формы; они отражали свет, разливаемый по зале двумя серебряными лампами, свешивающимися с потолка на серебряных цепочках. Тут было оружие, лежали ковры и иноземные драгоценности, вывезенные сиром Риффенахом из его путешествий и неизвестные в Германии даже по имени. На столе, покрытом по-

золоченной кожей с гербом Риффенаха, виднелись песочные часы, прибывшие с Востока, два испанских кинжала, ножи с рукоятями из алойного дерева, два серебряных зеркала, золоченая вода²¹ в хрустальном бокале, украшенном рубинами, несколько рукописей с раскрашенными рисунками, а также — трубочки, подносы, реторты, сита, поршни, раздувательные меха и плавильники.

Сир Риффенах, одетый в табар* из черного бархата с серебряной бахромою, сидел за этим столом, глубоко задумавшись. Его люди уверяли, что он иногда по три дня подряд оставался в такой задумчивости, не говоря ни слова и не принимая ничего, кроме нескольких капель золоченой воды. Может быть, по причине такой воздержанности он и был так бледен, а бледность его выступала еще резче по контрасту с цветом табара.

Медленно поднимаясь с места и внимательно оглядывая вошедшего, он сказал глухим голосом: «Что угодно здесь герцогу Мюнстерскому, тевтонскому рыцарю? Что привело его в замок Риффенаха?»

«Дело Божие и дело человеческое!» — отвечал рыцарь.

«Божье дело! — рассмеялся Риффенах. — Бог все-таки нуждается в бойцах? Допустим... ну, а люди?.. Быть бойцом за людей не то же ли самое, что быть бойцом за форальбергских волков? Ведь и они пожирают друг друга только по нужде, побуждаемые к тому голодом! Наконец, за кого же мне биться и где поле поединка?»

Тевтонский рыцарь: «Поле поединка? Оно — на равнинах Дамаска, на берегах Иордана, у подножия Христова Гроба! Христос имеет надобность в верующих в Него, чтобы прославить имя Свое, но если бы пожелал, то мог бы уничтожить врагов одним дуновением».

Риффенах: «Так пусть же уничтожает их, а вместе с ними и всех изменников: мир превратится в пустыню!»

Рыцарь: «Он дает им время раскаяться...»

Риффенах: «Делать еще зло!»

* Длинное одеяние, надевавшееся сверх вооружения.

Рыцарь: «Неужели тебе никогда не попадались люди, живущие по-божески?»

Риффенах: «Нет... Стоит солнцу зайти, и в тени — одни злые!»

Рыцарь: «Слушай, сир Риффенах! Я понимаю, что с того дня, когда мы оба покинули двор графа Виттельсбаха²² — ты для путешествия по Европе и приобретения знаний, я для поступления в воинство св. Георгия²³, с тобою могло произойти что-либо дурное, люди и обстоятельства могли тебя обмануть, несправедливость могла раздражить твой ум, неблагодарность охладить твое сердце... Ты видел при блистательных дворах только эгоизм, ошибки, суету, и с тех пор ты с ужасом смотришь на всех людей! Но тебе остается еще источник утешения. Чтобы зачерпнуть из него, пади в объятия Христа, объяви себя Его защитником! По крайней мере, Он никогда не был неблагодарными! Армия служителей креста в Германии скоро будет столь многочисленна, что ни реки не будут в состоянии перенести ее на себе, ни горы выдержать. Некоторые сеньоры еще медлят вступить на добрый путь, но они составляют меньшинство. Зато другие со всем усердием идут в Крестовый поход...»

Риффенах: «Еще бы! Это — прекрасное средство заплатить свои долги, так как булла дарует им отсрочку...»

Рыцарь: «А что ты скажешь о богатых и сильных мира сего, которые не нуждаются ни в каких отсрочках?»

Риффенах: «Что они вынуждены отправиться за море, чтобы последовать за своими вассалами и управлять ими, а то в противном случае их вассалы, вернувшись домой, откажутся им покоряться...»

Рыцарь: «Как мало веры!.. А разве прелаты не покидают свою паству, свои кафедры?..»

Риффенах: «Чтобы приобрести бенефиции на Востоке».

Рыцарь: «Но низшее духовенство ведь не может же питать подобной надежды?»

Риффенах: «Монахи?.. Они рады уже тому, что расстанутся с монастырской скукой и будут есть хлеб новой выпечки».

Рыцарь: «Белое духовенство ежедневно стекается под священное знамя...»

Риффенах: «Они бегут от публичного покаяния».

Рыцарь: «А разве не следует считать достаточно суровым наказанием то, что идут в странствие босыми?»

Риффенах: «Это они делают по недостатку денег, не будучи в состоянии купить себе ни сандалий, ни башмаков...»

Рыцарь: «Сир Риффенах, да неужели же ты будешь постоянно высмеивать служителей Бога? Ты не хочешь видеть их самоотвержения! Неужели ты будешь упорствовать в своем грехе долее, чем разбойники, которые покидают свои леса и пещеры, чтобы сражаться и погибать под знаменем Христа?»

Риффенах: «И это мне совершенно понятно: они бегут от виселицы... Да неужели же ты серьезно думаешь, что Риффенах настолько глуп, чтобы идти за этими стадами в Сирию, как будто в Германии не достанет могил для всех? Неужели ты думаешь, что я брошу свое имущество на разграбление тем из моих благородных соседей, которые, разумеется, очень желали бы моего удаления! Клянусь белой дамой замка Розенберг, прошло то время, когда достаточно было присутствия черной рясы да бритой головы, чтобы оторвать целые народы от их домашних очагов. Теперь мы знаем, как управлялись, как жили тогда эти ревностные друзья Бога!.. Между защитниками Сиона царили грехи Вавилона. Вожди их все время ссорились друг с другом из-за честолюбия, сварливости и стремления к роскоши; если они и соединялись, то для того только, чтобы избивать грязных жидов. А разве не служили они идолам, когда шли в поход в предшествовании козы и гуся?* Все это для того, чтобы питаться чертополохом, погибать от нищеты на Сирийских равнинах и не иметь иного савана, кроме заржавевшего вооружения! Нет, Риффенаха не надуешь... Он не пойдет на защиту того дела, которое бросил сам Петр Пустынник, когда покинул армию христиан в Антиохии, дезертировал, как ворон из

* Средневековый историк Альберт Ахенский рассказывает, что крестоносной толпе, отправившейся в Первый крестовый поход еще до рыцарских ополчений, предшествовали коза и гусь, которым люди, по суеверию своему, приписывали чудесные свойства.

ковчега! Нет! Этих примеров для меня достаточно, и никогда Риффенах не подвергнется той болезни, которую можно назвать крестоманией».

«Анафема нечестивцу! — вскричал тевтонский рыцарь. — Да воскреснет Бог и расточатся враги его! Довольно слушать богохульства... Крестомания! Сир Риффенах, ни грехи твои, ни твое упорство в них не отпустятся тебе... Я уйду, я покидаю твой замок, как Лот покинул Содом и Гоморру. Я предаю твою душу, эту десятину сатаны, силам ада!»

Сказав это, он вышел из залы. За дверью он нашел стражу, которая была так же молчалива, как ее протазаны. Стража проводила его до решетки, которая поднялась и сейчас же опустилась позади рыцаря.

«Мюнстерский герцог, — говорил про себя сир Риффенах, сидя один в своей хрустальной зале, — спятил с ума. Он всегда, бедняга, отличался слабым умом и легкомыслием; в противном случае он не обманулся бы... Да сходил ли когда-либо на землю Христос? Может быть... да... Простаки, они мечтают, что Средиземное море высохнет, чтобы они могли пройти по дну его в Сирию. Ха-ха-ха! Удивительно я весел сегодня вечером!.. А все-таки герцог смутил меня своими предсказаниями... Как горели его глаза! Они сверкали, как уголья в этом камине»...

Взглянув машинально в камин, сир Риффенах вдруг увидел, что его задняя стена краснеет и делается прозрачной, как хрусталь... Вот показался рыцарь в черных доспехах, с опущенным забралом, и стал его манить к себе рукою.

Побуждаемый непобедимой силой, сир Риффенах повиновался. Пройдя по угольям, как будто по траве, он подошел к черному рыцарю, который взял его за руку и углубился с ним в какую-то мрачную галерею. Сир Риффенах пытался несколько раз говорить, но его язык производил лишь какие-то невнятные звуки, как язык немоего, заблудившегося на ярмарке. Внезапно открылась дверь, и перед ним предстало такое зрелище, от которого Бог хранит даже наших врагов.

В глубине огромной залы, устланной белеющими костями, со стенами, затянутыми паутиной и крыльями летучих

мышей, возвышался железный алтарь, на котором горели голубоватым пламенем серные свечи. Вокруг него стояли рядами 666 рыцарей в черных доспехах, с опущенными забралами, точь-в-точь как у спутника сира Риффенаха. Возле алтаря стоял скелет, одетый в черную далматику²⁴ без креста, а рядом с ним — человек с рыжей бородою, в сером полукафтани, в голубой обуви и в шапочке, убранный лентами огненного цвета...

Вдруг послышался звук пастушьего рожка, засвистал ветер, послышались громовые удары, хрюканье свиней. Забрало у каждого из 666 рыцарей поднялось, обнаружив смуглые лица, клыки и пасти, из которых, как и из ушей, напоминающих медвежьих, вылетали пламя и дым. У каждого обнаружился сзади длинный, пушистый хвост, а на руках и ногах появились широкие когти, испускающие пламя. Та же самая перемена произошла и со спутником сира Риффенаха. Подняв верх правую руку, спутник Риффенаха произнес следующее: «Царство сатаны торжествует и враги его расточились! Оно считает одним бойцом более, а Церковь одним бойцом менее. Сир Риффенах, новый ангел мрака! Да будет смерть с тобою, да шествует она около тебя, против врагов сатаны. Воин ада, прими этот знак, и пусть при одном взгляде на него уничтожаются все воины Христовы!»

И на то же самое плечо, на которое крестоносцы возлагали символ искупления, он положил свои пылающие когти. Пожираемый огнем до самых костей, сир Риффенах испустил страшный крик и попытался бежать...

В это время послышалось пение петуха, и все исчезло. Риффенах увидел себя сидящим в своей хрустальной зале. На его крик сбежались слуги. Они вообразили, что на него напали убийцы.

«Это — он... это — он, — проговорил Риффенах коротким, отрывистым голосом, как умирающий. — Я его хорошо видел... Это — сатана, сам сатана... О, как он сжал мою руку своею! Его глаза пылали, как угли в горне... Он назвал меня бойцом ада!»

«Вероятно, вы видели дурной сон?» — спросил у него почтительно мастер Кольб.

«Сон? — возразил Риффенах. — Нет, не сон! Он сказал: прими этот знак, и знак здесь... я его чувствую... он жжет, он пожирает меня... Кольб, Кольб, и вы, Тоберн и Глабер, снимите, сорвите с меня табар... Вы видите что-нибудь на правом плече?»

Кольб, Тоберн и Глабер безмолвствовали и переглядывались между собою, леденя от ужаса. Тогда сир Риффенах сам схватил два серебряных зеркала и, поместив их друг против друга, увидел на своем правом плече следы сатанинских когтей.

«Бог проявляется, — сказал он после нескольких минут молчания. — Бог проявляется... Его голос слышится мне... Буду повиноваться, если еще не ушло время... Тоберн, пусть оседлают моего боевого коня... пусть поднимут решетку... я отправляюсь один!»

И сир Риффенах помчался по направлению к замку пфальцграфа, где он надеялся встретить Мюнстерского герцога, чтобы просить его быть своим крестным отцом по Крестовому походу.

Он был так углублен в свои думы и в свои воспоминания обо всем виденном при дворе сатаны, что совершенно сбился с дороги, ведущей к парому, и забрался в незнакомое место на берегу реки. Когда он остановился в нетерпении у берега, ему показалось, что на противоположном берегу мелькает между прибрежными ивами принадлежащий герцогу белый плащ с черным крестом.

«Должно быть, он заблудился, как и я? — заговорил сир Риффенах сам с собой. — Вероятно, он отыскал здесь брод...»

И среди безмолвия он крикнул: «Перейти можно?»

«Можно!» — ответило эхо.

«Здесь?»

«Здесь...»

Пустив лошадь, которая фыркала и пятилась, как будто видела перед собою василиска, сир Риффенах ринулся в волны и более уже не показывался...

Заключение

Перед вами развернулась в главнейших чертах картина, изображающая средневековый замок и его обитателей. Вы несколько знакомы теперь не только с внешностью обитателя средневекового замка, не только с его привычками и образом жизни, но также и с духовной стороной его жизни. Не увлекаясь слишком воображением, которое склонно приукрасить все, относящееся к рыцарской поре, мы должны признать, что обитатели средневековых замков заключали в себе смесь самых противоречивых качеств. Они были отважны и в то же время суеверны, а следовательно, порой боязливый; они горячо веровали, но в любой момент были не прочь сопоставить требования веры с земными прелестями и отдать предпочтение последним; они клялись исполнять идеальные требования рыцарства и в то же время совершали самые жестокие, самые несправедливые поступки.

Но, как бы то ни было, у этого общества были высоконравственные идеалы. Насколько высоко эти идеалы ценились в средневековом обществе, можно заключить из того убеждения, что измена им обязательно влекла за собою злую кончину и мучения в загробной жизни, а верное служение сулило радости райской жизни. Когда доблестный рыцарь Роланд, смертельно раненный в битве с язычниками, умирал, к нему, по словам поэмы, слетались ангелы:

Послал к нему Всевышний херувимов,
И Рафаил слетел к нему на землю,
И Михаил Заступник, с ними
Слетел и сам архангел Гавриил...
И вот — с душой Роланда херувимы
Помчались прямо в чудный, светлый рай...

Известный историк Средних веков рыцарь Жоанвилль²⁵ в таких выражениях говорит о кончине Людовика Святого²⁶, который воплотил в себе рыцарские идеалы: «После этого святой король велел положить себя на ложе, посыпанное пеплом, сложил на груди свои руки и, обратив очи к небу, возвра-

тил свою душу нашему Создателю в тот самый час, в который Сын Божий умер на кресте за спасение мира».

Высокие рыцарские идеалы, несомненно, служили тогдашнему обществу яркими маяками, освещающими его темные жизненные пути. И нам кажется, что именно они и привлекают прежде всего наше внимание, сообщая средневековому миру ту поэтическую окраску, которая иногда может даже помешать представить себе его действительное состояние. Но, как бы то ни было, эти идеалы облагородили человеческое общество. В этом отношении заслуги рыцарства несомненны.

Разумеется, рыцарские идеалы не были новостью; это были все те же общехристианские идеалы, но рыцарство помогло церкви провести их в жизнь в обновленном виде, неразрывно связать их с действиями и поступками людей, с человеческим самолюбием, вылить их в формы, вполне соответствовавшие общественным и историческим условиям.

Средневековый город и его обитатели

Предисловие

Предлагаемые очерки, представляя совершенно самостоятельное целое, примыкают в то же самое время по содержанию своему к другой серии очерков, изданной нами под заглавием «Средневековый замок и его обитатели», ибо они изображают важнейшие бытовые стороны германского города в XIV–XV столетиях. При составлении их нам приходилось пользоваться произведениями немецкой исторической литературы: монографиями, относящимися к отдельным городам, сочинениями по истории германских городов вообще, по истории искусств и культуры в Германии. Кроме того, большим подспорьем были для нас миниатюры, украшающие средневековые манускрипты. В этом отношении оказало нам немалую услугу роскошное издание: Alwin Schultz, «Deutsches Leben im XIV und XV Jahrhundert»²⁷.

Питаем надежду, что настоящий выпуск нашего издания встретит те же многочисленные сочувственные заявления, которых удостоился наш «Средневековый замок».

Город спит

Перенесемся воображением за пять столетий назад и представим, что мы приближаемся к средневековому немецкому городу в ясную, лунную ночь. Вот он обрисовался перед

нами на светлом фоне неба, и кажется, что с каждым нашим шагом он надвигается на нас могучими стенами и высокими башнями. По левую сторону от нас, весело шумя, бежит извилистая река; серебряная полоса, брошенная на ее поверхность месяцем, сопутствует нам. За рекой — поле, побелевшее от росы, за полем чернеет лес. Направо от дороги поле постепенно поднимается и переходит в возвышенность, на которой также чернеют леса.

Наша дорога, кое-где окаймленная деревьями, мало-помалу поднимается в гору. Река убегает далеко в сторону. И вот мы уже не видим ничего более, кроме массивных стен города — они всецело поглощают наше внимание. Если бы мы взобрались на соседнюю возвышенность и оттуда взглянули на средневековый город, он поразил бы нас многочисленными башнями: башни на стенах, башни внутри города, вот — ратуша, новый собор, старые церкви, остатки прежних укреплений. При обыкновенных обстоятельствах нам было бы трудно подойти к городу, не обратив на себя внимания, не возбудив тревоги. У ворот его стража, на самой высокой башне — сторож. Но наша волшебная прогулка совершается при необыкновенной обстановке. Представим себе, что стражи нет на своих местах, что даже ворота открыты, что все вокруг нас погружено в волшебный, заколдованный сон.

Отчего же вдруг содрогнулось наше сердце? Что смутило его? Перед нами — лобное место: высокий каменный помост, а на нем — три каменных столба, соединенные наверху поперечными деревянными балками. Здесь вешают, обезглавливают, четвертуют и иными способами лишают людей жизни. Сейчас лобное место пусто, но недаром налетают сюда целые стаи хищных воронов. Зловещее карканье часто оглашает это пустынное место, а по ночам нередко поблизости собираются волки и задают раздирающий душу концерт. Представьте себе темную, грозовую ночь. Но блеснула ослепительная молния и на одно мгновение озарила лобное место: на перекладинах висят трупы, на высокий шест надето колесо, а на нем — остатки человеческого тела, на зубцах стеной башни — черепа казненных, и долго будут находиться они там — пока не высохнут, не рассыплются на части...

Пройдя лобное место, мы подходим ко входу в город. На первом плане — деревянный частокол. Но, не довольствуясь им, горожане засадили внешнюю окружность города колючими кустами. Перед нами — широкий, наполненный водой ров. Каменный мост над ним не доведен до главных ворот, и поэтому от них к нему перекинут подъемный мост. В обе стороны от ворот поднимается сравнительно невысокая, каменная зубчатая стена, а за ней — другая, значительно выше ее, с башнями. На некоторых из башен сверкают позолоченные кресты. Над воротами поднимается главная стенная башня. Сами ворота облицованы глазированными цветными кирпичами — зелеными, черными, белыми. Огромная железная решетка поднята, и мы свободно проникаем за крепкие городские стены.

Сегодня улицы спокойны: в ночном воздухе не слышно ни звука. Средневековый город мирно спит. Его улицы настолько узки, что свет луны проникает не всюду. К тому же довольно далеко, иногда на метр и более, выступают вперед верхние этажи с балконами, которые европейцы переняли с Востока, во время Крестовых походов. В городе, сдавленном стенами, мало места для обитателей, и поэтому он, не будучи в состоянии разрастаться в ширину, успешно растет вверх. Население необыкновенно сжато.

Еще недавно, несмотря на видимые снаружи внушительные стены, внутри город походил на обычное село с маленькими, крытыми соломой домишками. Горожане по сей день не желают расстаться с сельскими привычками, и, бывает, по улицам свободно ходит домашний скот. Мостовая есть только перед домами знати, и если бы вы пожаловали сюда в дождливую пору, то махнули бы рукой и ушли, не осмотрев города. Взгляните на этот богатый дом: на остроконечной черепичной кровле его — жестяной флюгер, над окованной железом дверью прибиты оленье рога. Видите желоба, оканчивающиеся разинутыми львиными пастьями? Из них в дождливую пору вода выбрасывается на самую середину улицы и скапливается здесь в грязные лужи. Если такая погода выпадает на какой-либо праздник, то монахи ближнего монастыря откладывают службу по случаю «уличной грязи». Члены городского управления (ратманы) отправляются тогда в ратушу

в «деревянных башмаках», надетых на обувь. Эти «башмаки» играли роль современных галош и снимались с ног при входе в здание. Собственно говоря, эта дополнительная обувь вообще не была башмаками, хотя и называлась так: она представляла собою просто деревянные подошвы, прикреплявшиеся ремнями к сапогу, напоминая, таким образом, древние сандалии. Знатных и богатых людей, в случае особенно большой грязи, носят на носилках. Уличная грязь особенно увеличивается еще оттого, что, несмотря на строгие постановления и требования рата (городского совета), жители города никак не могут расстаться со своими крайне неудобными для общепринятого привычками: все лишнее, все ненужное без зазрения совести выбрасывается ими на улицу. Только в каких-нибудь особенных случаях улицы средневекового города закидывались щепом или устилались соломой, причем каждый из городских обывателей покрывал соломой часть улицы, прилегающую к его жилищу.

Большинство домов — деревянные, с крутыми кровлями, покрытыми гонтом. Внизу в домах — просторные сени, из которых поднимается лестница на первый этаж, где часто имеется деревянная галерея. Лунные лучи играют на десятках круглых стеклышек, вставленных в оконные рамы. Кровля образует над галереей навес, который прекрасно защищает ее от дождя и снега.

Горючий материал построек и узость улиц были причинами страшных пожаров, опустошавших в продолжение одного столетия по нескольку раз один и тот же город. С быстротою молнии охватывало пламя деревянные стены и кровли, с быстротою молнии перебрасывалось с балкона на балкон, овладевало целыми рядами домов, обвивалось вокруг колокольных башен, растапливало колокола, пожирало склады дорогих товаров и несло, несло вперед, пока не встречало преграды в городской стене. Неистово звучал в таких случаях пожарный колокол, но никто не думал заливать пожара, всякий стремился выбраться на волю, убежать от огненного чудовища, спасти свою жизнь.

Враждующие партии горожан нередко поджигали дома своих противников. Для предупреждения этого не только поджигателям, но и тем, кто грозился поджогом, назнача-

лась огненная казнь: их заколачивали в бочку и так сжигали. Но случалось, что значительная часть города выгорала из-за заведомо небрежного обращения с огнем. Жители средневекового города частенько предавались безрассудным забавам. Достаточно отметить одну из них — танец с факелами в руках. Городские правители, конечно, предпринимали меры для предупреждения беды — со временем они стали обязывать одних ремесленников в случае пожара доставлять воду, других — помогать тушению.

Скученность строений имела и другие последствия: в средневековых городах необычайно свирепствовали эпидемические болезни — например, оспа, которую называли «черной смертью», проказа, чума... От черной смерти, пронесшейся над Европой в первой половине XIV века, особенно пострадали города: в Бремене умерло 7000 человек, в Любеке — 9000, в Базеле — 14000, в Эрфурте — 16000 и т.д. Мертвецов не успевали хоронить обычным порядком и зарывали в общие ямы; во время эпидемий многие люди убегали из своих городов...

Впрочем, обратимся от этих ужасов к тому, что окружает нас. Луна ярко освещает попадающиеся между домами небольшие пространства, которые засажены овощами и любимыми цветами средневековых дам — розами, гвоздиками и фиалками. Деревьев там совсем мало. А было время, когда в городе были виноградники, большие сады и даже пашни.

В центре города высится замок, вокруг которого, собственно, город и вырос. Замок окружен толстыми стенами с бойницами. Есть в городе и еще одна стена с воротами, которые всегда открыты, — эта стена указывает на прежнюю его окружность. Теперь город расширился, опоясался новыми, крепкими стенами, и эта старая стена стоит уныло, как памятник над могилой минувшего. Она кое-где дала трещины, в изобилии покрыта плесенью, и плющ, отыскивая для себя благоприятную почву, все шире и шире расплзается по ее разрушающейся поверхности.

Совершая прогулку по средневековому городу, вы тщетно искали бы на домах того, что нам кажется столь необходимым, к чему мы так привыкли, — номеров. Взамен номеров на каждом доме помещается над входом щит, а на нем намалявано какое-нибудь изображение. Вот — красный медведь,

здесь — волк, там — лебедь, полумесяц, золотая звезда, золотой меч и т. п. По этим изображениям и различали тогда дома.

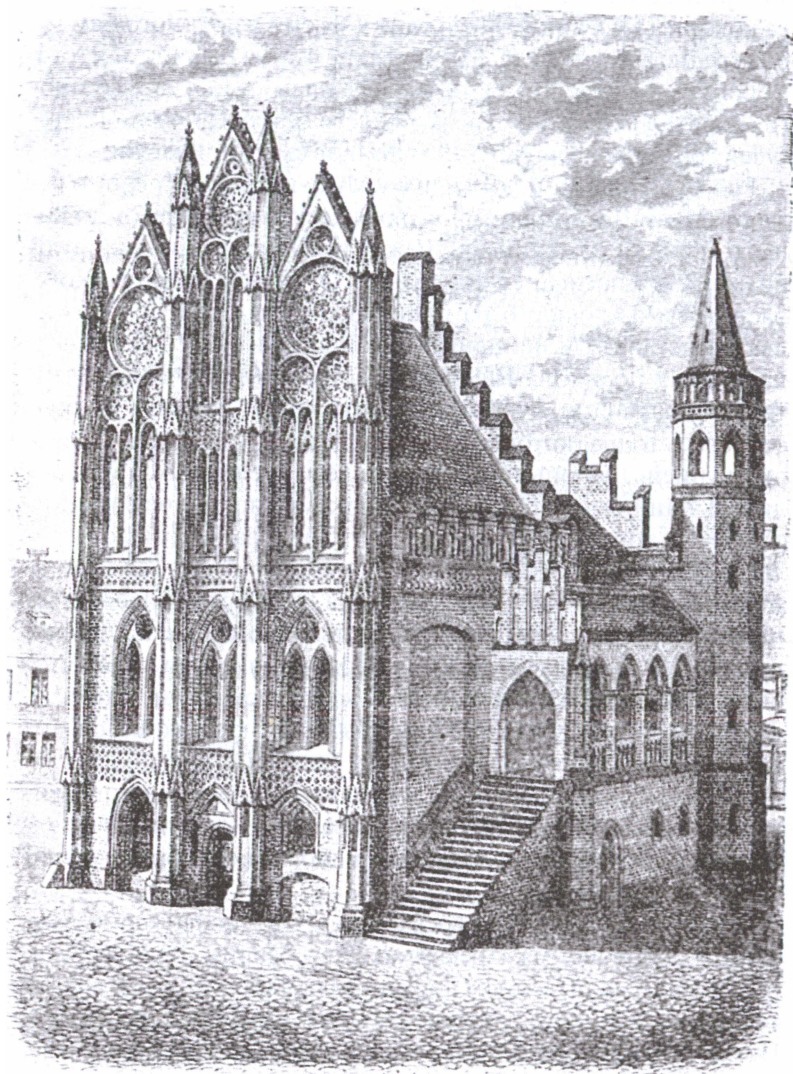
В нижних этажах домов помещались лавки и погреба. Если бы мы могли заглянуть в один из погребов, то увидели бы, что он весь заставлен бочками с вином, которым, между прочим, торгует наш город. Посередине погреба устроен в полу каменный бассейн, куда должно слиться вино в том случае, если лопнет какая-либо из бочек.

Мы движемся вперед по извилистой улице то в полной тени, то в лунном сиянии. Кое-где нам приходится отступать от домов, так как весьма опасной преградой для путника могут служить выходы из погребов: провалиться туда очень просто. Где-то лают собаки, но никто не встречается нам. Не видать даже ночной стражи. Надо полагать, стражники мирно спят где-нибудь, а их дубины, алебарды, трешотки и погашенные фонари валяются около них на земле. Недаром же городская стража не пользуется уважением и подвергается всяким насмешкам.

Можете представить, какие безобразия творятся на улицах в темные ночи? Город наш еще совсем не освещается. Только в редких случаях вывешиваются у домов фонари или просто вставляются смоляные факелы в особенные, сделанные для этой цели, железные гнезда. Правда, когда в городе пребывал император, они зажигались у каждого дома. В обыкновенное же время обыватели выходят ночью на улицу с фонарями в руках.

Но что это? Поперек улицы перекинута тяжелая цепь. Она заперта с двух сторон на замки. Такие же цепи перегораживают и другие улицы; делается это для того, чтобы воспрепятствовать проезду экипажей. Нам эти цепи помешать не могут, мы идем дальше и подходим к площади.

Гордо поднимается здесь стройная башня городской ратуши. На верхушке ее — сторож, но он не видит нас. С этой башни в критические минуты городской жизни раздаются звуки набатного колокола: они оповещают о пожаре и созывают вооруженных граждан в случае нападения; кроме того, они оповещают обывателей, что пора тушить огни в домах. Недалеко от ратуши, где заседает городской совет, стоит облитая лунным сиянием каменная колонна с грубо высеченной фигурой

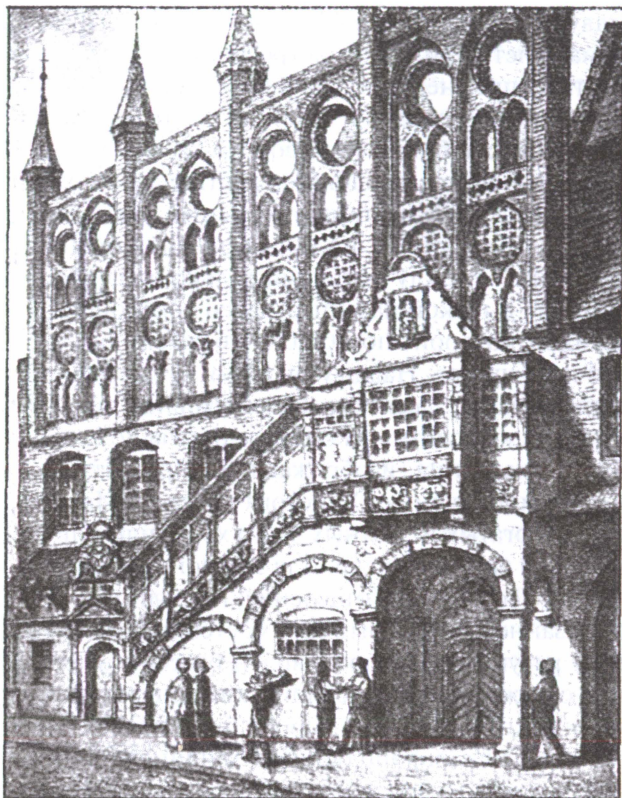
Городская ратуша

мужчины, который держит обнаженный меч. Это — Роландова колонна; название ее восходит к имени известного нам героя средневековой литературы. Такие статуи рыцаря, одетого в броню, символизирующие высшее правосудие, есть во многих городах Германии. Среди прочего они обозначали право судей города подвергать преступников смертной казни.

Рядом с колонной мы видим клетку и столб. В первую сажают пьяниц, у второго производят сечение розгами. До нашего времени сохранилась, между прочим, миниатюра, изображающая последнее наказание. У столба, увенчанного распятием и стоящего на площадке, куда ведут ступеньки, два представителя исполнительной власти бьют преступника розгами по спине. На ступенях стоит человек и играет на трубе — очевидно, чтобы заглушить крики жертвы. Вокруг собралась толпа, которая с величайшим интересом следит за экзекуцией. Любопытно, что в числе зрителей находится родитель или педагог с двумя мальчиками; подобное зрелище считалось тогда назидательным. Что бичевание имело тяжелые последствия, в этом едва ли можно сомневаться. Достаточно указать на тот факт, что лица, подвергавшиеся бичеванию в Нюрнберге и приговоренные к высылке из города, имели право оставаться здесь в продолжение трех дней, чтобы залечить раны. Другим видом «торговой казни», то есть наказания на торгу или площади, было заключение виновных в клетки на всеобщее посмешище, причем люди, подвергавшиеся этому виду наказания, сажались целыми рядами. Движения их были стеснены: руки связаны, а ноги ущемлялись деревянной колодкой. Зной или непогода еще более увеличивали их страдания*.

Площадь застроена со всех сторон. Против ратуши возвышается собор во имя Пресвятой Девы Марии. Величественно, как бы в молитвенном порыве, вздымается он к небу. Этот собор — истинное украшение города и гордость его жителей. Немало было принесено им жертв, чтобы построить здание,

* Русские историки смотрят на «торговую казнь», существовавшую на Руси, как на одно из последствий татарского ига. Запад ига не знал, а между тем «торговая казнь» существовала и там и своей жестокостью несколько не уступала нашей.

Лестница и фасад ратуши в Любеке

достойное своего высокого назначения. Душа стремится к небу за остроконечными арками, как бы унизанными каменным кружевом, за громадными окнами, за стрельчатыми башенками, за высокой, убегаящей в небо башней!

К собору примыкает кладбище. В средневековых городах оно помещалось в середине или вообще внутри города. Оно росло и расширялось, пока не встречало на своем пути жилых помещений. Когда постройки живых людей полагали непреодолимое препятствие дальнейшему росту кладбища, покойников стали хоронить в старых могилах. Бывали случаи, когда

между двумя погребениями в одной и той же могиле истекало совсем мало лет. При новом погребении из могилы извлекались кости ее прежнего жильца и переносились в оссуарии²⁸, состоявшие из подземелья и часовни, выстроенной над ним.

Заглянем в кладбищенские ворота, за каменную ограду. Вот оно — городское кладбище, залитое лунными лучами. Большей частью над местами упокоения лежат толстые каменные плиты с простой, но выразительной надписью: «Да почиет в мире!» Между могилами только одна обращает наше внимание высокой насыпью: здесь похоронена девушка, над могилой которой, по общему убеждению, совершаются различные чудеса. Над двумя-тремя могилами виднеется изображение чаши: здесь погребены духовные лица. Местами поднимаются и распятия. На могиле богача по сторонам распятия стоят изваяния, изображающие Пресвятую Деву Марию и любимого ученика Христова апостола Иоанна. Впрочем, людей богатых и знатных часто хоронили или в особых капеллах, или внутри церкви. Для захоронений детей на этом же кладбище есть особое отделение; но родителям не вменялось в обязанность хоронить своих детей непременно здесь.

Между ратушей и собором виден бассейн. В его спокойной воде отражаются старые липы, как живые памятники того времени, когда на месте города было село. Рядом с бассейном колодец с водоподъемной машиной, над которым возвышается что-то вроде сквозной часовни, с высокой остроконечной кровлей, стрельчатыми арками и фигурами под ними. Наискось собора стоят торговые ряды, выстроенные из камня. Днем здесь — толкотня и оживленные речи.

Мы проходим через площадь, освещенную луною (с нами движутся и наши тени), и снова углубляемся в извилистые улицы. Главных улиц четыре: они расходятся от площади, образуя подобие креста. Эти улицы ведут к четырем городским воротам, каждая из них пересекается другими, второстепенными улицами. Городские обыватели, занимающиеся каким-то одним ремеслом, селятся на одной и той же улице. Отсюда и названия улиц — например, Кузнечная, Кожевенная и т. п. Духовенство живет вокруг церквей. Встречаются улицы, населенные семьями одного и того же рода. Иностранцы также селятся отдельно. Евреи имеют свой квартал.

Таким образом, мы познакомились немного со средневековым городом. Но перед нами — только абрис, только фон. Чтобы представить себе полную картину, следует посмотреть на него при блеске солнца, поучаствовать в его дневной суете, присмотреться к населению, пережить с ним и горе, и радость, и праздники, и будничные дни.

Город пробудился

Ночь убегает от светлого дня;
Добрые люди, восстаньте от сна,
Господу Богу воздайте хвалу:
Слава и честь подобает Ему!

Такую песню поют ночные стражи на восходе солнца, оповещая горожан о наступлении нового дня. С каждой минутой поле, лес, река, городские стены, постройки все зримее возвращают свои обычные цвета. Звучат рога со стенных башен и с колоколен колокола, которым горожане были склонны приписывать особую таинственную жизнь и поэтому, вероятно, часто давали имена.

Город пробуждается. Утренний воздух оглашается звуками пастушьих рожков. С шумом выбегают на улицы домашние животные — больше всего свиней. Визжащее, мычашее, блеющее стадо направляется пастухами к городским воротам, чтобы провести целый день в окрестностях города.

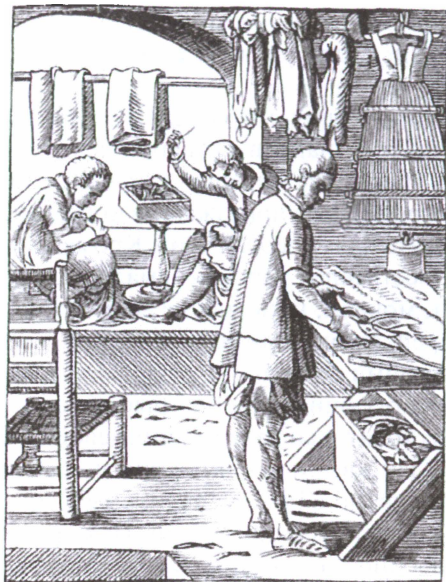
А перед воротами уже стоят длинные вереницы телег деревенских жителей — они и в те времена просыпались раньше горожан. Хотя горожане еще не бросили совершенно занятий сельским хозяйством, но сами они себя уже прокормить не могут. И вот крестьяне везут им произведения своего труда. Чего тут только нет! У девушек на головах и в руках кувшины с молоком, корзины с яйцами и маслом, с курами и голубями. Несколько крестьян пригнали на продажу свой скот. Громко кричит нагруженный чем-то осел. На передних повозках зелень, зерно, рыба, дичь. За ними целая вереница возов с дровами.

Городские чиновники уже здесь: они следят за тем, чтобы товар, привезенный селянами, не скупался перекупщиками; вместе с тем они тщательно осматривают все привезенное. Если обнаруживался какой-либо обман, наказание следовало незамедлительно. Оно состояло главным образом в уничтожении товара, найденного недоброкачественным. Например, худое вино и пиво выливалось на дорогу. Но в некоторых случаях подвергался наказанию и сам обманщик. Дурной хлеб уничтожали, а с пекарем поступали весьма сурово — его кидали в реку.

На стуле, под навесом, сидит сборщик пошлин. Около него — стол. Левой рукой сборщик держит кожаный мешок, а правой складывает в него поступающие сборы: плату за проезд в ворота и пошлину с товара. Один из возов, покрытый полотном и запряженный несколькими лошадьми, подъехал к городу в сопровождении вооруженных всадников, нанятых для защиты товара от разбойников. Из городских ворот выехал богатый горожанин. Вот он направляется к возу, расплачивается с его хозяином, и воз медленно вкатывается в городские ворота. Сколько суматохи, сколько шуму! Навстречу въезжающим в город едут телеги с ремесленными товарами; выезжают из ворот и горожане, еще не бросившие сельского труда: с лошадей и плугом отправляются они на пашню.

Город окончательно проснулся. Со всех сторон спешат к колодцам девушки с кувшинами и ведрами. Другие девушки выносят из домов корыта, лохани и принимаются за стирку перед домами, на открытом воздухе; некоторые прачки усердно работают колотушками. Выстиранное белье они набрасывают на жерди; озаренное яркими солнечными лучами, оно сверкает ослепительной белизной и колеблется под дуновением ветра. Тот же ветер подхватывает и уносит дальше простые мелодии их песен.

Вот мимо прачек проходит толпа рабочих с лопатами, топорами, молотами и другими инструментами. Из соседнего дома вышел сапожник и поместился со своей дратвой тут же на улице; на противоположной стороне старательно работает своим молотом кузнец; дальше оружейник возится с рыцарскими доспехами, сверкающими под лучами солнца. Снаружи к открытому окну его рабочего помещения примыкает

Мастерская портного.
Со старинной миниатюры

широкий подоконник, на нем возвышается фигура вооруженного рыцаря и разложены детали рыцарского вооружения. Еще дальше булочник вынес из магазина свежий хлеб и разложил его на столе, поставленном у самых дверей, над которыми красуется увенчанный короной крендель — его поддерживают два льва, у каждого из них по мечу в лапе. Булочник, впрочем, не представляет исключения. Обычай выставлять свои товары за дверьми лавок, на самой улице, был распространен среди торговцев средневекового города. Для этого над прилегающей к лавке частью улицы устраивались навесы.

Если рабочие не могут вынести на улицу свои изделия, шум от их работы все равно разносится по улице, так как они, дабы привлечь заказчиков, работают при открытых дверях. Вот распахнуты настежь двери и окна в мастерской портного, и все перед вами, как на ладони. На широком подоконнике поместились два ученика, у стола закройщик

сосредоточенно работает ножницами. На полу валяются лоскутки и обрезки, у стен висят уже готовые вещи и стоит манекен.

Всмотревшись в толпу, мы сейчас же заметим, что основной поток движется в направлении городской площади. Пойдем туда и мы. На ратуше вывешен красный флаг; это означает, что торг открыт. Сюда приезжают в повозках, верхами, но пешеходы решительно преобладают. Кроме городского населения среди посетителей торгового — немало пришлого люда: заезжие рыцари, монахи, прибывшие за покупками из окрестных монастырей, иногородние купцы, приехавших сюда за крупными партиями товара.

По рядам, торгующим мясом, рыбой, зеленью, хлебом и пряностями, ходят в сопровождении своих прислуг городские хозяйки. Их цветные платья сразу бросаются в глаза. Они довольно плотно облегают тело, снабжены длиннейшими рукавами и большими шлейфами. Пояс располагается совершенно свободно и служит скорее украшением, чем необходимостью. У каждой из дам висит сбоку кожаная сумочка. Головы их покрыты разнообразными уборами: тут встречаются и чепцы разных фасонов, и некоторое подобие восточной чалмы, и — русского кокошника. У девушек головы непокрыты, переплетенные лентами косы или пущены вдоль спины, или свернуты на голове. Здесь, к слову сказать, за дамскими костюмами и уборами зорко наблюдает городской совет. Не удивляйтесь поэтому, если какая-либо из дам будет подхвачена особыми наблюдателями, играющими роль полиции, и отведена в ратушу.

При таком отношении городского совета, при упорстве многих дам, наконец, при грубости тогдашних нравов это явление не представляло собой чего-нибудь необыкновенного. Даму, обратившую на себя внимание, положим, особенно длинным шлейфом, буквально волокли в ратушу, чтобы сравнить ее шлейф со шлейфом выставленной там модели. Виновные в нарушении установленного правила подвергались штрафу. Но против излишеств дамского наряда восставали не одни городские советники. Нередко появлялся какой-либо монах-проповедник и в резких выражениях нападал на эти излишества.

Наличие таких проповедников можно смело отнести к тем особенностям, которые характеризуют средневековый город. Вот почему я остановлю на некоторое время ваше внимание на рассказе современника о монахе-проповеднике:

«В 1428 году во Фландрии и ближайших к ней областях пользовался громадным успехом кармелит-проповедник, родом из Бретани, именем Фома Куэтт. Во всех хороших городах и других местах, где он желал проповедовать, дворяне, бюргеры и другие достойные уважения особы устраивали для него на красивейших площадях возвышения и покрывали их богатейшими коврами, какие только могли отыскать. На возвышении устанавливали алтарь. Здесь он служил мессу со своими учениками, которые следовали за ним всюду, куда бы он ни отправлялся. Он ездил верхом на небольшом муле. По окончании мессы он говорил свои длинные проповеди и порицал пороки и грехи каждого. Особенно сильно порицал он и бранил дам знатного и незнатного происхождения, которые носили на своих головах высокие уборы и другие украшения, как делают обыкновенно благородные дамы в названных местностях. Ни одна из этих дам не осмеливалась появиться в его присутствии в своем головном уборе. Когда же он замечал таковую, то напускал на нее ребятишек, заставляя их кричать: “Долой колпак!” Дети бежали за дамой и старались сорвать с нее шляпу. В очень многих местах из-за этого происходили беспорядки и столкновения между теми. Несмотря на это, брат Фома продолжал свое дело и до тех пор проклинал дам, носивших высокие шляпы, пока они не стали приходить на его проповеди в простых головных уборах и чепцах, каковые носят женщины из рабочего класса и вообще бедные женщины из простонародья. Большинство, стыдясь оскорблений, которые им приходилось слышать, совсем оставили свои высокие головные уборы и надели другие, похожие на уборы бегинок. Некоторое время благопристойность не нарушалась. Впрочем, дамы поступили так, как поступают улитки, которые, заслушав прохожего, прячут свои рожки, но, когда опасность минует, снова выставляют их наружу. Как только проповедник удалился из страны, они позабыли его учение и снова принялись за свои старые уборы и даже стали носить уборы больших размеров, чем носили раньше».

Явившись в город, странствующий монах взбирался на камень или первое попавшееся возвышение в таком месте, где собиралось особенно много народа (например, на ярмарочной площади), и начинал речь. Слова свои он направлял против евреев и против роскоши, против излишеств дамского костюма и против снисходительности судей, порицал прегрешения ратманов. Подвернись во время такой проповеди разгоряченной толпе какой-нибудь еврей, она вряд ли стала бы церемониться с ним. Да еврей часто и бывал под рукой. Физиономия, сама фигура, желтая полоса на костюме, которую он обязан был носить, и остроконечная рогатая шляпа — все это выдавало его. Но, свыкнувшись с обычаями горожан, научившись по самым незначительным для постороннего глаза приметам узнавать настроение толпы, злополучный сын Израиля обычно успевал заблаговременно скрыться. Но толпа способна на самые дикие движения, и бывало, что проповедь бродячего монаха приводила к страшному погрому, жертвами которого, конечно, становились не одни только евреи. Вот почему городские советы в известных случаях неблагоклонно смотрели на пришлых проповедников и, не церемонясь, выгоняли их из города. Но конечно, если проповедник не затрагивал никаких серьезных вопросов, не касался самого строя жизни, то те же ратманы приходили послушать его. Во всяком случае, такая проповедь была одним из развлечений для средневекового горожанина.

Но посмотрите, что это за процессия проходит в стороне через площадь? Похоже, кого-то изгоняют из города? Да, это гонят прокаженных. Их несколько человек. Они только что отстояли мессу в соборе. С ними идет священник в облачении, с крестом в руке. Он роздал им освященное платье, обувь, сосуд для питья, корзину для пищи и трешотки, звуком которых они должны будут отгонять всех, приближающихся к ним. Больница для прокаженных, устроенная за городской чертой, не примет этих несчастных: она полна. Им придется поселиться за городом в поле, в одинокой хижине. Здесь пропойт заупокойные молитвы, на покрытые головы несчастных посыпят земли, а перед расставаньем священник скажет им слово утешения: «Наши молитвы и милостыня будут с вами». И дверь их хижины закроется, как крышка гроба. Времена-

ми, конечно, они будут выходить из своей могилы, но непосредственное общение их с остальным человечеством порвано окончательно: они умерли для него. В знак этого перед их одинокой хижиной поставят деревянный крест...*

Среди лиц, сопутствующих изгоняемым из городских пределов прокаженным, обращают на себя наше внимание несколько женщин. Это — бегинки. Они одеты в ниспадающие до самой земли темно-серые платья, на головах их белые покрывала, в их руках четки бесконечной длины. Вы приняли бы их за монахинь, но они не составляют монашеского ордена и не живут в монастырях. Правда, они отреклись от мира и живут подаянием, но главная цель их жизни не молитва; они отреклись только от мирских удовольствий, от светской жизни, от жизни среди себе подобных, но не порвали совершенно связей с ними. Они служат великой цели — помогать страждущему человечеству, облегчать людские немощи. Селятся они обыкновенно вдвоем-втроем в небольших домиках с крестами над дверьми. Эти домики так и называются «Божьими домами». В нашем городе бегинок около сорока. Без них трудно представить себе средневековую улицу или площадь.

Кого, впрочем, только нет на этой площади! Вот прогуливаются дворяне-шеголи. Движенья их, несомненно, стесняются необыкновенно узким платьем. На них — все в обтяжку. Полукафтанье надевается чрез голову, да и то с трудом. На ногах сапоги ярких цветов с длиннейшими и узенькими носками. Но всего более удивляет нас чрезвычайная пестрота костюмов. Она доходит до безобразия: одна половина платья делается из материи одного цвета, другая — из другого. Вырезные зубчики по краю полукафтання, навешенные бубенчики, золотые, на шеях серебряные и медные цепи, украшенные алмазами, яхонтами, гранатами, бирюзой. У каждого с боку свешивается меч, на голове или небольшая шляпа с пером, или что-то вроде капюшона. На некоторых короткие

* Считаем не лишним отметить здесь, как исключение, несколько странный обычай, существовавший в Амстердаме. Там прокаженные имели два радостных дня в году. В эти дни они разъезжали по всему городу на санях, при звуках труб и барабанов и собирали подаяния. Представьте только себе подобный поезд!

плащи. Взгляните, например, на этого субъекта! Одна нога у него голубая, другая красная, довольно низко расположился толстый, обитый металлическими пластинками пояс, а красное полукафтанье снабжено необыкновенно широкими рукавами, которые резко суживаются у кисти руки, так что совершенно обхватывают ее.

Полную противоположность этому господину представляет прогуливающийся по площади ученый: его длинное, широкое, ниспадающее до полу и даже волочащееся сзади платье голубого цвета, с длиннейшими, подбитыми мехом рукавами, напоминает рясу священника. На плечах его — металлическая цепь, к которой привешены бубенчики. А вот и почтенные бюргеры в своих широких, ниспадающих до колен кафтанах коричневого, черного, темно-красного цветов...

Резко выделяется из уличной толпы паломник, идущий в святые места. На нем — полотняные шаровары, широкий опоясанный кафтан, спереди которого, как и на широкополой шляпе, нанизаны раковинки, в руке — длинный посох, сбоку — сума и переплетенная ремнями фляжка. От всей фигуры его веет спокойствием и смирением: так и ждешь, что он присядет на какой-либо лавочке, прислонит к стене свой посох и начнет рассказ о виденном и слышанном.

Гремя колокольчиками, которыми обвешаны их пестрые узкие костюмы, проходят фокусники и акробаты. Следом за ними идет монах в сильно поношенной темной рясе, опоясанной веревкой. От монахов-проповедников он отличается тем, что порой не хуже фокусников потешает публику: то продаст реликвию — разумеется, не настоящую, то объявит, что знает, где зарыт богатый клад. Недавно он показывал на этой же площади ящик со змеями, теперь с самым серьезным видом прописывает своему собеседнику, конечно за плату, сомнительный рецепт от зубной боли. Иногда ему сопутствует помощник и выкрикивает во всеуслышание его достоинства и знания...

Но посмотрите на молодых людей, которые, очевидно, только что вошли в город и никогда в нем раньше не бывали! Они выдают себя любопытством. Это странствующие школяры. Кто же они такие и откуда они взялись? Между школами, основанными почти во всех городах, в ту пору, к которой от-

носится наш очерк, некоторые приобрели особенную славу. Бывало и так, что в одной школе, в одном городе особенно хорошо преподавался один предмет, в другом — другой. Отсюда и возникли школяры, которые блуждали из города в город в поисках знаний. Послушают, поучатся здесь, пойдут в другое место. Кое-кто из таких школяров находил наконец искомое, избирал себе предмет, где-то оседал и серьезно отдавался науке, чтобы потом возвратиться домой уже в качестве ученого. Но так благополучно кончали далеко не все.

Школяры жили подаванием от знатных людей, получали от них одежду и деньги. «Пусть знатные люди, — говорится в одной из песенок, распевавшихся ими, — дают и подарки знатные: золото, одежды и тому подобное...» Но, получив деньги, они живо проматывали их и начинали терпеть нужду в самом необходимом. Многих бродяжничество развращало, и они прекращали свою погоню за знаниями, но не прекращали свои странствия. Они старели в постоянных переходах с места на место, пополняя собою толпы нищих, готовых на всякое бесчинство, на всякое дурное дело. Нищие составляли целые отряды; чтобы разжалобить народ, они притворялись больными, калеками, рисовали себе сыпь на теле и т. п. Разумеется, среди нищей братии находилось немало и настоящих калек, действительно больных, несчастных людей, имевших законное, но тяжелое право рассчитывать на милосердие людей имущих и здоровых...

Скоро снимут с башни красный флаг, и торговля на площади прекратится. Телеги, привезшие товары в город, покатают из него пустые. За ними потянутся возы, нагруженные городскими товарами. Площадь опустеет. Сегодня ратманы будут довольны. Торг прошел сравнительно спокойно: только один человек ранен да поймано несколько воришек. Обычно бывает намного хуже.

Прежде чем покинуть площадь, заглянем в аптеку, откуда только что вынесли раненого. Это комната со столом посередине и полками вдоль стен. На полках — банки с снадобьями. Если бы нам удалось заглянуть в опись предметов, находящихся в аптеке, мы нашли бы там удивительные вещи — например, драгоценные металлы и жемчуг, истолченные в порошок, засушенных жаб, волчье сердце, волчью пе-

Средневековая аптека. Со старинного рисунка

чень, человеческие черепа, кости. В XIV–XV веках аптеки находились под наблюдением назначенных для этой цели врачей. Однако это нисколько не мешало аптекарям готовить, кроме лекарств, и различные кондитерские изделия.

Но оставим аптеку и площадь и снова пойдем по городским улицам. Вот служитель, состоящий при бане, во весь голос кричит, что вода нагрелась, и приглашает желающих помыться. В другом месте нам попадаете мальчик, который столь же громко восхваляет вина своего хозяина. Да и сам хо-

зяин, стоя в дверях лавки, зазывает прохожих и дает самую лестную аттестацию своему товару. Другой виноторговец пошел еще дальше: он выкатил на улицу винную бочку, поставил вокруг нее табуреты, принес кружки, открыл втулку... и что же вы думаете? Прохожие облепили бочку, как мухи кусок сахара. Тут и мужчины, и женщины, и родители, и дети; одним словом, на улице идет попойка. Таков городской обычай, и даже запреты раты не могут его искоренить. В некоторых немецких городах, видя полную невозможность бороться с ним, разрешили городским обывателям следовать ему не более трех раз в году, в установленные для этого сроки — в дни святых Михаила, Мартина и Галла.

Представьте себе, что происходит на улицах в эти дни! Люди пьют вино стоя, сидя, лежа на улицах. И нечего удивляться тому, что простой обыватель так падок до выпивки, посмотрите на графов, епископов, аббатов, ратманов. Пристрастие к вину — это общий порок.

Но кроме вина в средневековом городе пьют еще и пиво! И вот весьма кстати мы слышим звонкий голос. Это пивной глашатай, он шествует посреди улицы и торжественно провозглашает... что в доме такого-то бюргера «сварено пиво».

Шумно протекает день в средневековом городе. Но с заходом солнца наступает тишина. Вновь звучат трубы со сторожевых башен, гремят цепями тяжелые подъемные мосты, трижды звонит вечерний колокол. Последние горожане возвращаются в свои жилища. И вот совсем темнеет. Запоздалый путник пробирается по улице с фонарем в руке...

Городской совет

Гордо поднимается к небу своими заостренными башенками городская ратуша. За высокими колоннами, идущими по всему зданию от основания до самого верха и даже превышающими всю постройку своими башенками, приютился фасад ратуши с каменными узорами и высокими окнами, украшенными богатой резьбой. Как ни велики ворота, устроенные с этой стороны, они совершенно подавляются всей

массой здания; через эти ворота можно попасть в обширные помещения, где во время ярмарки выставляются товары, в погреба, кладовые, темницы.

Главный вход помещается в особой пристройке, несколько отступающей от фасада. Но от такого положения вход в ратушу не только ничего не теряет, но даже выигрывает, так как к нему ведет высокая каменная лестница, которая несколько не нарушает цельности внешнего вида здания. За пристройкой, как бы прижавшейся к главному зданию, возвышается незатейливая башня с остроконечной кровлей. Здесь висит набатный колокол, отсюда башенный сторож надзирает за округой.

Поднявшись по ступеням каменной лестницы, вы вступаете в широкий, освещенный с одной стороны коридор и через величественные двери попадаете из него в главную залу со сводчатым потолком. С потолка свешиваются бронзовые люстры, изображающие подобие больших ветвей с крупными листьями. Дневной свет проходит через разноцветные стекла, вставленные в резные оконные рамы. В глубине зала, на возвышении, за бронзовой перегородкой стоят резные скамьи ратманов: спинки этих скамей украшены фигурами, изображающими древних писателей и философов. Под изображением Платона вырезана надпись, предостерегающая от лицепрятия, от несправедливого снисхождения на суде к друзьям.

На огромном дубовом столе стоит мошехранильница. Каждый, кто клянется на суде, должен прикоснуться к ней рукой. О необходимости судить беспристрастно и добросовестно постоянно напоминают картины на стенах залы. Одна из этих картин изображает Страшный суд: здесь и короли, и папы, и князья, и кардиналы, одним словом — все грешники терпят одну и ту же участь, демоны гонят их в ад, который представляет собою клокочущее огненное озеро, переполненное чудовищами с разинутыми пастьми. Рядом картина представляет сюжет аллегорический. На ней изображается суд. Перед судьями стоит подсудимый, а по сторонам его дьявол и ангел: дьявол побуждает его принести ложную клятву, ангел же старается предостеречь его от греха. На других картинах аллегорически изображены всевозможные добродетели и пороки.

Но встречаются картины, представляющие воспроизведение реальной жизни. Вот, например, заседание городского суда. На высоком стуле сидит городской судья в красной мантии, опушенной белым мехом, с такою же меховой шапочкой на голове и с судейским жезлом в руке. Справа и слева от него советники оживленно беседуют друг с другом; их шестеро, по три с каждой стороны. Перед судом стоит человек с мечом на боку, с жезлом в руке — судебный пристав. Он приводит к присяге какую-то женщину, которая клянется, подняв правую руку с поднятыми указательным и средним пальцами. Позади судейских мест — перегородка, за ней видны юноша, принимающий, по-видимому, близкое участие в деле, и судебный сторож, предъявляющий судьям деловую бумагу. На заднем фоне изображено Воскресение Господне, а наверху — Христос, как Судья вселенной; около него — Дева Мария, Иоанн Креститель и апостолы.

Есть в зале и две картины на исторические сюжеты. Одна из них изображает трагическую участь несправедливого судьи, жившего при персидском царе Камбисе²⁹, за полтысячи с лишним лет до Рождества Христова. Художник изобразил взятие судьи под стражу по повелению здесь же стоящего Камбиса. На второй картине — наказание, которому подвергается злополучный судья. С него, привязанного к столу, сдирают кожу, чтобы потом обить ею судейское кресло. Все-го любопытнее то, что обстановка и костюмы соответствуют не времени Камбиса, а времени художника и у стола, на котором совершается бесчеловечная казнь, стоит сам Камбис со скипетром, увенчанным крестом.

В ту пору, о которой у нас идет речь, городской совет, собиравшийся в здании ратуши, был настоящим правительством города. Феодалные сеньоры, духовные и светские, когда-то державшие города в своей власти, были вынуждены отказаться от притязаний на управление ими. Городское население так богатело, так усиливалось, что даже те города, которые зависели ранее от самого императора, имели именно его своим сеньором и управлялись назначаемыми им фогтами, или наместниками, успешно добивались независимости. Сначала фогты назначались императорами по своему собственному усмотрению, потом императоры стали назначать их с предва-

рительного согласия города, а затем фогтов стало избирать само городское население. После значение власти фогтов упало, и фогты-правители превратились мало-помалу в фогтов-чиновников. Город заключал с таким фогтом особый договор на определенное время. По этому договору фогт обязывается уважать вольности, данные городу или императорами, или их наместниками. За это город давал фогту право на полученные доли городских доходов. Само собой разумеется, что такими фогтами избирались люди знатные и богатые, крупные земельные собственники, жившие по соседству с городом.

Нельзя при этом умалять ту роль, которую играло при зарождении городов все свободное их население. Постепенно, однако, многие дела, решавшиеся на площадях, перешли в руки городского совета, учреждения со строго ограниченным числом членов. Следующим ослаблением городского веча стало право, данное рату, созывать его по своему усмотрению. Далее последовало запрещение собираться городскому населению без предварительного уведомления о том рата. В противном случае собрание горожан считалось возмущением, а виновники ее — государственными преступниками.

Первое место в городском совете занимали бургомистры. Их обыкновенно было два, и выбирались они из среды ратманов сроком на один год. Бургомистры — председатели рата, они созывали его, руководили прениями и приводили в исполнение его постановления, вели от имени города переговоры с соседними князьями и городами, предводительствовали войском. Бургомистры и ратманы резко выделялись из уличной толпы уже своим одеянием — зимой они одевались в длинные, подбитые и опушенные мехом одежды, с меховыми воротниками и серебряными застежками; на головах — меховые шапки. Обыкновенно бургомистры и ратманы носили одежду такого цвета, который считался цветом их города. В Кельне, например, они одевались в костюмы серого цвета, в других городах — ярко-красного, черного и т. д. Впрочем, скромные цвета преобладали.

Может быть, самым значительным лицом после бургомистров был городской письмоводитель; он еще назывался канцлером или нотариусом. Одной из важнейших обязанностей городского управления было производство суда. Необ-

ходимо было поэтому иметь под рукой человека, знающего законы. Такие люди и занимали должности канцлеров. Канцлер должен был знать латинский язык, уметь составлять документы. Он посвящался в тайны городской политики. Ему случалось исполнять разные дипломатические поручения. За исполнение этих нелегких обязанностей платили очень хорошо: канцлер получал пожизненное содержание, хотя бы и задолго до смерти не был способен исправлять свою должность. Нередко канцлер, пользуясь городским архивом, описывал современные ему события и оставлял таким образом в наизидание потомству городскую хронику.

Несомненно, большим влиянием пользовались городские казначеи, или камерарии, избиравшиеся из среды ратманов. Их было двое. Они заведовали приемом, хранением и расходованием городских денег, а в иных городах вели особую книгу, куда заносили все имущественные перемены. В Ульме их печатью скреплялись все имущественные договоры и купчие.

Избирались из ратманов и судьи; на них, в случае недовольства принятым решением, можно было жаловаться общему собранию рата. Другие ратманы отправляли полицейские обязанности. С бургомистром во главе они имели право, входить в любое время в любой дом и при надобности производить в нем обыск. Особые лица из ратманов заведовали рынком, благотворительными учреждениями, находившимися в ведении ратуши, винной торговлей... Последние назывались винмейстерами. Дело в том, что во многих городах оптовая торговля вином принадлежала только городскому совету, а главный винный погреб помещался в здании ратуши, куда свозилось все попадавшее в город вино. Лучшие сорта винмейстеры оставляли в погребе: это было, так сказать, «городское вино». Остальное передавалось для продажи частным лицам. «Городское вино» расходовалось на подарки знатым лицам, пили его и сами ратманы, которые имели право на даровые порции по воскресным и праздничным дням.

Число ратманов обыкновенно простиралось до двенадцати. Причем было как бы два совета — один заседавший, а другой «старый», называвшийся так по той причине, что в состав его входили обыкновенно бывшие ратманы. Для решения особенно важных вопросов иногда составлялись советы из бур-

гомистров и двух-трех ратманов. Результаты деятельности таких советов доводились обычно до сведения полного собрания рата.

В древнейшее время ратманы не получали содержания, служба их считалась почетной, они получали за нее подарки и известный процент из штрафных денег. Потом было положено всем должностным лицам известное жалованье, которое выдавалось деньгами и разными припасами — солью, дровами, хлебом, сукном, вином...

Дела, подлежащие ведению ратманов, были многочисленны и сложны. В их обязанности входили кроме суда заботы о сохранении общественного спокойствия и безопасности, о чистоте улиц, о призрении бедняков, организация торговли в городе, надзор за нравами населения, попечение о школах. В помощь ратманам при ратуше состояли писцы и служители разного рода: вестники, посыльные, ночные сторожа и т. п.

Городские советы для предупреждения кровавых расправ запрещали горожанам носить кинжалы и слишком большие ножи. В Регенсбурге, например, во избежание всяких недоразумений был вывешен у здания ратуши в качестве образца нож допускаемого размера. Путешественники, приезжавшие в этот город, должны были немедленно снимать с себя в гостинице все оружие; если же в гостиницу приезжали одновременно более четырех человек, ее хозяин должен был оповещать об этом бургомистров. Совет Регенсбурга, чтобы гарантировать собственную безопасность, издал постановление, которым запрещалось истцу приводить с собою в ратушу более двух товарищей. В других городах раты часто запрещали слишком быструю езду, которая при узости средневековых улиц приносила много бед.

После третьего удара вечернего колокола можно было выходить на улицу лишь с фонарем. Тогда же прекращалась торговля в винных погребах. С ночными гуляками и нарушителями спокойствия поступали в некоторых городах очень решительно, заключая в тюрьму, называвшуюся «дурацким домиком». Случалось, что такие гуляки, особенно из знатной молодежи, не ограничивались шумом, а составляли шайки и совершали нападения на жилища мирных горожан. Вздумает какой-нибудь отчаянный дворянин овладеть красивой доч-

кой горожанина, высмотрит окно ее горницы, выберет темную ноченьку, позовет товарищей, которые принесут с собою большую лестницу... Но не всегда такие затеи сходили безнаказанно. Проснется горожанин, кликнет своих рабочих, и пойдет потеха, которая грозит смертоубийством. Хорошо изображен подобный эпизод в «Фаусте» Гете. Фауст убивает под окнами Маргариты ее брата Валентина, и Мефистофель увлекает его в бегство следующими словами:

Теперь живей нам надо убираться,
Ужасный гвалт поднимется сейчас, —
С полицией я справился б как раз,
Вот с уголовщиной трудненько развязаться...

МАРТА (*из окна*).
Сюда, сюда!

МАРГАРИТА (*из окна*).
Огней сюда, огней!

МАРТА (*оттуда же*).
Здесь ссора, драка, стук мечей.

НАРОД.
И кто-то здесь лежит убитый*.

Ратманы должны были заботиться о здоровье городского населения. По постановлению многих ратов продажа ядовитых веществ могла производиться в их городах только при уважаемых свидетелях. К делам о ядах примыкали дела о подделке или разбавлении вин, что было весьма распространено и в то время.

Большое число бедняков заставляло городские правительства устраивать особые заведения общественного призрения, которые содержались на деньги, собираемые для этой цели

* Из перевода, приготовляемого нами к печати. Оттуда же и другой приводимый ниже отрывок. (Перевод «Фауста» К. А. Иванов закончил в начале 1919 года, незадолго до смерти; опубликован перевод был лишь в 2008 году. — *Прим. ред.*)

с населения. Случалось, что какой-нибудь богатый горожанин содержал такое заведение на собственные средства.

Особенно зорко наблюдали раты за торговлей. Они заботились о том, чтобы город имел в достаточном количестве все необходимое, следили за тем, чтобы торговцы пользовались правильными мерами и весами, образцы которых выставлялись у самой ратуши, за качеством товаров и за ценами. Продажа мяса, рыбы, хлеба подлежала бдительному и строгому надзору. Уже говорилось, что пекаря, уличенного в обмане, кидали в воду; в некоторых городах действовали изощреннее: сажали пекаря в большую корзину, которую опускали с помощью длинной жерди в глубокую и грязную лужу. Строго надзирали за продажей шафрана, индиго и других красильных веществ, вместо которых недобросовестные торговцы иной раз пытались всучить покупателю что-либо иное. Золотых дел мастера, суконщики, меховщики, портные, изготовители кирпичей также находились под наблюдением рата. Так, на кирпичи, например, устанавливался общегородской стандарт по длине, ширине и толщине. Не упускал рат из вида и заработную плату городских ремесленников и даже, если считал нужным, сам устанавливал ее.

Забываясь об улучшении общественных нравов, раты вели войну против мотовства, брани, азартных игр и т. п. Из игр допускались только такие, в которых выигрыш зависел не от одной удачи, а также от навыков и соображения; при этом сверх определенной суммы в продолжение одного дня проиграть было нельзя.

В отношении просвещения городского населения раты часто наталкивались на сопротивление местного духовенства, которое обыкновенно бывало недовольно, если без его ведома основывалась школа и туда назначались преподаватели из лиц светского звания. Ратам в таких случаях приходилось искать понимание у епископа, а то и у самого папы.

В общем, в ратушах сосредотачивалась вся чиновничья жизнь средневекового города. Но кроме того, в обширных залах ратуш совершались различные празднества, здесь справляли свадьбы знатные горожане, сюда собирались потанцевать и вообще повеселиться. Можно сказать, что ратуша была открытым для многих домом, который принадлежал всем горожанам.

Бюргерский дом

Заглянем ненадолго в каменный дом богатого бюргера. Таких домов в городе сравнительно немного. Перед нами трехэтажная постройка с высоко приподнятой черепичной кровлей, которая спускается на все четыре стороны. Наверху стены, закрывая часть кровли, чередуются зубцы, а по углам стоят небольшие шестиугольные зубчатые башенки. Ниже башенок и зубцов тянутся, опоясывая верхнюю часть стены, лепные украшения. Под самым орнаментом расположился ряд окон третьего этажа. Расстояние между третьим и вторым этажами значительно больше, чем расстояние между третьим этажом и началом кровли. При этом окна второго этажа превосходят размерами окна третьего этажа. Дверь, ведущая в дом, напоминает ворота: в нее может свободно въехать нагруженный доверху воз. Почти весь фасад дома покрыт различными изображениями: тут нарисованы женщины, занимающиеся пряжей, шитьем, ткачеством. Рисунки окружены сетью прихотливых арабесок — прихотливых линий, идея которых заимствована, как можно понять из названия, у арабов. Крепкая дубовая дверь почти сплошь обита железом. Тяжелая колотушка в виде головы какого-то зверя висит возле нее на цепи.

Войдя в дверь, вы попадаете в обширные сени со сводами, опирающимися на толстые круглые столбы. Тут стоят всевозможные сундуки, тюки с товаром и бочки; все это рано или поздно окажется в подвалах и кладовых. Вообще, здесь, в нижнем помещении, расположены рабочие комнаты: тут принимаются товары, ведутся счета и т. п. В одной из комнат этого этажа стоит большой письменный стол хозяина со множеством отделений и доской, которая, в случае надобности, может закрыть весь стол, так как она поднимается и опускается наподобие крышки фортепиано. На столе кроме больших ножниц, всевозможных бумаг и необходимых для письма предметов стоят песочные часы. Но повторяем еще раз, нижний этаж — нежилое помещение, а скорее контора. Чтобы проникнуть в жилище хозяина, вам необходимо подняться по широкой каменной лестнице.

Дневной свет проникает в комнаты через окна, составленные из небольших круглых стекол зеленоватого цвета, заключенных в свинцовые рамки. В Раннее Средневековье в домах городских обывателей окна представляли собой простые отверстия в стене, которые закрывались промасленной бумагой, пузырями, тонкими роговыми пластинками. Стекла стали вставляться значительно позже. Однако увидеть что-либо через эти стекла было невозможно, потому что они не были прозрачны.

В бюргерских домах стены комнат обшивались до самого потолка деревом, которое покрывалось резьбой и живописью; так же в некоторых домах поступали и с потолками. При этом рисунки внутри дома имели много общего с рисунками, которые были на фасаде. Иногда, правда, в парадных комнатах изображались сцены из рыцарской жизни; жилые помещения выглядели гораздо проще.

Двери комнат отличались солидностью и также украшались резьбой. Пол имел обыкновенно вид огромной шахматной доски, так как составлялся из чередующихся между собою каменных плиток белого и красного цветов. В доме зажиточного горожанина обязательно был просторный камин. Его устройство можно представить вполне определенно. Верхнюю часть составляет колпак. Он покоится на двух выступающих вперед каменных косяках и доходит до самого потолка. От нижней части колпака выступает широкий карниз, на который ставятся различные безделушки; с обеих сторон его приделаны подсвечники. На каменном полу самого каминного поставлены два тагана. Перед камином на большой скамье любимое место хозяев в холодную зимнюю пору, когда за стенами дома сыплет снег и разгуливает холодный ветер. В других комнатах топят изразцовые печи. Их было принято ставить на ножки, и с первого взгляда они очень походили на огромный шкаф или буфет. У одной средневековой печи, сохранившейся до настоящего времени, ножки имеют вид львов. Непосредственно к печи прилежала лежанка, куда забирались желающие погреться. Изразцы, которыми облицовывали печи, бывали чаще всего зеленого цвета и украшались рельефными фигурами.

Рассмотрев части дома, обратимся теперь к его обстановке. В то время комнаты не загромождались мебелью. Вокруг

стен расставлялись крепкие деревянные скамьи, иногда с богатой резьбой; на скамьях клались подушки. Были в употреблении и кресла. Столы отличались массивностью. Они опирались не на четыре ножки, а на два устоя, соединенные друг с другом поперечной переключиной. Иногда верхняя доска делалась из какого-нибудь камня или покрывалась различными изображениями: тут можно было видеть Соломонов суд, Юдифь с головою Олоферна, жертвоприношение Авраама и т. п. Большой любовью пользовались низенькие шкафчики на ножках. Тяжеловесные шкафы и сундуки предпочитали ставить или в особенных, отведенных для этого комнатах, или в сенях. Иногда такие шкафы вставлялись в нишу, сделанную в стене. Бывало, что шкафы заменялись полками, на которых расставлялись предметы домашней утвари. Необходимую принадлежность каждой комнаты составлял рукомойник с висящим около него полотенцем. Зеркала употреблялись выпуклые; они вставлялись обыкновенно в круглые, реже — в четырехугольные рамы. Изображение в таких выпуклых зеркалах получалось довольно непривлекательное.

Освещались комнаты стенными подсвечниками и люстрами, свешивавшимися с потолка. Сначала люстры делались довольно простые, но со временем превратились в настоящие произведения искусства. Свечи жгли преимущественно сальные, но в домах зажиточных горожан — в праздничные дни или при каких-либо торжественных случаях — употреблялись и восковые. Нагар со свечей снимали особыми ножницами. Кроме свечей употребляли в то время и лампы, или правильнее сказать — лампы, сделанные из стекла.

Уже и тогда было в обычае развешивать по стенам портреты и изображения святых. В самых богатых домах можно было увидеть часовой шкаф с огромным циферблатом. Из остальных предметов обстановки назовем музыкальные инструменты — лютню, арфу, ручной орган, а также клетки с птицами; из птиц предпочитали соловьев и привозимых из далеких стран говорящих попугаев.

Если перейти из гостиной (так можно назвать только что описанную комнату) в столовую, то можно увидеть лишь один новый предмет, несколько напоминающий открытый буфет. Это ряд полок, расположившихся уступами, наподобие

Домашний орган в доме бюргера.
Со старинной гравюры

бие лестничных ступеней. На этих полках расставлены блюда, кружки, кубки, бокалы, сделанные из раскрашенной и глазированной глины, стекла и олова, а в богатых домах — из золота и серебра.

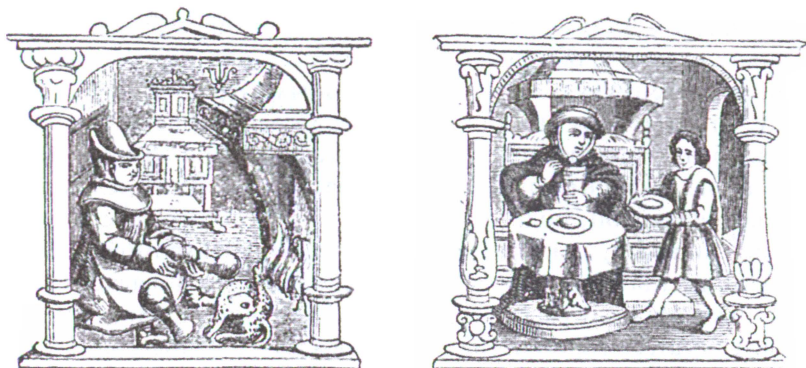
Главным предметом в спальне, конечно, была постель. Постельная рама перетягивалась ремнями. На них клали матрац и покрывали его простыней. Наволочки подушек большей частью делались из белого полотна, но были в употреблении

и цветные. Во многих местах необходимую принадлежность постели составлял балдахин. Он представлял собою раму, прикрепленную посредством железных стержней к потолку. Эту раму обтягивали материей, которая ниспадала до пола, образуя занавеси, легко передвигающиеся на кольцах. Занавеси делались обыкновенно из красного шелка на зеленой, тоже шелковой, подкладке. Кольца, на которых передвигались занавеси, замаскировывались длинной бахромой. У постели всегда ставилась скамейка или даже устраивалась ступенька. На полу расстился ковер. Конечно, прихотливый вкус богатого горожанина сказывался и на внешнем виде постели; подобно другим предметам домашнего обихода, постель украшалась богатой резьбой и нередко выглядела весьма изящно. В иных домах вместо балдахина устраивали нечто вроде глубокого деревянного шкафа, открытого с одной стороны и имеющего отверстия для доступа воздуха с другой, и в этом шкафу помещали постель.

Из других предметов домашней обстановки заслуживают нашего внимания большие шкафы для хранения платья и белья. Делались они обыкновенно из дуба или ясеневое дерево. Их матовая поверхность покрывалась резьбой и разноцветными рисунками. Красивой отделкой отличались также сундуки и ларцы.

Заглянем теперь на кухню, для чего придется оставить верхний этаж и снова спуститься вниз. Здесь мы видим очаг под колпаком, доходящим до самого потолка. Над огнем, разложенным на очаге, висит на цепях большой котел. Вдоль стен стоят столы. На полках и в небольших висячих шкафах представлены необходимые для приготовления пищи приборы: глиняные кувшины разнообразной формы, высокие кружки из желтой меди с ручками и крышками, ступки, небольшие сосуды для всяких надобностей, ножи, ложки и прочее.

Со временем в дома богатых бюргеров стала проникать роскошь. Богатство наложило отпечаток и на образ жизни таких горожан. Следующие два эпизода очень хорошо характеризуют городских богачей. В конце XIII века прибыл ко двору французского короля Филиппа IV Красивого³⁰ один нидерландский купец. Несмотря на свой богатый костюм и великолепный плащ, вышитый золотом и унизанный жемчужинами,

Богатый горожанин у камина и за обеденным столом.
Со старинных миниатюр

купец должен был стоять, так как стулья и скамьи предлагались только лицам духовного и дворянского сословия. Недолго думая, гордый купец снял свой драгоценный плащ, свернул его и уселся на нем. Когда прием кончился, королевский служитель заметил оставленный на полу плащ, поднял его и подал купцу. Но тот ответил, что не имеет обыкновения уносить с собою скамеек. Несколько позже Филипп IV вместе с супругой посетили нидерландские города Гент и Брюгге; местные купчихи разоделись в такие костюмы, украсили себя такими драгоценностями, что королева Иоанна³¹ заметила: «Мне казалось, что здесь только одна королева, а я вижу их более шестисот».

Все это, конечно, можно рассматривать и как ответ городских богачей на ту надменность, с которою относились к ним высшие сословия. Надевая на себя роскошные костюмы, окружая себя дорогими вещами, горожанин находил во всем этом некоторое удовлетворение оскорбляемому в нем чувству человеческого достоинства.

К чести горожанина-богача следует отнести его широкую благотворительную деятельность. Он тратил большие деньги не только на безумную роскошь, но также и в пользу бедняков, содействовал устройству больниц и домов призрения.

Городская свадьба

В Средние века женились и выходили замуж довольно рано. Неженатый человек в некоторых городах не мог рассчитывать на повышение по службе. Так, например, в последней четверти XV столетия был издан в Аугсбурге закон, по которому холостяк не мог сделаться ратманом. В цехах постепенно установился обычай, в силу которого неженатый человек не мог получить звание мастера.

Вдовцы и вдовы также большей частью женились и выходили замуж. Вдовцы обычно вступали в новый брак спустя шесть — восемь месяцев по смерти жены. Вдовам полагалось оставаться таковыми в продолжение целого года, который и назывался «годом плача и скорби», но они часто выходили замуж ранее этого срока.

Девушек выдавали замуж с четырнадцати лет. Обручали же восьмилетних. Обручение считалось в то время главным актом, бракосочетание только скрепляло его. Сватовство и обручение состояли из трех важнейших моментов. Прежде всего, уговаривались относительно подарка, который будет сделан невесте женихом, и о приданом, которое будет дано за невестой. После этого отец давал свое согласие на выдачу дочери замуж, а жених — на женитьбу. Наконец, отец невесты и жених ударяли по рукам, и обручение считалось совершившимся. С течением времени, обязательства стали записываться; контракт составлялся в присутствии свидетелей. За обручением происходила обыкновенно пирушка в невестином доме, в ратуше или даже, что особенно странно на наш взгляд, в монастыре. Эти пирушки сопровождалась танцами и попойкой, и, возможно, поэтому в Нюрнберге в 1485 году были запрещены какие бы то ни было празднества в монастырях.

Но приближалось «высокое время», как называли тогда день свадьбы. Обыкновенно его назначали на позднюю осень, после завершения сбора урожая. Гостей на свадьбу приглашали жених и невеста, иногда этим занимались лица, специально для этого дела избираемые. Они разъезжали верхами, причем посольство это имело нарочито веселый характер. Случалось, что его участники наряжались и устраивалось та-

ким образом нечто в роде маскарада. Была традиция созывать гостей как можно больше. Поэтому, чтобы ограничить размер празднества и расходы на него, городские советы устанавливали число гостей, сверх которого приглашать запрещалось.

За несколько дней до свадьбы или даже в самый канун ее происходило торжественное шествие невесты в баню, где танцевали и пировали. Этот обычай схож с русским «девичником».

Наконец наступал назначенный день. В одних местах это был четверг, в других пятница. Бракосочетание совершалось обыкновенно днем и даже утром, вскоре после обедни. Свадебное торжество открывалось процессиями, сопровождавшими жениха и невесту в церковь. Отправлялись они в церковь не вместе. Невеста ехала с подругами, а иногда также и с шаферами в экипаже, запряженном четверкой. Представим такую картину. На невесте — красное атласное платье, кисейный воротник, богато отделанный серебром пояс. На голове легкий венец, осыпанный жемчугом. Жемчуг и великолепное золотое шитье покрывают ее башмаки. Жених со своими провожатыми ехал верхом. И перед невестой, и перед женихом двигались музыканты с флейтами, скрипками, трубами и барабанами. В тех случаях, когда церковь была близко, процессии эти совершались пешком. Когда жених и невеста приближались к собору, последний как бы приветствовал их колокольным звоном. Чтобы пономарь не ленился и не скупился, его угощали вином.

И вот мы вслед за женихом и невестой входим в собор... Чудное зрелище представляет внутренность готического собора. Простор, высота, группы соединенных друг с другом высоких колонн, поддерживающих собою стрельчатые арки, — все это поражает человека, как бы поднимает его все выше и выше. Только спустя некоторое время начинаете вы осматриваться, осваиваться с отдельными частями грандиозного целого. Только тут вы останавливаете взоры и на высоком алтаре в углублении апсиды*, и на роскошной проповеднической кафедре, украшенной скульптурными изображениями и высоким навесом, только тут вы замечаете изваяния под

* Апсидой называется полукруглая, выступающая часть здания. Обыкновенно она была против главного входа.

верхними громадными окнами, окаймляющими дивным кружевом весь средний неф*, только тут вы начинаете разглядывать разноцветные изображения на стеклах. Колоссальная роза** над входом, вся составленная из разноцветных стекол, надолго приковывает к себе ваше внимание.

«Когда вы, — говорит один иностранный исследователь, — вступаете под эти смелые своды, вам чудится, что вас охватывает, завладевает вами новая родина. Она распространяет вокруг вас атмосферу меланхолической мечтательности. Вы чувствуете свое освобождение от жалкого рабства, создаваемого мирскими привязанностями, но в то же время вы ощущаете более крепкие, более обширные связи. Кажется, что Бог, Которого пытается представить себе наша ограниченная природа, обитает на самом деле под этими сводами и нисходит здесь до непосредственного общения со смиренными христианами, преклоняющимися перед Ним. Здесь ничто не напоминает человеческого жилища, здесь забыто все, что окружает наше жалкое существование. Тот, Кому воздвигнут этот дом, — силен, велик, дивен; как Отец милосердный, принимает Он в Свое обиталище нас, слабых, малых, бедных... Средневековое христианство отыскало в готическом стиле гибкий и выразительный, наивный и глубокомысленный язык, который говорил душе, исполненной святого упоения, переливал в нее свою невыразимую поэзию».

Жених с невестой направляются к главному алтарю. Звуки органа гремят над ними, наполняют собою весь собор. Начинается священнодействие, и скоро проносятся над присутствующими слова священника: «Я соединяю вас в супружество во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»...

Из собора молодые отправлялись в дом отца невесты; у входа их встречал слуга с подносом, на котором стояли фляга с вином и кубок. Кубок обходил всех присутствующих гостей, затем пил жених, и последней — невеста. Выпив вино, она перебрасывала кубок через голову. После этого один из шаферов снимал с новобрачного шляпу и покрывал ею голову его моло-

* Часть храма между главным входом (порталом) и противоположным концом здания (апсидой).

** Огромное круглое окно над порталом.

дой жены. Этот обряд как бы облакал ее властью. Новобрачная первая входила в дом, а за ней все остальные. Разумеется, прежде всего молодые принимали поздравления. Дамы и девушки подходили к невесте, мужчины к жениху. Тогда же подносились и свадебные подарки. На одной свадьбе, праздновавшейся в половине XV века, было поднесено новобрачным 30 серебряных чаш и кубков, ожерелье, золотой пояс и более тридцати золотых колец. Во время поздравлений и подношений играла музыка, пелись песни, и так проходило время до обеда, начало которого возвещалось барабанным боем.

После обеда пускались танцевать, и так продолжалось до полуночи. Между танцами разносились конфеты, вино, пиво и другие угощения. С наступлением полуночи составлялась новая процессия. Невесту отводили в назначенный для новобрачных покой. Большой частью ее сопровождали родные и шаферы, но случалось, что провожатыми делались все присутствующие. Впереди несли свечи, играла музыка, одним словом, получалось впечатление большого торжества. Когда процессия оказывалась в опочивальне, шафер усаживал молодую и снимал с ее левой ноги башмачок. Этот башмачок передавался потом кому-либо из холостяков, бывших на свадьбе. Надо полагать, этим подарком высказывалось пожелание, чтобы получивший его поскорее оставил холостую жизнь.

Следующий за свадьбой день начинался с обмена подарками между молодыми. Подарки вообще составляли неотъемлемую принадлежность свадьбы: одаривали друг друга новобрачные, подносили подарки новобрачным съехавшиеся на свадьбу гости, родители невесты — в свою очередь — дарили различные вещи гостям и слугам, посылали деньги и пищу беднякам, странствующим школярам, сторожу главной городской башни, слугам при ратуше, слуге погребца, посещавшегося женихом, его учителю, банщику; не забывали при этом даже городского палача и могильщика.

Городские советы — опять-таки в стремлении уменьшить расходы — часто ограничивали свадебное торжество одним только днем. Так было, например, в Нюрнберге. Правда, тамошний рат, разрешив пригласить на свадьбу определенное число гостей, позволял сверх того приглашать — преимущественно подруг невесты и ее знакомых дам — на другой день по-

сле свадьбы. Для этого устраивался завтрак, главным блюдом которого была яичница; тут подавались различные печенья, овощи, сыр, вино, но яичница первенствовала и украшалась искусственными цветами. Гости, которые все-таки являлись вопреки постановлениям городских властей, на второй день маскировались под зрителей. Вечер второго дня заканчивался весьма оригинальным «кухонным танцем». Танцевала прислуга, причем каждый из слуг имел при себе какой-нибудь предмет, свидетельствующий о его специальности: повар — ложку, заведовавший вином — кружку и т. п. Если свадьба происходила летом, то на третий день после нее совершалась веселая прогулка на природу.

Свадебные торжества заканчивались тем, что новобрачных отводили в их собственный дом. Но бывали случаи, когда молодая долгое время вместе с мужем проживала в доме своих родителей. Нередко подобное проживание предусматривалось контрактом. Сохранился, например, такой документ: бюргер из Франкфурта Зигфрид Фолькер при помолвке своей дочери с неким Адольфом Кноблаухом обещался содержать молодых в своем доме, на своем иждивении целых четыре года после свадьбы или в противном случае уплачивать им по 50 гульденов в год в продолжение того же периода времени.

Цехи

Первоначально членами городской общины считались только потомки первых городских поселенцев — так называемые «роды». Прочие городские обыватели не имели никаких политических прав. Но с развитием промышленности и торговли низшие слои городского населения, мелкие торговцы и ремесленники, стали группироваться в общества, которые постепенно приобрели право избирать из своей среды старшин и управляться ими. Подобные общества известны под именем цехов. Права цехи добывали не без борьбы, и эта борьба занимает немало страниц в истории любого средневекового города на Западе.

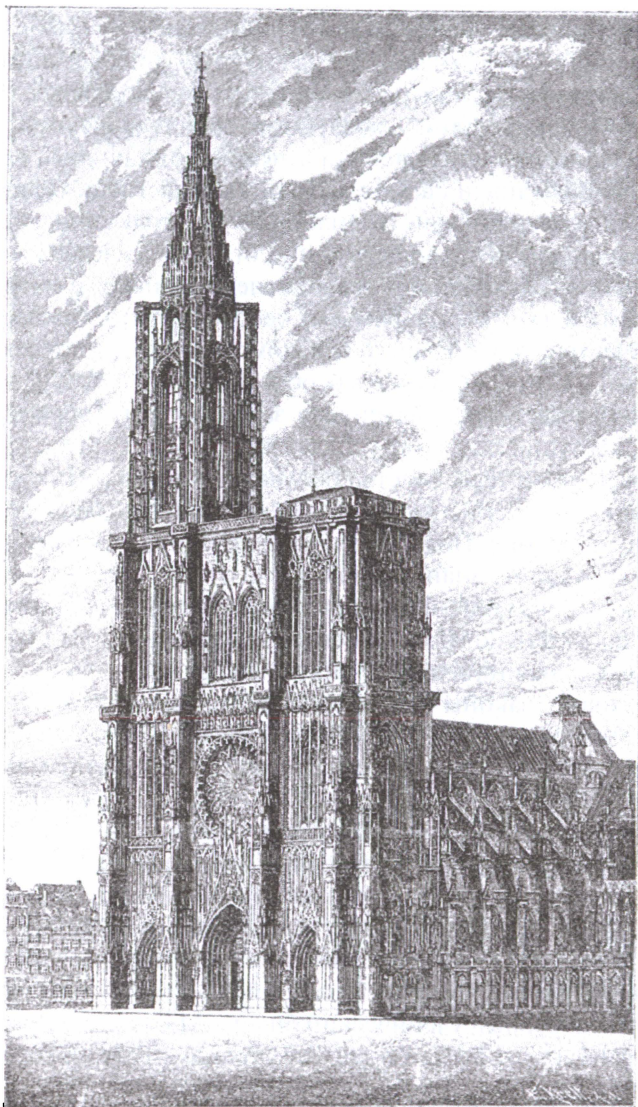
В XI веке французский епископ Адальберон в послании своем, написанном, как и все писалось в ту пору, на латинском языке, высказал следующее положение. Все люди делятся, наподобие Святой Троицы, на три класса: первый класс — духовенство, второй — дворянство и третий — виланы* и крепостные. Призвание первого класса — молитва, второго — битва, а третий класс существует для того, чтобы кормить два первых класса. Без этого — прибавляет поэт-епископ (послание написано стихами) — низший класс не имел бы никакого права на жизнь. Но немного времени прошло, и появился новый класс — свободные горожане, управляемые городскими советами и объединенные в цехи, братства или гильдии.

Цехи или гильдии ремесленников организовывались постепенно. Не только в разных городах число их было различно, но даже в одном и том же городе в разное время оно не всегда было одно и то же. Например, в XIII веке в Страсбурге было девять цехов, в XIV столетии стало в три раза больше, а потом количество их снова уменьшилось до двадцати. Ремесленники, занимавшиеся однородным ремеслом (скажем, работой с железом), как правило, составляли один цех, но нередко этот цех начинал дробиться дальше; так образовывались новые самостоятельные цехи. В XIII веке выделились в отдельные общества кузнецы, оружейники, ножовщики, слесаря, обрели самостоятельность ремесленники, изготавливавшие цепи и гвозди. В свою очередь, оружейники разделились на новые общества: одни работали над шлемами, другие над щитами, третьи над панцирями и т. д. Тем, кто не принадлежал к тому или иному цеху, нельзя было заниматься никаким ремеслом.

Это разделение приносило громадную пользу в том отношении, что развивалась специализация, приводящая к высокому качеству изделий; неудобство же заключалось в том, что один и тот же предмет иной раз должен был пройти целые ряды рабочих рук.

Во главе каждого цеха стоял цеховой старшина. В каждом отдельном цеховом заведении работой управляли мастера, которым помогали подмастерья, а под их руководством, в свою очередь, работали ученики. Число подмастерьев и уче-

* Свободные земледельцы.

Страсбургский собор

ников у одного и того же мастера точно определялось цеховым уставом.

Ученик поступал к мастеру на выучку на определенное время. За это он вносил в ремесленную кассу небольшую сумму денег. По прошествии условленного срока (от шести до восьми лет) цех возводил ученика в звание подмастерья, предварительно убедившись в том, что он обладает необходимыми для этого познаниями. Подмастерье уже получал определенное жалованье и право переходить от одного мастера к другому, но оставался зависим от своего цеха. Если подмастерье желал сам сделаться мастером, ему необходимо было совершить путешествие для большего ознакомления со своей специальностью и потом выдержать особое испытание. Собрание цеховых мастеров рассматривало заданную ему для исполнения работу и, в случае ее удовлетворительности, удостоивало его звания мастера. Мастер получал право открыть свое собственное заведение и становился полноправным членом цехового собрания. Подмастерья подвергались строгому наблюдению, и кроме знания своего дела от них требовалось еще хорошее поведение. Те из них, которые совершали что-либо позорное, исключались из своей среды и не могли уже рассчитывать на вторичное принятие в нее.

Цеховые законы устанавливали правила, обязательные и для мастеров. Эти постановления касались не только самого мастерства, но и личности, и частной жизни самих мастеров. Таким образом, подмастерья стояли под наблюдением мастеров, а мастера обязаны были строго исполнять цеховые уставы. Что касается учеников, то они, как правило, будучи несовершеннолетними, никаких прав не имели. Принятие ученика в заведение отличалось известной торжественностью. Часто оно происходило в ратуше, перед ратманами. Здесь мальчику объясняли его обязанности, как рабочие, так и нравственные и вручали особый ученический билет. «Мастер, берущий к себе ученика, — говорят тогдашние уставы, — должен содержать его день и ночь в своем доме за крепко запертой дверью, давать ему хлеб, усердно заботиться о нем... Мастер должен исполнять все свои обязанности по отношению к ученику, он должен так верно, так ревностно знакомить его со своим ремеслом, чтобы мог спокойно ответить за это перед Богом». Многие цехо-

вые уставы вменяли в обязанность мастерам одевать своих учеников. Те же уставы определяли и обязанности ученика — он был «обязан повиноваться своему мастеру, как родному отцу; утром, и вечером, и во время работы он должен просить у Бога покровительства и помощи, потому что без Бога ничего нельзя сделать... Ученик должен слушать мессу и проповеди по воскресным и праздничным дням и полюбить хорошие книги... Он должен дорожить честью своего мастера и не позорить своего ремесла, ибо оно — свято, и сам он, может быть, делается когда-нибудь мастером над другими, если захочет того Бог и если сам он того заслужит... Если ученик теряет страх Божий в сердце своем или грешит непослушанием, его должно сурово наказывать; это принесет благо душе его, а тело должно пострадать, чтобы душа была в лучшем состоянии...» Мастеру, который плохо обучал ученика, грозило наказание. Если случалось, что в конце срока, назначенного для учения, ученик по вине мастера не знал хорошо своего дела, его передавали другому мастеру, а прежний хозяин его должен был платить за его учение и сверх того внести штраф в цеховую кассу.

При возведении ученика в звание подмастерья о его познаниях спрашивали мастера, а ученику завали вопрос, не заметил ли он во время обучения чего-либо несогласного с интересами ремесла. Если он видел что-либо подобное, то обязан был высказаться немедленно, а потом хранить по поводу этого полное молчанье. После всех расспросов, удостоверившись в нравственных достоинствах испытуемого, участники собрания приступали к подаче голосов.

Подмастерья жили вольготнее, чем ученики, но и они обязаны были жить в доме мастера, причем вечером возвращаться в определенный час, и не имели права приводить с собой подмастерьев или учеников другого мастера. Игры, особенно игра в кости, были им воспрещены. Но подмастерья все же считались свободными людьми и имели право носить оружие; со временем это право, как идущее во вред общественному спокойствию, стало ограничиваться ратами.

Стремясь оградить свои интересы, кем и как бы они ни нарушались, подмастерья стали составлять свои товарищества и устраивать собрания по образцу цеховых. Члены братства созывались обыкновенно следующим образом. Посланному

вручали какой-либо предмет, имеющий символическое значение; например, кузнецам посылался гвоздь или молоток, и начинал гулять этот гвоздь или молоток от одного подмастерья к другому, пока не обходил всех. Собrania происходили под председательством избранного старшины. Ему вручалась палка как знак его первенства в собрании, а если требовалось установить тишину, он стучал молотком или ключом.

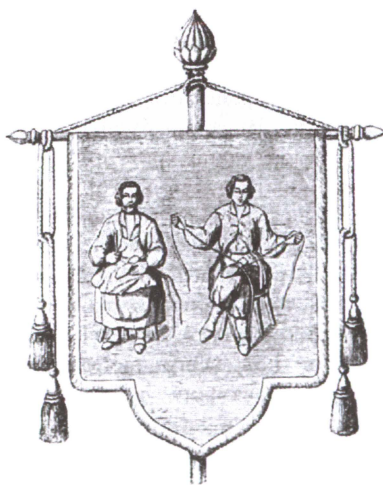
Целью этих собраний была в числе прочего и организация развлечений. Забавы, которым предавались подмастерья немецких городов, отличались оригинальностью. Для примера остановимся на описании одной из процессий, устраивавшихся ежегодно товариществом подмастерьев башмачного цеха в Нюрнберге. Эта процессия называлась «банной». Во время карнавала, в определенный день, собирались в своем общественном здании подмастерья-башмачники, надевали на себя белые купальные костюмы, головы покрывали такими же белыми шапками и в таком виде, предшествуемые музыкантами, шли по улицам в баню. Возвращение из бани в здание товарищества совершалось в том же виде и в том же порядке, и все оканчивалось пирушкой. По-своему веселились подмастерья булочников во Фрибурге: в день Нового года они собирались в госпитальном зале, а потом со знаменами и музыкой ходили по городским улицам. На знаменах их красовался огромный крендель. С собою они таскали разукрашенную елку, на которой вместо игрушек висели печенья и фрукты. Распорядитель праздника непрерывно тряс ее, и то, что падало, становилось добычей бедноты. Праздник оканчивался пиром и танцами.

Связывали членов одного и того же цеха кроме общего дела и религиозные интересы. Каждый цех имел своего особого покровителя (патрона) в среде святых; патроном плотников считался св. Иосиф, сапожников — св. Криспин, лекарей — св. Косма и Дамиан... Большинство цехов имели в городских церквях собственные приделы или, по крайней мере, отдельные алтари. Здесь собирались члены цеха в дни, посвященные памяти их патронов, при отпевании покойных собратьев, для слушания заупокойных месс, отправлявшихся по усопшим сочленам, перед крестными ходами. В собраниях религиозного характера принимали участие члены семьи ремесленника.

Каждый цех имел свою казну, шедшую на содержание собственного помещения и другие нужды; например, из нее выдавались пособия заболевшим или испытавшим какое-либо несчастье. Составлялась она из взносов членов цеха, заведовал ею цеховой старшина.

Символом единства каждого цеха был герб, изображавшийся на цеховой хоругви. Нередко на гербе помещалось изображение святого, покровительствующего цеху, или какого-нибудь предмета, имеющего отношение к занятиям цеха. Иногда цеховым гербом становился отличительный знак дома, принадлежавшего цеху; о таких знаках мы рассказывали в главе «Город спит». Так, например, на гербах изображались зеркала, цветы, медведи и т. д. В некоторых городах члены того или иного цеха носили платье одного цвета.

В преимущества цехового устройства верили в ту пору так сильно, что группировались в цехи не только ремесленники, но также и учителя, нотариусы, музыканты, могильщики, певцы и прочие. Ландскнехты также составляли общества по образцу ремесленников, из которых они, впрочем, большей частью и происходили. То же самое можно сказать и о торговцах.

Цеховая хоругвь башмачников

Каждый цех в случае войны выставлял вооруженный отряд. Ученики подчинялись подмастерьям, подмастерья — мастерам, а последние — цеховому старшине. Защитное вооружение воинов, входящих в эти отряды, состояло из железной шляпы, толстого кафтана, легкого проволочного или жестяного панциря и железных перчаток. Впрочем, строго однообразия не было, и люди обеспеченные могли отправиться на войну в более солидных доспехах. Первоначально воевали луками и стрелами, но позже в арсенале появились арбалеты, а с изобретением пороха — огнестрельное оружие. В походе во главе каждого цеха несли его знамя. Цехи поставляли преимущественно пехоту, но в некоторых городах существовали правила, обязывавшие их содержать определенное количество всадников. В мирное время все эти люди как обыкновенные ремесленники работали в своих мастерских, но стоило только прозвучать сигналу об угрожающей городу опасности, как они бросали свои молоты, ножи, пилы, иглы и т. д., вытаскивали из сундуков свое оружие и направлялись на место сбора.

Но оружие свое цехи обращали не только против внешнего врага; нередко они употребляли его как в борьбе друг с другом, так и в противостоянии с городской верхушкой, состоящей из представителей «родов». Бывало, что буйные толпы вооруженных ремесленников врываются в самое здание ратуши и вынуждали ратманов идти на различные уступки в свою пользу. Например, в кельнской городской хронике говорится, что «сила и высокомерие» местных ткачей «были так велики, что ратманы не имели с ними никакого сладу; на чем ткачи положат, будет ли то справедливо или нет, на том же и все прочие станут». Такое положение абсолютно уверило ткачей в полной безнаказанности. Как-то двое из них учинили в городе грабеж. По закону им грозила за это казнь. Но товарищи решили освободить их — и действительно им удалось вырвать одного преступника из рук властей и увести его с собою. Это возмутило представителей других цехов, которые довольно долго перед этим копили к ткачам враждебность, и вот повод, чтобы она выплеснулась наружу, представился сам собою. Объединившись, цехи бросились на зачинщиков смуты. Сначала ткачи выдерживали натиск, но скоро уступили подавляющему большинству и разбежались во все стороны. Много их было перебито, много семей понесли невозвратимые утраты! Победители всюду искали

своих врагов: врывались в частные жилища, в церкви, в монастыри. Городской совет казнил всех ткачей, попавшихся ему в руки в первый день; в числе их оказался и освобожденный преступник. Семьи зачинщиков были изгнаны из города, все имущество у них отобрали. С остальных рат взял клятву в том, что они безусловно ему покорятся. Прекрасное здание цеха было скрыто до основания — чтобы другим неповадно было.

Вскоре после этих событий возникла в Кельне новая склока — между родами, заседавшими в рате. Во главе одного из родов стоял некто Хильгер. Добившись того, что многие члены враждебного ему рода были удалены из городского совета, а некоторые даже изгнаны из города, он замыслил поступить так же и с другими родами. Желая взволновать население, Хильгер распустил заведомо ложный слух о том, что в ближайшую ночь на город нападет со своим отрядом архиепископ (это были времена, когда архиепископы и в самом деле имели собственные дружины!). Забили в набат, ремесленники отряхнули пыль со своего оружия и собрались в отряды. Но никакого нападения, конечно, не случилось. Тогда Хильгер обратился к дружинам с речью, в которой ловко повернул дело так, будто беда угрожает со стороны враждебных ему родов, и распалил людей так, что они бросились в поисках врагов рыскать по улицам. Жестоко поплатились бы несчастные, если бы заблаговременно не спрятались от готовой на всякие неистовства толпы.

Цель Хильгера, во всяком случае, была достигнута, так как его недруги помышляли теперь только о собственном спасении. Освободившись от соперников, он выхлопотал себе место уголовного судьи, пообещав за это ввести в городе новую подать и половину ее посылать в казну императора Венцеля³². Но тут вскрылись неблагоприятные дела его дяди и ближайшего помощника, бывшего одним из бургомистров, и дошло до того, что дядя-бургомистр был лишен должности и отправлен в изгнание, а его имя занесено в особую «клятвенную книгу». Таким образом, деяния дяди Хильгера были, казалось бы, запечатлены в веках. Вслед за ним и сам Хильгер был вынужден отказаться от должности уголовного судьи. Но он и не думал славаться. Его дом сделался местом, где собирались все недовольные новым городским советом; так составилась заговор против городских властей. Горожане чуяли приближающуюся смуту и во всем, что творилось вокруг, даже в погодных явлениях, видели

дурные предзнаменования. «Тогда, — говорит городская хроника, — случилось в Кельне большое землетрясение; дома колебались; горшки, поставленные на полках, ударялись об стену. Спустя восемь дней выпали огромные градины величиной с куриное яйцо, они убивали птиц на лету, ломали деревья и уничтожили посевы так, как будто бы кто-нибудь снял их серпом».

Сторонники Хильгера ворвались в ратушу и выдвинули ратманам свои требования. Прежде всего Хильгер хотел, чтобы его дядя был возвращен к власти, а запись, занесенная в «клятвенную книгу», была уничтожена. Ратманы отказались сделать это; тогда перед ними положили раскрытую книгу и морили их без еды и питья, пока наконец они не согласились замазать злополучную запись. Изгнанник после этого как ни в чем не бывало вернулся в город. Но этого Хильгеру было мало — его целью было свергнуть рат и полностью захватить власть в городе. При этом он опирался на некоторые цехи, которые надеялись извлечь из его правления выгоду; вооруженные ремесленники даже составляли его личную охрану. Но в решающую минуту рат сумел привлечь цехи на свою сторону, сыграв все на той же истории с «клятвенной книгой»: ведь там были записаны вольности и права цехов — если своевольно можно стереть одну запись, то почему бы, резонно задал вопрос рат, нельзя стереть и другую?

Но, отойдя от Хильгера, цехи решили не складывать оружия и предъявили рату требования, сводившиеся к расширению их прав. Рат, готовый пообещать все, что угодно, лишь бы его не смели, согласился на их условия; когда же, несколько укрепившись, он не обнаружил никакого желания исполнять обещанное, цехи опять взялись за оружие и в конце концов добились того, что роды были побеждены и большую часть мест в новом рате заняли представители цехов.

Самобичевальщики-флагелланты

Кроме страшных эпидемий, уносивших в Средние века бесчисленное количество жертв, немало страдало население тогдашних городов и деревень от своеобразных вспышек ре-

лигиозного экстаза. Причинами крайнего религиозного воодушевления, выразившегося подчас весьма диким образом, обычно были какие-либо суеверные представления. Стоило только распространиться молве о скорой кончине мира, о приближающемся Страшном суде или о пришествии эпохи, когда станет царствовать Дух Святой, обновятся Церкви и человечество и дух одержит победу над плотью, как из глубины народных масс начинали раздаваться покаянные молитвы и удары бичей. Массовые самобичевания практиковались как знак всеобщего покаяния. То же самое происходило, когда разносилась молва о приближении какой-нибудь страшной болезни, от которой нет спасения, — например, «черной смерти».

В экстазе, переходившем в безумие, флагелланты³³ собирались в толпы в несколько сот человек с нашитыми красными крестами на одежде, со знаменами переходили из города в город, из села в село, посещали церкви, монастыри и кладбища. Они составляли особые братства, с особым предводителем во главе, выбираемым всегда из среды светских лиц. Кто желал вступить в их общество, должен был предварительно исповедаться во всех своих грехах, дать клятву в беспрекословном повиновении вождю, отказаться от всяких житейских удобств и выгод, питаться подаванием. При входе в герберг* и при выходе из него флагеллант должен был прочитать по пять раз «Богородицу» и «Отче наш». Каждое утро он обязывался читать те же молитвы по шестнадцать раз и сверх того — пять раз перед завтраком, пять раз после него и пять раз ночью. Поднявшись с постели, флагеллант должен был мыть руки, стоя на коленях; за столом ему запрещалось произносить хотя бы слово. Божба возбранялась. Возбранялась также и военная служба. В положенные дни флагеллант подвергал себя бичеванию. Ложась в постель, он клал с собой в постель бич, чтобы всегда иметь его под рукой.

Представьте себе подобное братство на дороге к какому-либо городу. Оно торжественно направляется к нему в особо установленном порядке, который составлялся по образцу церковных процессий. Впереди несут зажженные свечи, кресты, шелковые или бархатные хоругви, с вышитыми изо-

* Постоялый двор.

Флагеллнты. Со старинной гравюры

бражениями крестов. На их плащах с капюшонами, на груди и на спине нашиты красные кресты, сбоку у каждого свешиваются бичи с тремя узлами и иглами. На шляпах — также кресты. Когда процессия подходит к воротам, запевалы начинают петь духовные гимны. Толпа подхватывает, и скоро громкое пенье разносится по городским улицам.

При входе флагеллнтов в город на всех церковных башнях начинали звонить в колокола. Первым долгом они отправлялись в церковь, становились здесь на колени и пели: «Иисус подкреплял Свои силы желчью; падем перед крестом Его»³⁴. Потом они кидались на пол с распростертыми руками, изображая собою крест, и оставались в этом положении, пока запевала не обратился к ним со словами: «Теперь поднимите ваши руки, чтобы Бог отвратил великую смертность!» Хор три раза повторял этот возглас. После этого горожане, находившиеся в церкви, разбирали их по домам, и некоторые приглашали к себе до двадцати человек.

Позже, в назначенный час, флагеллнты выходили на городскую площадь или на кладбище и здесь публично исповедовались в своих грехах. Совершалась эта исповедь особенным способом. Они снимали с себя верхнюю одежду, подвязывали себе длинные передники, ниспадающие до са-

мой обуви, затем ложились на землю, образуя собою большой круг. Ложились они в разных условных позах, из которых каждая выражала собой тот или другой грех. Можно было, таким образом, по положению каждого видеть, в каком грехе он каялся. Предводитель их обходил круг, шагая через каждого кающегося, касался его бичом и приглашал встать и впредь остерегаться греха. Каждый, через которого переходил предводитель, вставал и следовал за ним. Когда последний из них поднимался с земли, все они становились в круг. Певцы затягивали духовную песнь, и братья, отделяясь поодиночке от хороводного кольца, обходили его и ожесточенно бичевали себя по спине, на которой выступала кровь. Моментами эта однообразная церемония прерывалась коленопреклонением и падением на землю с распростертыми руками, а оканчивалась одеванием верхнего платья.

Само собой разумеется, что площадь была запружена зрителями. Обыкновенно кто-нибудь из них начинал собирать подаяния в пользу бичующихся. Между тем зрелище продолжалось. Один из флагеллантов поднимался на возвышение и читал копию с длинного письма, написанного, по его словам, самим Христом на мраморной доске, которую принес с неба ангел и положил ее на алтарь Св. Петра в Иерусалиме. В письме этом объявлялось всем верующим, что бедствие, ими испытываемое, есть наказание Божие за грехи, неправду и безверие. Христос, говорилось в нем, хотел уже совершенно уничтожить всех христиан за то, что они не соблюдают ни Воскресенья, ни Пятницы, между тем как даже иудеи строго чтут свою Субботу. Только по просьбе Пресвятой Девы Марии и ангелов согласился Он отсрочить наказание... Кто исполняет заповеди Божьи, чувствует Его праздники и удерживается от греха, тому воздаст Христос вечною любовью. Кто не уверует в это письмо или скроет его, того постигнет Божья кара; а кто уверует, и перепишет его, и станет распространять среди других, на дом того человека снизойдет Господнее благословение. Чтению этого письма народ внимал в благоговейном молчании и верил всему...

Когда флагелланты выходили из города с зажженными свечами, при колокольном звоне всех церквей, в таком же точно порядке, в каком входили в него, многих из горожан увлекали

они за собой. Торжественно разносилось по улицам пение их: «Господь, Отец наш, Иисус Христос! Ты один только, Господь наш, только Ты можешь прощать нам грехи наши! Отсрочи еще час нашей кончины, продли нашу жизнь, чтобы мы могли оплакивать Твою смерть!» Неудержимо, поддавшись их заразительному экстазу, рвались за ними юноши. Матери не могли удержать дочерей своих. Босые, полуодетые, без денег, без хлеба, молодые люди убежали из родимого гнезда...

Дикое исступление флагеллантов, их неотразимое влияние тоже были своего рода эпидемией. И немало жертв уносила она, выманивая их из-под уютного бюргерского крова, из светлой девичьей горницы, забирая от плуга, с пастбища и даже из-под церковных сводов — служителей церкви. Многие уходили, но возвращались назад немногие, да и те — истерзанные, измученные...

Городские увеселения

Душно было горожанину в узких улицах города. Те небольшие сады, которые разводились при частных домах, были весьма бедны, так как не было главных условий для их преуспеяния — простора и света. Недостаток места не позволял разбить сад в черте города, и потому сады разводились за городскими стенами. Стоило выкроить свободный день, наступить празднику, как горожанин спешил в загородный сад. И как же трепетало сердце его, когда наступала весна, когда солнышко сильнее пригревало, когда раздавался первый крик аиста, расцветала первая фиалка и небеса как будто улыбались. Великий германский поэт Гете описывает, как Фауст любуется с возвышения на долину, переполненную разряженными горожанами, справляющими здесь, под открытым небом, светлый праздник и совпавшее с ним начало весны. Фауст говорит своему товарищу:

Взгляни-ка отсюда на город, в долину;
Смотри, как из темных глубоких ворот
В нарядных костюмах выходит народ.
Как рад он! А радости знаешь причину?

Все празднуют день Воскресенья Господня;
 Они ведь и сами воскресли сегодня:
 Из душных покоев, из низких домов,
 Из улиц, гнетущих своей теснотою,
 Из горниц рабочих, от ткацких станков
 Из храмов с таинственной их полутьмою
 На свет, на раздолье явились они!
 Сегодня *их* праздник! С какой быстротою
 Толпа разбрелась по долине! Взгляни,
 Как весело движутся эти ладьи...
 А вон — переполнен живую толпою
 Последний отчалил челнок. Вдалеке
 На горных тропинках, чуть видных отсюда,
 Пестреют их платья; сюда по реке
 Доносится шум деревенского люда.
 И старый, и малый — довольны одним,
 Здесь я *человек*, здесь *могу* я быть им.

Праздник весны сопровождался особым обрядом. Горожане несли с собою в поле соломенное чучело, изображавшее зиму или смерть, и здесь или топили его, или бросали в костер. Вся эта церемония сопровождалась весенними песнями. Вот точный перевод одной из них:

Весна, весна пришла!
 Пойдемте в сад и в поле
 Весну встречать на воле;
 За этими кустами
 Разбудим лето сами!
 Мы зиму полонили,
 Шестом ее прибили...
 Эй, палки поднимай,
 Глаза ей выбивай!

Во Франкфурте знатная молодежь из знатных семей проводила зиму по-своему. Дело происходило в самом городе. Нарядившись в белые купальные костюмы, юноши носили по городским улицам одного из своих товарищей на носилках, покрытых соломой. Товарищ должен был изображать скончавшуюся зиму, а все остальные представляли похоронную

процессию. Обойдя город, они заканчивали свое празднество в каком-либо погребе за кружками с вином, пели и плясали.

Особенно чествовали везде первое число мая. Во многих городах этот древний народный праздник справлялся с особенными церемониями. В этот день буквально наступало царство цветов. Цветы и зелень были всюду: и в церквях, и в домах, и на одеждах. Молодежь выбирала из своей среды распорядителя майского праздника, так называемого «майского графа или короля». Майский граф выбирал себе из девушек «май-ну». В лесу рубили деревцо, привозили его на место потехи, устанавливали там, и вокруг этого «майского дерева» царило бесконечное веселье, в котором принимали участие и стар, и млад. Или же избранный майским графом в сопровождении своей тут же составившейся свиты выезжал из города, чтобы нарубить в лесу целый воз березок. Когда воз выезжал из лесу, на него нападала и завладевала им толпа горожан. Это должно было означать, что лето завоевано, что оно в их власти. Тут же березовые ветки расхватывались, как какая-то драгоценность. Обыкновенно майский праздник сопровождался стрельбой в цель. Призами, которые раздавались самым ловким стрелкам, были предметы из серебра — чаще всего ложки.

Чрезвычайно интересно праздновался Иванов день — древнейший праздник во славу солнца. В это время — по древним верованиям — благословение проносится над каждой нивой и чудодейственные силы изливаются во всей своей полноте. Ночь перед этим днем горожанин проводил за городом. Когда наступали сумерки, на возвышенных местах разводились костры — «Ивановы огни», а на высоких берегах реки зажигались деревянные обручи и скатывались вниз, к воде. Оставшиеся в эту ночь в городе также веселились. На городских площадях зажигали костры, через них перескакивали, вокруг них танцевали. Был еще обычай кидать в огонь разные травы и при этом приговаривать, чтобы подобно сгораемой траве сгорело и всякое горе. Перед Ивановым днем появлялись на рынке пробуравленные со всех сторон глиняные горшки, которые быстро раскупались девушками-горожанками. Наполнив их высушенными лепестками роз, девушки вешали горшки где-нибудь повыше, над балконом, под кровлей. Наступал наконец ожидаемый вечер, и они зажигали их, как фонари.

Знаменитый итальянский поэт Петрарка описывает подобное празднество, бывшее в Кельне. Когда, говорит он, наступили сумерки, из узких городских улиц потянулись к Рейну толпы женщин. Они были одеты в праздничные платья, украшены в изобилии благоухающими травами и цветами. Они двигались, бормоча какие-то странные, непонятные слова. Двигающаяся вереница спустилась к самой реке, и каждая из участниц процессии умыла себе руки речной водой. Петрарка не смог правильно истолковать этот обычай. Между тем символическое значение его очевидно. Женщины как бы смывали прочь всякие бедствия, заставляя реку уносить их вместе с водой подальше от города, от их семейных очагов.

Из зимних праздников самым веселым было Рождество. Горожане наряжались, одаривали детей, устраивали процессии. Нарядившись чертями, веселые толпы бродили по улицам, причем каждой полагалось иметь своего предводителя, чтобы в случае какого-либо происшествия было кому держать ответ. Один городской совет брал с таких предводителей денежный залог, который пропадал в том случае, если толпа совершала какие-либо бесчинства, входила в церкви или на кладбище, что делать запрещалось. В иных, впрочем, городах маскарады запрещались под угрозой строгого взыскания.

Любимейшим развлечением в Средние века были танцы, хотя долгое время на них смотрели благосклонно как духовные лица, так и светские власти. Позже городские правители стали даже давать разрешение на устройство особых танцевальных помещений. Иногда танцы устраивались даже в городской ратуше, впрочем, не во всех городах. Все танцы могут быть сведены к двум видам: один включал прыжки и отличался, так сказать, удалью; другой — состоял из движений спокойных и сводился к медленному и плавному круговращению. Собственно танцем назывался второй вид. Танцевали под музыку, но иногда и без нее, под какую-либо песню, причем могли петь все присутствующие хором. Постепенно распространился обычай соединять танцы с играми. Если танцы происходили на воздухе летом, по окончании их часто играли в мяч. Отсюда некоторые исследователи производят слово «бал» (*der Ball* (*нем.*), *la balle* (*фр.*) — мяч).

Из игр в Средние века были известны кегли, шахматы, шашки, кости и карты. Последние разрисовывались и раскрашивались от руки по установленному образцу и составляли видный предмет ремесленного искусства. Во многих городах игра в карты запрещалась. Это происходило от того, что карты служили только для азартных игр.

Были знакомы населению средневековых немецких городов и более высокие развлечения: они слушали песни мейстерзингеров и смотрели мистерии. Из княжеских дворцов и рыцарских замков поэзия постепенно перешла в города. Но здесь она изменила свой характер, превратилась в особую науку. Пение изучалось методически, по известным правилам. Подобно людям, занимающимся одним ремеслом, поэты-горожане составляли целые общества, подобные цехам. В XIV веке им были дарованы императором Карлом IV³⁵ известные права, после этого они стали быстро размножаться. Образцом для всех подобных обществ послужили певческие цехи Майнца, Франкфурта, Страсбурга, Нюрнберга, Регенсбурга, Аугсбурга и Ульма. Коегде певческая специальность была как бы дополнением к основной. В одном городе певческое общество составлялось из представителей от разных цехов, в другом было несколько обществ, объединявших ремесленников одного цеха.

Поэзия этих людей сводилась, в сущности, к стихосложению; ее эстетическое значение не велико. Но все же песни мейстерзингеров имели огромное влияние на городское население, просвещали, облагораживали его, они отрывали человека от житейских попечений и давали некоторую пищу душе. Песни мейстерзингеров составлялись только по известным образцам, которые были занесены в особую книгу правил стихосложения, известных под названием «табулатуры». «В этих правилах, — говорит один немецкий автор, — размеры стихов назывались зданиями, мелодии тонами или напевами, причем попадают странные вычурности... Были синий и красный тон, желто-фиолетовый мотив, полосатый шафранный мотив, желтый мотив львиной кожи, короткий обезьяний мотив, жирный барсучий мотив». Ошибки против того или иного правила табулатуры назывались у них также весьма странно: слепое мнение, липкий слог, подставка, клещ, лжецветы... Тот из певцов, который еще не усвоил

табулатуры, назывался учеником; кто знал ее — другом школы; кто умел петь несколько тонов — певцом; кто сочинял песни по чужим тонам — поэтом; кто изобретал новый тон — мастером. Поступавший в общество мейстерзингеров давал обет оставаться верным искусству, соблюдать честь общества, поступать всегда мирно, не осквернять песню пением на улице. Кроме того, он вносил определенную сумму денег и ставил две меры вина для угощения своих собратьев по ремеслу.

На еженедельных собраниях и сходках мейстерзингеров, когда собирались они в винных погребах, разрешалось петь светские песни. Но во время торжественных собраний, в так называемых «праздничных школах», происходивших в церквях раза три в год, мейстерзингеры пели исключительно духовные песни, сюжеты которых уходили корнями в Библию или священные предания. Очистившись от пыли и грязи мастерской, стихотворцы-ремесленники являлись сюда в праздничных одеждах. Слушателями их были почтенные бюргеры, мужчины и женщины. Один пел о небесном Иерусалиме, другой — о сотворении мира, третий описывал Господа Бога, восседающего на небесном престоле. Пели также «о борьбе с турками, врагами христианства», иногда обличали в песнях пороки современников. Во время пения специальный оценщик (некто вроде современного критика) и его помощники внимательно следили за певцом, отмечали достоинства и недостатки, а потом высказывали свои суждения. Если певец признавался достойным награды, он получал венок из золотой или серебряной проволоки; победителю певческого соревнования доставалась бляха с изображением царя Давида, которая прикреплялась к золотой цепи, надеваемой на шею. Самые лучшие песни записывались в особую книгу, хранившуюся у ключаря.

После торжественного собрания мейстерзингеры отправлялись обыкновенно в какую-либо корчму. Вот что рассказывает один из участников таких застолий в первой четверти XVI века: «В корчме пили вино, которое одни, как, например, мейстер Кортнер (певший неудачно о сотворении мира), ставили в вид штрафа, а другие, как мейстер Бегайм³⁶, — в знак чести, потому что Бегайм получил награду в первый раз. Мейстерзингеры в числе шестнадцати человек вышли из церкви попарно и направились к корчме. Бегайм с венком на

голове открывал шествие. Он обязан был наблюдать за порядком, а все остальные должны были повиноваться ему все равно как одному из старшин. Эти разряженные посетители представляли странную противоположность с корчмой, ветхой и закопченной внутри и снаружи. В длинной комнате стояли простые столы и скамьи, подобные тем, какие бывают в деревенских садах. Но веселое расположение духа да стакан доброго вина скрывали различные недостатки. Бегайм сидел на почетном месте... Я сидел возле Ганса Сакса³⁷. Тесным соседями, я пододвинулся к нему вплотную и тут только сумел рассмотреть его праздничный наряд. На нем была куртка цвета морской волны с многочисленными прорезями на груди; через прорези проглядывала рубашка, воротник которой, со многими складками, охватывал шею кругом. Рукава были из черного атласа и пышно располагались вокруг руки, благодаря пластиночкам из китового уса; подобно куртке, были прорезаны и рукава, из-под которых поэтому видна была подкладка. Посреди стола стоял бочонок. Один из мастеров был обязан цедить из него вино».

Кроме песен мейстерзингеров потребности горожан в духовной пище удовлетворяли мистерии — так назывались театральные представления на сюжеты, заимствованные из Священного Писания. Сначала они составляли часть церковных служб и разыгрывались в церквях, а потом перешли на городские площади. Актерами в первое время также были духовные лица, но позже мистерии целиком перешли в ведение странствующих актеров. На площади устраивалась дощатая сцена, открытая со всех сторон и защищенная от непогоды лишь кровлей. Воображению зрителей предоставлялся полный простор, поскольку обстановка сцены была незатейлива. Если требовалось изобразить холм или гору, ставили бочку, а зрители уже сами должны были догадаться, что это такое. Костюмы актеров были обыкновенные, то есть современные не изображаемому событию, а зрителям. Только лица, представлявшие Бога Отца, ангелов и апостолов, одевались в священные одежды, а Христос изображался в виде епископа.

Спектакль начинался с того, что действующие лица выходили на сцену и занимали места при звуках музыки. Затем зрителей призывали не мешать представлению, и начинался

пролог, в котором все присутствующие приглашались помолиться. Иногда зрители принимали участие и в эпилоге, особенно если представление заканчивалось хоровым пением. Например, одна мистерия, изображавшая жизнь Христа Спасителя до самого Вознесения, заканчивалась эпилогом, представлявшим триумф Христовой Церкви. На сцену выходили два действующих лица, под которыми истолкователь, всегда находившийся при сцене, просил разуть Церковь и Синагогу. Первая была окружена христианами, вторая — евреями. Между Церковью и Синагогой начиналось прение о вере. Тут же на сцене стоял и св. Августин³⁸, к которому евреи, убежденные речами Церкви в превосходстве христианской веры, подходили с просьбой, чтобы он крестил их. Желание их немедленно приводилось в исполнение. При виде этого Синагога затягивала жалобную песню, и венец падал с головы ее. Церковь отвечала ей гимном торжества, а св. Августин приглашал всех зрителей присоединить к этому пению и свои голоса. Получался грандиозный финал.

В одной из пасхальных мистерий изображается Мария Магдалина до обращения ко Христу и после обращения. Сперва она воспеваает мирские удовольствия и объявляет, что признает лишь одну заботу — заботу о своем теле. «Наслаждения мирские, — поет она, — сладки и приятны; обращение с миром усладительно и прекрасно; я хочу сгорать от постоянного желания мирских у тех, веселья мирского избегать не желаю. Я готова положить свою жизнь за мирскую радость; не заботясь ни о чем другом, я стану заботиться только о своем теле, его я разукрашу различными красками». Магдалина отправляется к купцу, покупает себе духи и снадобья, придающие свежесть лицу. Затем она возвращается домой, засыпает, и ей во сне является ангел, который объявляет, что в доме Симона находится Иисус Назорей, который отпускает народу грехи. Ангел исчезает, а Магдалина, проснувшись, снова поет песню о мирских прелестях и снова засыпает. Видение повторяется и на этот раз производит в Магдалине полный переворот. Проснувшись, Магдалина начинает сокрушаться о своих грехах: «Увы, прошедшая жизнь полна зол — постыдный поток, губительный источник! Что делать мне, несчастной, исполненной грехов, оскверненной скверной пороков?» Сбросив с се-

бя пышные наряды, она одевается в черное платье и, отправляясь в дом Симона, поет со слезами: «Теперь я иду к врачу, я позорно больная, требующая помощи! Мне остается принести к нему слезные обеты и сердечные сокрушения. Я слышала, что он исцеляет всех грешников». Дальнейшее действие согласно с евангельским повествованием о грешнице*.

Мистерии понемногу теряли свой религиозный характер, мало-помалу приносилось в них светское начало, отражались в них различные современные события. В одной пасхальной мистерии, разыгранной в XV веке в Висмаре, представлен Люцифер. Он сидит в бочке, которая изображает ад. Видя, что все его планы рухнули, так как Христос пострадал и воскрес и дело Искупления совершилось, Люцифер приходит в страшную ярость. Он рассылает подвластных ему демонов во все концы земли, чтобы они соврашали людей с пути истины и таким образом лишали их вечного блаженства. Демоны не надеются на успех и своими сомнениями делятся с повелителем. Тогда Люцифер посылает их всех в Любек, в котором, без всякого сомнения, они найдут обильную жатву. Все объясняется просто: в ту пору, когда эта мистерия была сочинена, Висмар с Любеком враждовал.

Волшебство и тайная философия

Прежде чем говорить о вере в чудесное, сверхъестественное, в колдовство и чары, вере, особенно характеризующей Средние века, необходимо сказать несколько слов о мировоззрении средневекового человека.

Он представлял себе, что Земля расположена в самом центре Вселенной и составляет как бы ее ядро. Ее окружают одна за другою десять сфер, десять колоссальных шаров, помещающихся друг в друге. В семи первых, ближайших к Земле сферах с неодинаковой скоростью вращаются по кругу Солнце, Луна и пять планет. В восьмой сфере расположены прочие светила: одни из них, бестелесные и невесомые, свободно

* Наиболее подробно см. в Евангелии от Луки, VII, 36–50.

носятся в пространстве, другие прикреплены к своду сферы. Девятая сфера — кристаллообразная, десятая — пламенная; в последней царствуют Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой и живут главнейшие святые, остальные распределены, смотря по степени их совершенств, в других небесных сферах. Денно и ночью святые угодники с лучезарными венцами на головах, в белых и радужных одеяниях воспевают Творца и предстательствуют за людей.

Противоположность небесным сферам составляет обиталище сатаны, падших ангелов и отверженных душ — ад, находящийся в центре Земли. Таким образом, по средневековым воззрениям существуют два царства: царство Божие — царство света, и царство сатаны — царство тьмы. Эти царства постоянно враждуют между собою. Все существующее в мире, все происходящее в нем имеет свое начало в каком-либо из них. Как ангелы светлые имеют свой определенный образ: лучезарные, прекрасные, легкокрылые, переносятся они, по повелению Божьему, с одного места на другое, так и посланники сатаны должны иметь свой собственный вид: они надеялись в Средние века теми внешними признаками, которыми обладали когда-то, в греко-римском мире, фавны, сатиры и кентавры, — рогами, козлиными ногами, копытами, шерстью. Как ангелы прекрасны, так посланники сатаны отвратительны. Однако в силу особенных свойств своих они могут принимать на себя любой образ, превращаться в какую угодно форму. Как существовали люди, своей жизнью заслужившие особую милость Божью, так появляются порой люди, которые сближаются с сатаной, входят в особые сношения с ним, заключают с ним особенные договоры. Сатана за это покровительствует им и через них творит в мире зло. Люди же сносятся с нечистой силой из различных соображений: для получения красоты, славы, богатств или таких познаний, которые никому не доступны и могут быть открыты только с помощью «черной магии».

Весьма точно характеризует средневековые воззрения на черную магию легенда о Фаусте, которую использовал Гёте при создании своего великого произведения. Жил-был когда-то, сообщает легенда, «муж великого ума и быстрого соображения, способный и расположенный учиться». Звали его

Фаустом. Он сделался ученым богословом, но богословие не удовлетворило его. «Священное Писание он забросил далеко за дверь или положил под лавку, ибо он имел безрассудную и надменную голову, и его звали всегда созерцателем». Вместо изучения богословских трудов стал он рыться в книгах черной магии. «Он привязал к себе орлиные крылья и хотел исследовать и небо, и землю, все до основания».

Но как узнать все это? И вот он решился обратиться к сатане, вызвать его, а как вызывать дьявола, он вычитал из таинственных книг. Он пошел ночью в густой лес и стал вызывать нечистого духа. Сначала дух не повиновался, но потом стал показываться в различных образах, страшных и ослепительных, наконец принял вид седого монаха. То не был сам сатана, но один из подвластных ему духов, по имени Мефистофель (*Mephostophiles*; отсюда у Гете Мефистофель). Последний, познакомившись с Фаустом, приглашает его на свидание в следующую полночь. На этом свидании Фауст ставит свои условия: он хочет, чтобы исполнялись все его желания, чтобы дьявол всегда сопровождал его и был бы видим только ему одному. Дух тьмы в ответ требует, чтобы Фауст отпал от Бога, возненавидел христианскую веру и, по истечении установленного срока, отдал свою душу сатане. Они ударяют по рукам. «В этот час отпадает от Бога этот нечестивый человек. Отпадение это, — продолжает народная легенда, — есть не что иное, как его высокомерная гордость, отчаяние, смелость и дерзость. С ним было то же, что с великанами, о которых пишут поэты, что они хотели поставить горы на горы и воевать с Богом, или даже то, что случилось со злым ангелом, который восстал против Бога. Кто хочет высоко вознестись, тот падает глубоко вниз». Злой дух не верит слову Фауста и требует расписки. Фауст делает надрез на своем теле, извлекает несколько капель крови и пишет ими требуемую расписку. Но в самый решительный момент он получает предостережение от своей собственной крови. Капелька крови изображает два слова: «Беги, человек!» Но все напрасно, и договор был заключен. Продав свою душу сатане, Фауст приобрел временное благополучие: он становится знаменитым астрологом, прорицателем, предсказателем погоды, и все его желания исполняются.

Нечистая сила деятельно помогала ему в различных обстоятельствах жизни. Раз Фауст занял у одного еврея значительную сумму денег и обещал отдать ему через месяц или деньги, или свою правую ногу. Прошел месяц. Фауст не мог или, лучше сказать, не хотел уплатить долг. Безжалостный еврей отрезал ему ногу. Но скоро отрезанная нога начала разлагаться, тогда еврей бросил ее в реку. Недолго спустя после этого Фауст призвал к себе еврея и, предлагая ему деньги, потребовал свою ногу назад. Еврей объявил с ужасом, что бросил ее в реку. Фауст засмеялся и сказал ему: «Ну, проклятый жид, в таком случае я тебе не заплачу». Не успел еврей выйти из комнаты, как Фауст стоял уже на обеих ногах.

В одном погребе Фауст угощал своих гостей винами всех сортов, пробуравливая перед каждым гостем отверстие в столе, а из отверстия вытекало любое вино, по желанию. В другом погребе Фауст держал с хозяином пари, говоря, что он без всякой помощи может вынести из погреба большую бочку вина. Разумеется, хозяин согласился. Но каково же было его изумление, когда Фауст сел на бочку верхом и вылетел на ней из погреба! Бочка была после этого живо опорожнена Фаустом и его товарищами-студентами.

Но вот настал срок договора с нечистой силой. В полночь поднялась страшная буря, в комнате Фауста послышались вопли и стук. На приятелей Фауста, спавших в соседней комнате, напал такой страх, что они не осмелились войти к Фаусту. Когда рассвело, они все-таки вошли в его комнату и увидели, что стены и столы обрызганы кровью, а Фауста там нет. Потом нашли его труп на дворе, растерзанный, с раздробленной головой; нечистая сила, овладев душою Фауста, вытащила его труп из комнаты и выбросила на двор.

Договор с нечистой силой могли заключать и женщины. Такие женщины назывались ведьмами, и занимались они, как считалось, колдовством. Ведьм тогдашнее общество подозревало всюду: признаком ведьмы были необыкновенная красота и необыкновенное безобразие, выдающаяся глупость и выдающийся ум — во всем могли найти свидетельства сношений с нечистой силой. Я расскажу правдивую историю одной женщины, которую провозгласили ведьмой; она и сама считала себя таковой. Звали эту женщину Абелькэ Блекен.

Она была дочерью крестьянина. Кто видел хоть раз ее розовое личико, тот и во время зимы испытывал светлое весеннее чувство, вспоминая о ней. Все любили ее. Много женихов искали ее руки, но она не хотела выходить замуж. Прошли годы. Родители ее умерли. На оставшиеся после них деньги она купила себе домик, завела хозяйство и жила в свое удовольствие — но одна-одинешенька.

Годы все шли за годами. Все, кто знал Абелькэ умерли, и вокруг нее поселились совсем чужие люди. Голова Абелькэ поседела, стройный стан сгорбился, черты лица исказились; только одни глаза светятся чудным огоньком. Подозрительно смотрели соседи, не знавшие Абелькэ в молодости, на этот чудный огонек. И как-то само собой стали возникать про нее недобрые слухи. Среди них был и такой, будто по ночам в трубу на крыше ее дома залетает огненный дракон. Все стали сторониться Абелькэ и на улице делать вид, что ее не замечают. Тогда она еще больше замкнулась в своем мирке. Некоторое время еще она посещала церковь, но и там люди старались не становиться с нею рядом; перестала она и в церковь ходить. Даже нищие перестали принимать от нее милостыню; при виде Абелькэ они начинали усердно креститься, как будто отбивались от нечистой силы.

Хозяйство Абелькэ расстроилось после того, как град побил ее поле, а гроза сожгла дом. Люди усмотрели в этом Божью кару и стали говорить громко то, о чем раньше только шептались: Абелькэ Блекен — ведьма. Совсем тяжело стало жить бедной женщине, и тогда она решила: «Если поступают со мной, как с ведьмой, хорошо же, я буду ведьмой, стану им вредить и приносить всякое зло». Она задумала обратиться к волшебству, хотя и знала, что подвергает себя смертельной опасности. Но правосудие не дремало: не успела Абелькэ заняться колдовством, как попала в руки судей. И вот она стоит перед ними в оковах. На судейском столе — распятие и Библия. Рядом стоит палач. «Хочешь ли ты, — спросил ее судья, — сознаться открыто, что ты заключила с дьяволом союз, что ты — проклятая ведьма?» — «Нет, не хочу...» — отвечала она. Тогда прибегли к пыткам. Страшная боль и нервное расстройство заставили ее говорить. И она наговорила на себя. Она даже называла по имени нечистого духа, будто бы яв-

Ведьмы. Со старинного рисунка

лявшегося ей. Ответы ее были записаны судьями и сохранились до нашего времени.

Пытки и тюрьма сделали свое дело. А тюрьмы тогда были ужасны. В этих конурах устроены были большие, толстые доски, поднимавшиеся и спускавшиеся на винтах; в досках были прорезаны дыры, в которые продевали руки и ноги заключенных, так что они были совершенно лишены движения. В тюрьмах бывал такой холод, что арестанты иногда отмораживали конечности. В некоторых господствовал постоянный мрак. Проведя какое-то время в такой тюрьме, люди часто искали смерти как избавления от мучений. Облегчение, возможно, испытала и Абелькэ, когда ей прочитали смертный приговор. На городской площади был разложен костер, и несчастную Абелькэ Блекен сожгли — не первую и не последнюю в длинной череде безвинно пострадавших.

В Средние века суеверие правило во всех областях жизни и по-хозяйски вторгалось в науку. Собственно, главных наук было две — астрология и алхимия. Астрологию мы беспокоить не будем, а вот в лабораторию алхимика заглянем. Представим дом где-нибудь в глухом переулке. Толкнем дверь, перешагнем за порог. Перед нами нечто вроде мастерской. В углу — большой очаг, в нем горит огонь, озаряющий причудливую обстановку. Кругом — склянки, разнообразные сосуды, колбы, металлические стержни, большие книги в тяжелых кожаных переплетах с застежками. Среди всего этого находится человек в длинном темном одеянии, с шапочкой на голове. По временам он садится у очага и начинает раздувать мехами убавляющийся огонь. Это и есть алхимик.

Уже много лет производит он свои опыты, отыскивает философский камень, трудится над составлением жизненного эликсира, то есть такого средства, которое сделало бы людей бессмертными или, по крайней мере, значительно продлило бы их жизнь. Алхимики полагали, что всякий металл состоит из двух составляющих — серы и ртути, что несколько металлов, соединенных вместе, могут образовать один металл; из этого вытекало, например, что золото может быть добыто соединением нескольких простых, неблагородных металлов. Главная цель алхимиков сводилась, таким образом, к тому, чтобы отыскать, в каких пропорциях следует смешивать

эти металлы. А для этого необходимо было разложить золото на составные части. В возможность решить эту задачу, найти, как тогда выражались, «философский камень» верили даже лучшие, самые светлые умы. Короли давали алхимикам особые патенты на поиск средства, способного «превращать неблагородные металлы в золото и серебро».

Алхимики отдавались своему делу всеми силами души. Целая жизнь посвящалась ему. Опыт, прерванный смертью алхимика, переходил в руки его сына. Нередки были случаи, когда внук алхимика продолжал дело деда, опираясь в своей работе на добытые им результаты. Алхимики выработали свой собственный таинственный язык. Так, например, «желтый лев» обозначал на этом языке все желтые сернистые соединения, «красный лев» символизировал киноварь и т. п. В том же значении, что и слово «лев», употреблялось слово «дракон». «Черный орел» (или василиск) обозначал все черные сернистые соединения и в особенности черную сернистую ртуть. Таинственная на первый взгляд фраза «черный орел превращается в красного льва», переведенная на обыкновенный язык, обозначает, что черная сернистая ртуть может быть превращена в киноварь. Рядом с условным символическим языком у алхимиков были в большом употреблении символические изображения. Цвета приобретали в их глазах особенное значение. Самым таинственным был желтый цвет. Все растения с желтыми цветами, корнями или соком считались представителями золота и солнца. И здесь нередко под заманчивым названием скрывался самый обыкновенный предмет. Под таинственной «золотой тинктурой» разумелся часто настой желтоцвета или подсолнечника.

Вообще таинственность была необходимым условием существования алхимиков. Они намеренно затуманивали свою речь, свои сочинения, как будто опасаясь, чтобы при ясном изложении, их открытия сделаются достоянием простых смертных. Они как будто стремились затруднить свое искусство даже для тех, кто хотел сделаться его поклонником. «Скрывай эту книгу, — наставляет один алхимик другого, — на груди твоей и не предавай ее в руки невежд, потому что она заключает тайну всех философов...» Таинственности изложения алхимических книг вполне соответствовали и их

заглавия. Вот некоторые из них: «Договор заоблачного пространства с землей», «Недосказанное слово», «Истинное сокровище человеческой жизни».

Алхимики твердо веровали в возможность достижения своей цели и приносили в жертву своему делу и все силы, и здоровье, и самую жизнь. В рассказе о трагической смерти Фауста, любимого героя народной поэзии, несомненно кроется зерно исторической правды. В народной памяти сохранились случаи такой внезапной, загадочной смерти служителей магии. Трудясь над соединениями различных веществ, они легко становились жертвами вызываемых ими самими взрывов. Не умея объяснить этих вполне естественных явлений, народ приписывал их дьяволу и заставлял последнего играть деятельную роль в жизни и смерти алхимиков: так преломлялась действительность в народном воображении; так создавались народные сказания.

Алхимики, витая среди неосуществимых грез, делали попутно весьма важные для науки открытия. Луллий³⁹, о котором сложены многие легенды, открыл, например, азотную кислоту. Было, впрочем, среди алхимиков немало шарлатанов, которые продавали свои мнимые эликсиры за баснословные деньги. Встречались и такие, которые переставали верить в свою науку. Один из них, великий ученый Средневековья Агриппа фон Неттесгейм⁴⁰, долго и усердно трудившийся над «тайной философией», как называлась иначе алхимия, объявил наконец в одном из своих сочинений, что вся эта тайная философия есть прах и ветер.

Средневековая деревня и ее обитатели

На развалинах Рима

Один из древнейших христианских писателей Лактанций⁴¹, ссылаясь на писателя языческого, рассказывает следующую поэтическую легенду о царе Тарквинии* и навестившей его Кумской прорицательнице. Явившись к римскому царю, Кумская сивилла предложила ему купить за 300 золотых монет девять книг, в которых была начертана вся будущая судьба Рима. Тарквиний не пожелал дать требуемой суммы и начал торговаться с прорицательницей, которая тут же три книги бросила в огонь. После этого она предложила царю купить оставшиеся шесть книг за те же 300 монет. Тарквиний посмеялся над нею и за оставшиеся в целости книги предложил еще меньшую плату, чем ту, что давал за все девять книг. Сивилла бросила в огонь еще три книги и предложила царю заплатить 300 монет за последние три книги. Пораженный поступками сивиллы, царь вдруг одумался и, опасаясь, что навсегда лишится сам и лишит своих потомков возможности заглянуть в таинственную будущность Рима, приказал уплатить ей требуемую сумму. С тех пор римляне раскрывали эти книги в годы каких-либо общественных бедствий или перед угро-

* Эта легенда одинаково относится древними писателями к обоим Тарквиниям — и Приску, и Гордому. (Луций Тарквиний Приск, Тарквиний Древний — пятый царь Древнего Рима. Правил с 616 по 579 год до н. э.; Луций Тарквиний Гордый — седьмой царь Древнего Рима в 534—509 годах до н. э. — *Прим. ред.*)

зой войны, чтобы прочесть на пророческих страницах совет, указание или предсказание, касающиеся того или другого насущного вопроса.

Эта легенда была записана, когда Рим уже почти достиг пика своего могущества, незадолго до переворота, заменившего Римскую республику империей. В то время естественно возникал у многих вопрос, что сулит Риму судьба, какой период наступит за славным периодом громких побед и блистательных завоеваний? Но вопрос этот оставался без ответа, и даже сивиллины книги помочь римлянам не могли, ибо в тех книгах, что убереглись от огня, никакого ответа на этот счет, видимо, не содержалось. Впрочем, большинству римского населения будущее представлялось в радужном виде.

Но встречались отдельные люди, которые, задумываясь над судьбой своего отечества, испытывали недобрые предчувствия в отношении будущего Рима. К таким личностям принадлежал герой Третьей Пунической войны Сципион Младший⁴². «Говорят, — рассказывает историк Полибий⁴³, — что при виде до основания разрушенного Карфагена Сципион пролил несколько слез, оплакивая участь своих врагов. Долгое время он оставался в задумчивости. Поразмыслив о том, что судьба городов, народов и всех государств так же переменчива, как судьба отдельных людей, что такова была судьба Илиона, города, когда-то процветавшего, что таковы были судьбы ассириян, мидян, персов, бывших некогда столь могущественными, такова, наконец, была судьба македонян, память о славе которых была еще так жива в то время, он продекламировал, или под влиянием невольного волнения, или под влиянием раздумья, следующие стихи из Гомера:

Будет некогда день, и погибнет высокая Троя,
Древний погибнет Приам и народ копыеносца Приама».

На вопрос какой смысл придает он этим словам, Сципион отвечал, что под Троей он подразумевает свое отечество, которому в силу переменчивости судьбы человеческой может предстоять подобный же конец.

И действительно, гибель ждала великое Римское государство. Но таилась она там, откуда Рим ее не ожидал, —

в зарейнских и задунайских странах, населенных варварскими народами германского племени. Римляне то враждовали, то дружили с ними, римский воин нес им огонь и разрушение, римский купец вез туда свои товары. Шла непрерывная борьба: германцы прорывали римские границы, римляне сдерживали их натиск, как крепкие плотины сдерживают напор разошедшихся океанических волн. Но вот океан прорвал плотины, и варварские народности одна за другой разлились по обширной поверхности Западной Римской империи; этому разливу сопутствовали разрушения и пожары. Совершилось то, что смутно представлял себе Сципион и о чем не было сказано в сохранившихся книгах Кумской сивиллы: Западная Римская империя перестала существовать. На ее землях поселились варвары, подчинившие себе и римлян, и те народы, которые когда-то покорились римлянам. Так появился новый этнографический слой на римских землях.

На развалинах Рима возникла новая жизнь, но не сразу установились формы ее; этому установлению предшествовала тяжелая переходная пора. Варвары были частью язычниками, частью христианами. Они были мужественны и выносливы, высоко ценили чистоту нравов, отличались своим гостеприимством и внимательностью к сотрапезникам и гостям, но в то же время были невежественны и суеверны, войну и грабеж предпочитали мирным занятиям и чувствовали природную склонность к безделью. По свидетельству Тацита⁴⁴, пить целый день и целую ночь у германцев не считалось постыдным, а частые пиршества были причинами не только раздоров, но и убийств. Любимейшим времяпрепровождением были или азартная игра в кости, причем проигрывалось не только состояние, но и личная свобода, или охота, доставлявшая материал для пищи и одежды, или воинственные танцы с перепрыгиванием через мечи, воткнутые рукоятками в землю.

Главным средством к жизни у германцев было скотоводство, хотя они занимались и земледелием, причем сеяли исключительно злаки, земель не дорожили, не заботились о ее удобрении, а истощив, покидали ее и обращались к обработке новых участков. Сами участки земли не составляли

частной собственности отдельных лиц, а отводились в общее владение семьи или рода. Они и жили такими отдельными родами. Родственные связи были необыкновенно крепки; даже военные отряды составлялись во время войны из родичей. Воинственная по преимуществу жизнь германцев выдвигала из их среды выдающихся вождей, собиравших вокруг себя более или менее многочисленную дружину, которая была тесно связана с личностью вождя. Некоторые из таких вождей становились наследственными предводителями. Главную же часть каждого германского народа составляло сословие свободных людей, из которого выделялась лишь небольшая группа людей знатных. На землях свободных людей жили рабы и крепостные.

Вот каковы были германцы. Это было племя воинственное, не испорченное благами житейскими, при своей грубости и даже дикости способное проявлять высокие нравственные чувства и только что переходившее от быта патриархального к быту политическому. Перед ними, детьми природы, жизнь лежала впереди.

Утвердившись на развалинах Рима, варвары, по удачному выражению одного русского историка, зажили обломками римского быта. Они застали здесь известную администрацию, финансовую систему, известные понятия и идеи, им чуждые, известный строй жизни. Можно сказать, что в каком-то смысле побежденный ими Рим посмертно одержал над ними победу: они подпали влиянию римского быта. Но и варвары, в свою очередь, влияли на этот быт, они принесли на римскую почву свои собственные учреждения, свои обычаи, свои понятия; именно из взаимодействия начал римских и германских возникли новые условия жизни. Могущественное воздействие оказывала при этом на варваров христианская церковь, выстоявшая при всеобщем разрушении и получившая особенную силу благодаря большей впечатлительности и непосредственности пришельцев.

Варвары начали с того, что поделили римские виллы и принадлежащие им земли. Каждый из завоевателей получил свою часть — аллод; здесь он уселся со своими домочадцами, устроил свое хозяйство и при помощи как приведенных с собою, так и живших здесь до завоевания рабов стал обраба-

тывать землю или заниматься скотоводством. Нередко воинственный и грубый германец поселялся в роскошном дворце римского сенатора, заключавшем в себе и летние, и зимние покои, и роскошные ваннные комнаты, и великолепные галереи, украшенные яркими фресками, мраморными статуями и мозаикой.

Но не следует думать, что варвары отняли все земли у римских собственников; чаще всего, вероятно, они принуждали крупных собственников только делиться с ними. За свои земельные участки, полученные по жребью, землевладельцы-варвары не несли никаких податей, никаких повинностей. Подати были обязаны нести побежденные, и только одно обязательство связывало завоевателя: он должен был по призыву своего короля браться за оружие и становиться в ряды его дружины, но это совершенно естественно вытекало из самого положения вещей, так как завоеватели должны были стоять на страже своих интересов и беречь свои завоевания от всяких посягательств, которые могли исходить и от покоренных жителей данной страны, и от других германских народов, зарившихся на чужое добро.

Самые меньшие земельные участки получили, конечно, простые люди, большие по размеру — вожди дружин, монастыри и высшее духовенство, а самые обширные земли сделались достоянием королей. Последние присвоили себе все, что принадлежало раньше императорской казне. Владельцы аллодов могли распоряжаться ими по своему усмотрению — передавать по наследству, делить и т. д. Население таких участков, как бывшее, так и вновь приведенное сюда новым землевладельцем, попадало в полную зависимость от него: он был его господином. Обширные королевские земли (домены) постоянно увеличивались, как вследствие часто производившихся конфискаций, так и новых завоеваний; наконец, все выморочные владения переходили в королевские руки.

Со временем короли стали нуждаться в том, чтобы их подданные несли военную, придворную и иного рода службы. Вместо денежного жалованья, по недостатку денег, они платили своим подданным за их службу земельными участками, поместьями — так называемыми бенефициями. Но эти по-

местья не поступали в полную собственность того или иного лица, как не становились полной собственностью и древнерусские поместья, раздававшиеся служилым людям в виде жалованья за их службу. Король даровал лишь право пользоваться доходами с поместья, а сама земля продолжала считаться его собственностью и по прошествии определенного времени возвращалась к нему. Получающий такую землю становился по отношению к королю в особые условия и приносил ему особенную клятву в верности, непохожую на обыкновенную присягу на подданство, приносившуюся свободными людьми. Клятва эта носила характер контракта, личного договора, и сохраняла силу, пока выполнялись условия этого договора: договор этот имел не государственный, а частный характер. Если умирал король, даровавший землю, договор этот должен был подтверждаться его преемником. Если умирал владелец бенефиция, король мог передать бенефиций сыну или внуку умершего, но мог и не делать этого. Лицо, получившее бенефиций, обязывалось нести известную службу, как обязывается нести ее ныне служащий, получающий от казны жалованье. Таким образом, владелец бенефиция уже терял в известной степени право располагать собой по своему усмотрению и становился лицом зависимым.

Наиболее крупными бенефициями были города или целые области. Они доставались в управление знати как германского, так и римского происхождения. Эти люди наряду с высшим духовенством и составили аристократическое сословие в пределах германских государств, основанных на развалинах Рима. Со временем крупным землевладельцам короли стали давать особые привилегии, называвшиеся иммунитетами. В силу этих привилегий они освобождались от повинностей, получали право суда над людьми, живущими на их землях, и право собирания в свою пользу судебных пошлин. Иногда иммунитет распространялся на земли, которые могли быть приобретены привилегированным лицом в будущем.

Особенное положение богатых землевладельцев привлекало к ним людей малоимущих — они нередко отказывались от земельных участков, которыми пользовались на правах пол-

ной собственности, передавали их в руки привилегированного богача и получали обратно уже в качестве бенефиция или лена. При этом они обязывались исполнять разного рода повинности, а взамен получали защиту и покровительство. Такой обычай превращения полной собственности в условную назывался коммендацией.

Богатые землевладельцы часто пользовались своим положением и стремились поставить под свою зависимость людей малоимущих или вообще стоящих ниже их в обществе. В этом отношении прекрасной иллюстрацией к нашим словам может служить рассказ*, который мы находим в летописи Григория Турского⁴⁵: «Жил-был человек благородного происхождения, пресвитер Анастасий; он обладал некоторой поземельной собственностью, на основании грамот славной памяти королевы Кротехильды (Клотильды). Епископ большей частью во время своих визитов к нему умолял его униженно о том, чтобы он отдал ему грамоты вышеназванной королевы и поставил бы свое владение в зависимость от него, епископа. Пресвитер откладывал до другого времени исполнение желания епископа, а последний побуждал его то лестью, то угрозами и погрозились наконец выселить его из города, обесславить его, взвести на него всякие несправедливые обвинения и замучить его голодом, если он не выдаст грамот. Но пресвитер, мужественный духом, отказался выдать грамоты, говоря, что ему лучше потомиться некоторое время от голода, чем оставить в бедности свое потомство. Тогда, по приказанию епископа, он был выдан страже, которая должна была уморить его голодом в том случае, если он не согласится отдать своих грамот. В базилике св. мученика Кассия было старинное, потайное подземелье, в котором находилась большая гробница из паросского мрамора, а в ней лежало тело какого-то престарелого человека. В этой-то гробнице, поверх мертвеца, погребают заживо пресвитера и покрывают его камнем, которым была закрыта прежде гробница. Перед дверью была поставлена стража. Но стражники, уверенные в том, что крышка

* Привожу его целиком в сделанном мною буквальном переводе, чтобы дать читателям образчик средневекового летописания.

задавит пресвитера, разложили костер, так как дело происходило зимою, и уснули под влиянием выпитого ими теплого вина. Пресвитер же, новый Иона, взывал с молитвой к милосердию Божию из своего могильного заключения, как будто из адава чрева. Так как гробница, о чем мы уже сказали, была большая, то он, хотя и не был в состоянии поворачиваться без вреда для себя, мог все же свободно вытягивать в любую сторону свои руки. От костей мертвеца исходил смертельный запах, который не только тревожил обоняние, но, можно сказать, проникал в самые внутренности. Пресвитер не чувствовал его, пока замыкал ноздри одеждой и, насколько мог, сдерживал свое дыханье. Но как только казалось ему, что он задыхается, как только он отстранял немножечко одежду от своего лица, то поглощал губительный запах не только ноздрями, но даже, можно сказать, ушами. Чего же еще больше? Когда над ним, как я уверен в этом, сжалилось Божество, он протянул правую руку к крышке гробницы и нашел засов, который очутился между ним и краем гробницы, благодаря тому, что сдвинутая с места крышка не была надлежащим образом прилажена к гробнице. Двигая понемногу засов, он почувствовал, что камень, с Божьей помощью, сдвигался с места. Лишь только камень был отодвинут на столько, что пресвитер мог высунуть свою голову наружу, он уже свободнее сделал еще большее отверстие, из которого и вылез. Ночные тени, сокрывшие день, не рассеялись еще и в это время. Пресвитер направился к другому выходу из подземелья; этот выход был закрыт крепчайшими засовами и забит гвоздями. Однако доски, составляющие дверь, не были прилажены друг к другу настолько плотно, чтобы между ними нельзя было ничего видеть. Пресвитер склонился к этим щелям и увидел сквозь них проходившего мимо человека. Тихим голосом он зовет его. Тот услышал его и, не медля, сбил топором деревянные колья, которыми сдерживались засовы, и открыл пресвитеру выход. Пресвитер, несмотря на ночную пору, устремился к своему дому и умолял своего освободителя не рассказывать никому о происшедшем. Таким образом, он вошел в свой дом и, найдя хартии, которые даровала ему упомянутая выше королева, понес их к королю Хлотахарю; он рассказал королю о том,

как похоронил его заживо епископ и как он избавился от опасности. Все пришли в ужас и говорили, что никогда ни Нерон, ни Ирод не совершали такого злодеяния, не скрывали в гробницу живого человека. В это время пришел к королю Хлотахарию епископ Каутин, но вскоре удалился в смущении, уличенный пресвитером. Пресвитер же, получив от короля предписание, вступил во владение своим имуществом, которое и оставил своим потомкам». Этот необыкновенно колоритный рассказ знакомит нас не только с приемами, к которым прибегали в то время сильные мира сего, чтобы поставить в полную зависимость от себя людей слабых, но и вообще с тогдашними нравами.

Из всего нами сказанного можно сделать вывод, что после утверждения германцев в пределах Западной Римской империи стал развиваться новый вид землевладения условного (бенефициального или ленного) и что в новых государствах образовалась новая аристократия, стремившаяся, с одной стороны, ко всяким изъятиям и привилегиям, а с другой — к подчинению себе людей низшего состояния. В то же время многие мелкие собственники отказывались от свободного землевладения, чтобы найти себе защиту у людей сильных и богатых. Так постепенно подготавливался материал для той системы, которая господствовала в Средние века и без понимания которой нельзя составить себе верного представления о положении крестьян; система эта называется феодализмом. Ее развитие приостановилось лишь благодаря возникновению могущественной монархии, напоминавшей собою Западную Римскую империю и даже, по убеждению ее творца, бывшей продолжением ее.

Около трех столетий спустя после образования германских королевств в бывших пределах Рима из среды варварских государей выдвинулся Карл Великий⁴⁶, первоначально бывший лишь королем франков. Его королевство поглотило большую часть других германских королевств; соединенные под могучею властью Карла, они образовали обширную монархию. Увлекаемый воспоминаниями о павшем Риме, Карл принял титул римского императора: он сплотил теснее отдельные мелкие части, отдельные народы, ввел однообразный порядок в управлении государством, заботился о развитии суда

и просвещении. Он крепко держал в руках своих верховную власть, уничтожая всех природных правителей на всем пространстве своей империи и поручая власть графам, которые были лишь простыми исполнителями его воли. Он наблюдал за деятельностью графов через посредство особых лиц, которым поручил объезд графств: эти лица не только следили за правильностью действий графов по отношению к местному населению, но и сдерживали в известных границах их стремление к захватам и усилению своей власти. При этом Карл наносил последние удары коренившемуся в Средней Европе язычеству.

Могучая личность Карла и великие подвиги его поразили воображение не только его современников, но и отдаленных потомков. Имя его вплетено в целую сеть поэтических легенд, которые изображают его силу и справедливость. «Песнь о Роланде» заканчивается строфой, в которой Карлу влагается идея о грандиозном походе на Восток — идея, возникшая через два столетия с лишним после смерти Карла.

Сокрылся день; чернеет тьма ночная,
И, утомлен тревогами дневными,
В своем дворце, в покое отдаленном
Сном опочил великий император.
И в самый миг полуночи безмолвной
Предстал пред ним архангел Гавриил.
И подошел к одру посланник Божий,
И, наклонясь главой над изголовьем
И спящего крылами осенив,
Сказал ему: «Проснись, великий Карл!
Тебе ль почить от подвигов тяжелых,
Тебе ль искать покоя от трудов?
Восстань! Сзывай опять свои дружины
Со всех концов империи великой
И на Восток ты рать свою подвигни
И христиан от гибели спаси!
Там в Сирии, в стенах Антиохии,
Поборники святой Христовой веры
Осаждены неверными врагами,
И голодом, и жаждою томятся,
И каждый день, и каждый час и миг

Жестоких мук и смерти ожидают*,
 И день, и ночь в стенаньях молят Бога,
 Чтоб Он тебя на помощь к ним подвигнул.
 Восстань же, Карл, иди на помощь к братьям!
 Они зовут и ждут тебя, иди!»
 И залился слезами император,
 Услышав весть посланника Господня;
 Возвел глаза он к небу и воскликнул:
 «Вся жизнь моя есть тяжкий труд и время!»**

Конечной целью Карла было сплочение всего христианского Запада в одно огромное целое, но достигнуть этой цели ему не удалось. Напротив, после его смерти обнаружили все сдерживавшиеся им стремления к обособлению. Его империя распалась на три крупных части — Францию, Германию и Италию — и несколько мелких. Это разделение объясняется национальными отличиями их обитателей, уже обнаружившимися в то время. Так на развалинах Рима окончательно установилась новая форма общежития, к рассмотрению которой мы теперь и обратимся. При этом мы будем иметь в виду только ту страну, в которой феодальная система и раньше появилась, и раньше достигла своего развития, а именно — Францию***.

Карл Великий лишь задержал развитие феодализма, но не уничтожил его зачатков, стараясь привести их в систему. Преемники его во всех государствах, выделившихся из империи, усиленно раздавали бенефиции и жаловали иммунитеты. Усиленная раздача земель в бенефициальное владение после смерти Карла Великого объясняется смутами и междоусобными войнами. Правители особенно нуждались в войске и раздачей бенефиций увеличивали его, привлекая под свои знамена все новых и новых лиц. Они уступали не толь-

* Здесь изображается один из эпизодов Первого крестового похода, раньше которого таким образом строфа эта и не могла быть написана.

** Перевод Б. Алмазова.

*** В Германии полное развитие феодализма относится к XI—XIII векам, тогда как во Франции оно было историческим фактом в конце X века.

ко право пользования доходами с бенефициев, но и суда над их населением. Владельцы бенефициев были сеньорами, то есть старшими по отношению к населению, живущему в их пределах, а само право их получило название сеньората. Они стремились удержать за собою пожалованные им земли, закрепить за своим потомством и порой не возвращали их королям и сопротивлялись в тех случаях, когда короли прибегали к силе.

Успешно противодействуя королям, ослабившим себя широкой раздачей земель, владельцы бенефициев, или феонов*, захватывали в своих землях те права, которые принадлежали верховной власти: не только собирали в свою пользу подати, но и издавали законы, чеканили монету, создавали свое войско и т. п. Не будучи в состоянии серьезно сопротивляться стремлениям феодалов, слабые короли постепенно уступали им. Короли продолжали носить высокие титулы, пользовались внешними знаками своего достоинства, но власть ускользала из их рук.

Все крупные феодалы, как носящие титулы, так и не носящие, соединили в своих руках власть помещиков с властью государей. Точно так же поступали и высшие духовные лица. Светские владельцы феодальных земель назывались герцогами, графами, ландграфами, маркизами, баронами. Они стояли в различных отношениях как к королю, так и друг к другу. Одни из них формально были зависимы непосредственно от короля, или, как говорят, были его вассалами, другие подчинялись не самому королю, а какому-либо из его вассалов. По примеру короля крупные землевладельцы выделяли из своих владений участки свободным людям, желавшим поступить к ним на службу. Они так же, как и король, окружали себя целым штатом служащих, игравших роль их телохранителей и даже составлявших основу их войска, с которым они выступали против других им подобных землевладельцев в случае возникновения между ними каких-либо раздоров. При этом между лицами, получавшими бенефиции от крупных зем-

* Слово «феод» встречается в первый раз в хартии Карла III Толстого в 884 году; в том же самом смысле в ней употребляется и слово «бенефиций». См.: Гизо. История цивилизации во Франции.

левладельцев, и самими крупными землевладельцами устанавливались те же отношения, которые существовали между королем и его вассалами. И владельцы бенефициев, полученных от крупных собственников, стремились удержать в своих руках выданные им земли, превратить их в наследственную собственность и успевали в этом.

С течением времени исчезло всякое различие между аллодами и бенефициальными владениями. Крупные землевладельцы выдавали бенефиции уже не только из своих аллодов, но и из бенефициев, полученных ими от короля*. Навстречу развитию бенефициальной, или феодальной, системы, шедшему сверху, от короля и высших землевладельцев, шло то же развитие снизу благодаря общему распространению уже упомянутого нами обычая коммендации**. Теперь уже коммендировались не только мелкие землевладельцы крупным, но и крупные — королю; это считалось даже особенной честью. Каждое лицо при таком порядке непременно зависело от другого более сильного лица: свободное, безусловное землевладение окончательно заменилось условным, приносившим с собою определенные обязательства. Вассальные отношения проникли собою все общество, вплелись в общественную жизнь, как цепкое растение. Города потеряли свою самостоятельность: они оказались в зависимости или от светского феодала, или от епископа. По отношению к крестьянам, живущим на его земле, феодал был полновластным господином, верховным повелителем; крестьяне уже не владели землей, а только пользовались ею, вели на ней свое хозяйство, за что платили подати и несли различные натуральные повинности; они сделались крепостными феодала.

При преемниках Карла Великого графы стали стремиться к самостоятельности, они не повиновались распоряжениям короля и даже сопротивлялись им с оружием в руках. Они постепенно превращали в своих вассалов землевладельцев, живущих на земле, ими управляемой, не обращая внимания на

* Такая передача части бенефиция в новые (третьи) руки в качестве бенефиция называлась инфеодацией.

** От средневековых терминов «бенефиций» и «коммендация» произошли современные — «бенефис» и «рекомендация».

то, что некоторые из них могли быть вассалами самого короля. Таким образом, графы сделались полными господами в управляемых ими землях. Для каждого графа король был теперь только сеньором: граф приносил королю такую же присягу, какую самому графу приносили его вассалы. Взамен этого король давал ему инвеституру на графство, то есть возводил его в достоинство графа и утверждал за ним все права, связанные с этим. Граф взамен обязывался клятвой приводить свое войско на призыв короля и являться к нему, по его призыву, для совещаний или для суда. В отношении графа к населению графства король уже не вмешивался. Он мог лишить графа его достоинства только по приговору феодального суда, который составлялся из лиц, равных графу, то есть других графов. В общем, король оставался государем только в своих собственных владениях.

Таким образом, в государствах, основанных германскими народами на почве Западной Римской империи, постепенно возникли более или менее обширные пространства земли, на которые простиралась исключительно власть крупных феодалов. В состав каждого из таких пространств входили: земли самого феодала, бенефиции его вассалов и участки земли, поделенные между крепостными и другими людьми несвободного состояния. На последних лежали различные повинности, оброки и барщина. Если на одном из таких участков селился бы свободный человек, он тем самым терял бы свою свободу. Одна часть населения крупного феодального владения состояла из вассалов владельца, другая — из его подданных, третья — из его рабов, но все они без различия были *его людьми*.

Подобно крупным светским владениям образовались и духовные. Монастыри, архиепископы, епископы, сосредоточив в своих руках огромные владения, пожертвованные в их пользу королями, призывали на эти земли и свободных, и несвободных людей, которым выдавали участки на различных условиях*. Нередко такие участки не влекли за собою необ-

* Из них наиболее обыкновенной формой был *прекарий*: лица, получившие участок, пользовались им в продолжение известного срока или всей жизни и обязывались вносить за это оброк деньгами или натурой.

ходимости платить подати, а только налагали обязательство оказывать монастырю или высшему духовному лицу известные услуги. На монастырских землях селились охотно, так как эти земли пользовались сравнительно большей безопасностью и даже обладали «правом защиты», то есть вполне могли служить убежищами для преследуемых лиц; с другой стороны, эти земли освобождались, благодаря иммунитетам, от различных государственных податей. Лицо, поставившее свою землю под защиту церкви, освобождалось от податей и повинностей, из которых самой тяжелой была военная. Люди, жившие на землях церковных, назывались церковными людьми.

Так возникла целая иерархия землевладельцев, занимавших различное общественное положение, обладавших разнообразными правами. Во главе феодальной иерархии стоял король. Непосредственными его вассалами были герцоги, маркграфы, большая часть графов, некоторые виконты и некоторые простые бароны. Виконты (прежние областные правители) и простые сеньоры были вассалами герцогов, маркграфов и графов. Наконец виконты и простые сеньоры имели своими вассалами мелких собственников.

Что касается низшего земледельческого класса, то его положение менялось в различные эпохи, но ни в одну из них это население не представляло однородной массы. Законодательство Римской империи смотрело на земледельца, как на рабочее орудие, как на вещь. Раб представлял собой живой капитал, но не личность; государство отдавало его в полное распоряжение владельца. Но уже и тогда существовали земледельцы, пользовавшиеся известными правами, несшие военную повинность, платившие подати; их могли продать лишь вместе с землей. Наконец, наряду с полными рабами и людьми, пользовавшимися ограниченной свободой, всегда жили в деревнях и совершенно свободные личности, хотя они и представляли ничтожное меньшинство.

В последний период императорского Рима правительство обратило внимание на положение рабов. Так, император Константин Великий⁴⁷ уравнил по значению убийство раба с убийством свободного человека. Улучшению положения рабов содействовала христианская церковь. Вот в каких пламенных выражениях высказывается в защиту сельского на-

селения самый видный из ее представителей тогдашнего времени св. Иоанн Златоуст⁴⁸: «Сельские жители осуждены на подавляющее бремя, как ослы и мулы... Их тела шадят менее, чем камни, им не дают отдыха. Плодородны поля или нет, их одинаково заваливают работой. Можно ли представить еще большее бедствие, чем то, которое испытывают они, когда в конце зимы, после обременительной работы, изнуренные от холода, от дождя, от ночного бдения, они возвращаются домой с пустыми руками и в довершение всего остаются должниками? Они дрожат перед наказаниями и притеснениями, которые готовят для них надсмотрщиками». Но еще заметнее стало улучшаться положение низшего земледельческого класса в последующее время, в правление Мервингов⁴⁹ и Каролингов⁵⁰, когда стали возникать сельские общины — деревни, населенные людьми, обладающими некоторыми правами. Одни были обязаны своим возникновением какому-либо землевладельцу, вокруг которого группировались лица, владевшие собственностью из его рук. Другие возникали вокруг городов, замков, церквей или монастырей. Особенно обязана была деревня бенедиктинским монахам.

С развитием феодализма положение сельского населения ухудшилось, так как полная незащитность побуждала его принимать самые тяжелые условия, лишь бы сохранить жизнь свою и своего семейства. Хищнические набеги феодалов постоянно грозили его существованию. Но зато тот же феодализм решительно превратил рабов-земледельцев в крепостных, что было шагом к полному освобождению. Он признал за ними право наследственности, наделил их землей под условием несения известных повинностей и создал из них низшую ступень той феодальной иерархии, о которой мы говорили выше. Правда, все это было куплено ценой тяжелых, а нередко и возмутительных повинностей*, но все же и такое

* Например, когда люксейльский аббат приезжал в принадлежавшую ему деревню в Лотарингии, крестьяне должны были ночью бить палками по прудам, чтобы кваканье лягушек не беспокоило аббата, и петь:

Смирно, смирно, лягушенки, смирно!
Да хранит Господь господина аббата!

положение сельского населения имело один весьма важный плюс: крестьяне были наделены землей.

По-прежнему сельское население не составляло однородной массы, и различные группы его владели землей на разных условиях. Сначала условия эти вырабатывались обычаем и хранились преданием, но с конца XI века они стали записываться в особые хартии или грамоты и таким образом получили более определенный характер и более прочное основание.

Рабочий день в деревне

На отлогости зеленеющей лесами горы стоит величественный замок феодала. Резко выделяются на темно-зеленом фоне его зубчатые стены, его главная башня с развевающимся по ветру флагом. На подъемном мосту беседуют несколько оруженосцев; их металлические шлемы ярко блестят под лучами утреннего солнца, обильно проливающимися с голубого, безоблачного неба.

У самого подножия горы приютилась одна из деревень, принадлежащих обитателю замка. Беспорядочно и тесно стоят хижинки и хозяйственные постройки земледельцев с гонтовыми либо соломенными кровлями. Большой частью дома невелики и выглядят неказисто. У каждой семьи — жилище, сарай для хранения сена и житница для зерна; часть жилища отведена для скотины; все это ограждено тшедушным плетнем. Владельцы деревень запрещали их обитателям окапывать подворья рвами или окружать частоколами, как будто для того, чтобы еще более подчеркнуть этим их беспомощность и незащищенность. Но запрещения эти касались только бедняков — зажиточные крестьяне получали некоторые льготы. Вот почему среди жалких хижин тут и там попадаются прочные дома с просторными дворами и крепкими оградами.

Деревья окаймляют деревенскую дорогу. Собираясь в купы, они осеняют своей тенью кладбище рядом с приходской церковью, окруженной оградой из неотесанных камней.

Жилище крестьянина. Со старинной гравюры

Если мы проникнем в одно из жилищ, прежде всего нам бросится в глаза очаг. На его полу стоит железный треножник, на котором пылает огонь, а над огнем висит котел на железной цепи, прикрепленной к большому, железному же крюку. Дым уносится в отверстие, находящееся наверху, но немалая доля его попадает в самую горницу. Тут же рядом — хлебная печь, около которой возится пожилая хозяйка. Стол, скамьи, ларь с сосудами для приготовления сыра, большая постель, на которой спят не только хозяева с детьми, но и случайный Богом посланный гость, забредший под кров крестьянской хижины, — вот все убранство, вся обстановка жилья. Кроме того, у стен стоят корзины, кувшины, корыто, прислонилась лестница, висят рыболовные сети, большие ножницы; у двери приютилась метла. В большинстве случаев пол земляной, выложенный камнем, но в некоторых хижинах можно увидеть и деревянный.

Хлебная печь — предмет, достойный особого внимания; не по внешнему виду, конечно, потому что в этом отношении печь ничего особенного не представляет, но по тому большому и притом исключительному значению, которое она имела в жизни средневекового крестьянина. Дело в том, что крестьянин не всегда мог иметь ее в своем жилище. В числе различных прав землевладельца бывало и такое, в силу которого он запрещал крестьянину печь хлеб у себя дома, а требовал, чтобы хозяйки пекли хлеб в его пекарне и платили за это особую пошлину, которая достигала подчас больших размеров. Точно так же существовало помещичье право, заставлявшее крестьянина молоть свой хлеб на мельнице господина. Кроме того, крестьяне во многих местах обязаны были подковывать своих лошадей на кузнице господина, приобретать солод из его складов, не продавать своего вина в течение известного срока, пока продавалось вино господина.

Обитатели деревни с рассвета на работе — или ушли в свои поля и виноградники, или погнали скот на пастбище, или отравились работать на своего господина.

Теперь они — собственники своих земельных участков. Удержав ленные участки в своих руках, сделав их безвозвратными, наследственными, феодальные землевладельцы признали и за своими крестьянами право передавать землю по наследству. Такое обладание землей, конечно, обеспечивало крестьян, давало хотя нелегко добываемый, но все же верный кусок хлеба. На возникновение класса крестьян-собственников влияла, конечно, не одна феодальная система. Действовали тут и другие причины: разорительное вторжение норманнов и бедствия всякого рода вызвали очень печальное явление — обезлюдение Франции. Оно вынудило землевладельцев переманивать крестьян на свои земли; одной из приманок в этом случае было право передавать получаемые земли по наследству.

Условия, на которых крестьяне наделялись наследственными участками, были весьма разнообразны. Все зависело от частного договора, заключенного между крестьянином и его господином. Но как бы то ни было, крестьянин, можно сказать, теперь сросся с землей, составил как бы одно целое

Печение хлебов.
Со старинной миниатюры

с ней. Если владелец сохранял старое право продавать своих крестьян, то сделать он это мог уже не иначе, как с землей.

Из сказанного нами можно легко понять, почему население феодальной деревни далеко не всегда представляло общество людей, равных друг другу; большей частью в состав его входили люди, находившиеся в различных условиях жизни. Один крестьянин находился в большей зависимости от господина, другой — в меньшей. На низшей ступени крестьянского сословия стояли так называемые сервы — рабы. Они находились в полной зависимости от господина и представляли собой самое бесправное население. Единственное отличие их от античных рабов заключалось в том, что сервы владели небольшими земельными наделами, переходившими от отца к сыну. Выше них стояли крепостные, обязанные платить определенную подать за землю и нести повинности, определенные договором или просто обычаем. На высшей ступени стояли вилланы. Они были уже похожи скорее на арендаторов, чем на крестьян: пользовались личной свободой и даже подлежали суду не ближайшего своего господина, а лица, стоявшего над ним, — его сюзерена.

Различия крестьян между собой настолько были незаметны для постороннего глаза, что все население феодальной деревни называлось долго по имени низшей ступени — сервами. Насколько, следовательно, превышала все эти различия власть над крестьянами феодала. Таким образом, все население средневековой деревни зависело от замка или от монастыря, бывшего также замком своего рода, — без замка невозможно себе и представить европейскую деревню того времени...

Но обратимся к непосредственной жизни деревни. Чувствуется близость полудня. Вернулись с поля стада землевладельца и его крестьян. Выбежали хозяйки, чтобы загнать своих животных; усердно помогают им в этом дети. За стадами возвращаются со своих наделов мужчины: вот идут они в запачканных рубахах, в шапках из шерстяной материи на головах, в грубых толстых башмаках, с земледельческими орудиями, загорелые, бородатые, облитые потом. В костюмах их преобладают темные цвета. Медленно расходятся они по своим хижинам, где к их приходу заготовлена уже еда — дымится на столе суп, а на вторую смену ожидаются овощи да какая-нибудь каша или мучное блюдо. После полдника наступает полное затишье — крестьяне отдыхают.

Вернулись и крестьяне, отбывавшие трудовую повинность на господина. Каждый из крестьян посвящал этому несколько дней в году. Во время этих работ они кормились на свой собственный счет. Кроме отправления известных барщинных повинностей крестьяне обязывались нести различные подати. Так, они платили подушную подать, причем с мужчины взималось в восемь раз больше, чем с женщины, на Рождество с каждого дома платилась так называемая подымная подать; кроме того, бралась подать и с земли. Платили нередко деньгами, а чаще всего натурой, то есть домашними животными, в случае их размножения, и урожаем, иногда в размере половины жатвы. Самой тяжелой была военная повинность, так как она порой надолго отрывала крестьянина от земли.

Кроме обычных повинностей крестьяне несли и чрезвычайные: они должны были складываться, чтобы выкупить из

плена своего господина, а это случалось нередко в те воинственные времена; помогать господину средствами, если он отправлялся к Святым местам; нести на себе часть расходов, вызывавшихся посвящением старшего сына господина в рыцари или выходом старшей его дочери замуж. Во всех этих случаях размеры повинности определялись самим феодалом, что, разумеется, давало полный простор произволу.

В довершение всего следует сказать, что крестьянин мог выручить за скот и урожай весьма немного. Бывали такие случаи, что помещик покупал плоды его трудов сам, назначая при этом цену по своему усмотрению. Бывало и так, что забирались произведения крестьянского труда не за наличную плату, а в долг. Часто крестьянин не имел права продавать свой урожай, пока помещик не продаст свой, дабы не составлять ему конкуренцию. Все это сильно усложняло жизнь крестьянина.

Тяжелое положение крестьянства вызывало сострадание и сочувствие к нему в душах чистых и добродетельных. Сохранились чудесные сказания — опозитизированное отражение действительности, — свидетельствующие об этом. Широко были распространены в Средние века рассказы о Елизавете, ландграфине Тюрингской⁵¹, жившей в XIII веке, к которому приурочивается настоящий очерк. Елизавета находила величайшее утешение в благотворении бедным, жившим на землях ее мужа. Она делилась с ними всем, что только имела, и терпела ради них лишения. Однажды она раздала все деньги, которые имела при себе, но сердце ее болезненно сжалось при виде бедняка, оставшегося без милостыни. Тогда она отдала ему свою дорогую перчатку. Один из сопровождавших ее рыцарей, продолжает сказание, купил у бедняка эту перчатку, прикрепил ее к своему шлему и никогда не расставался с нею. Он стал с той поры необыкновенно удачлив: побеждал противников на всех турнирах, а в Крестовом походе снискал себе громкую славу.

Но святая ландграфиня не довольствовалась раздачей денег; она посещала самые бедные, самые грязные хижины и, как светлый ангел, облегчала тяжелую долю беднейших поселенцев: она их утешала, платила их долги, снабжала их одеждой, крестила детей, хоронила покойников. Она любила творить

милостыню втайне и нередко украдкой спускалась с замковых высот. Раз она спускалась по крутой тропинке в сопровождении одной из своих девушек и несла с собой корзину с хлебом, мясом и яйцами, чтобы разделить их между бедняками. И вдруг перед нею неожиданно предстал ее муж, возвращавшийся с охоты. Он спросил, какую тяжесть несет она, и приоткрыл плащ, покрывавший корзину, которую она крепко прижала к своей груди, не желая, чтобы кто-нибудь еще знал о ее добрых делах. Под плащом, однако, ландграф увидел необыкновенной красоты розы. Это тем более изумило его, что все розы давно уже отцвели. И вдруг над головой Елизаветы появилось сияние в виде креста. Ландграф предоставил ей продолжать свой путь, а сам, пораженный, отправился в замок. Позже на месте встречи с Елизаветой он приказал воздвигнуть колонну, увенчанную изображением креста. Это сказание свидетельствует о том, как высоко ценилась добродетель и в те тяжелые, те смутные времена. Эти легенды потому и могли сложиться, что сама жизнь, хотя и редко, представляла примеры самоотверженной, горячей любви к людям независимо от того, на какой ступеньке общества они стояли...

Однообразно протекал рабочий день в средневековой деревне, как, собственно, однообразно протекает он в деревне любой. Вот пролетели часы полуденного отдыха. Опять потянулись в поле стада, опять отправились крестьяне на полевые работы. Работы эти продолжатся до самого заката, и вернутся домой обитатели деревни уже в сумерках.

Засыпает деревня рано. Но вдруг в стороне замка раздаются крики, слышится шум, топот коней, лай собак. На подъемный мост выбегают замковые слуги, в руках их огни. Это владелец замка возвращается с охоты... Но скоро и в замке воцаряется тишина; последней в ночи звучит труба с высокой башни. По стенам идут дозором оруженосцы — то пропадая в тени, то выступая на свет месяца, высоко поднявшегося в небе и проливающего свой мягкий свет на замок и уснувшую деревню.

Воскресенье в деревне

...Тронулось утро; во тьму и молчанье
 Что-то живое проникло; стало свежее, и звезды
 Начали тускнуть... петух закричал. Воскресенье тихонько
 Подняло занавес спящего солнца, тихонько шепнуло:
 «Солнышко, встань!»... И разом подернулся бледной струей
 Темный восток; началось там движение, и следом за яркой
 Утренней звездочкой, рой облаков прилетел и усыпал
 Небо, и луч за лучом полились, облака зажигая...
 Вдруг между ними, как радостный ангел, солнце явилось.
 Вся деревня проснулась и видит: стоит Воскресенье
 В свежем венке из цветов и, сияя на солнце,
 «Доброе утро!» всем говорит. И торжественно тихий
 Праздник приходит на смену заботливо-трудной неделе...

В. А. Жуковский. Воскресное утро в деревне

Церковный колокол призывает к молитве обитателей деревни. Церковь светла и чиста: за чистотой в ней смотрят сами крестьяне, так как на них лежит исполнение в ней различных обязанностей. Она представляет резкий контраст с хижинной бедняка: в ней много света и воздуха, сюда приходят, наряжаясь в лучшие одежды. Сходятся и съезжаются сюда также обитатели окрестных деревень, не имеющих своих собственных церквей. У церковной ограды останавливаются повозки, в которых приехали богомольцы издалека.

Церковная служба всегда сопровождалась проповедью, которая начиналась латинским текстом; затем следовало обращение к слушателям, потом рассказ, подходящий к данному дню, увещание и заключительное обращение к присутствующим. Вот отрывок из средневековой проповеди: «Возлюбленные! Не гневайтесь, если проповедь будет несколько длинна. Если бы между нами жил чужеземец, прибывший из далекой стороны, и встретил бы здесь знакомого соотечественника своего, то он, конечно, с жадностью и без всякого раздражения выслушал бы то, что ему мог бы рассказать такой человек об его родине и об его друзьях. Вы же здесь все — на чужбине и должны поэтому благоговейно выслушать то, что будет рас-

сказано вам о вашем Отце и Матери-Церкви и ваших согражданах — ангелах и святых».

Иногда вся проповедь заключала в себе простой рассказ, легенду, библейскую историю. Брались примеры даже из языческих писателей. Вот мы читаем в одном сборнике проповедей такие слова: «Так как мы сегодня, возлюбленные, прекратили радостное пение и обратились к печальному (проповедь произносилась в одно из воскресений, предшествующих Великому посту), я хочу вам рассказать вкратце историю из языческой книги, которая научит вас, как вы должны избегать мелодии мирских увеселений, с тем чтобы иметь возможность петь вместе с ангелами сладкогласную мелодию на небе. Кто найдет алмаз даже в грязи, должен поднять его и поместить в королевском уборе; так и нам полезно отыскивать все полезное, что можно найти в языческих книгах, и обращать найденное на созидание Церкви, Христовой невесты». После этих слов проповедник рассказал эпизод об Одиссее и сиренах, под которыми — по его словам — следует разуметь любостяжание, высокомерие и сластолюбие. Они могут погубить людей, как сирены могли погубить спутников Одиссея. Так, высокомерие говорит одному: «Ты молод и благороден, ты должен приобрести себе славу храброго рыцаря, лишь не щади своих врагов, убивай всякого, кого можешь»; оно же говорит другому: «Ты должен совершить путешествие в Иерусалим и раздавать побольше милостыни, тогда тебе будет оказываться почет и сочтут тебя за благочестивого человека»; то же высокомерие говорит монаху: «Ты должен побольше поститься, молиться и громко петь, тогда все прославят тебя, как святого». «Под Одиссеем, — говорит проповедь, — разумеется истинный христианин, который, переплывая на корабле Церкви житейское море, привязывает себя к мачте, то есть ко кресту Христову...» и т. д.

Вообще к аллегории прибегали проповедники очень часто. Так, в другой проповеди рассказывается о том, как один из св. отцов вышел раз погулять и встретил в лесу негра, который рубил дрова, вязал их в вязанки и старался поднять с земли. Одна вязанка была тяжела, но негр связал с ней еще вторую и благодаря этому уже совершенно не мог их нести. Далее св. отец увидел второго человека, который черпал

Зажиточный крестьянин.
Со старинной гравюры

воду кувшином, не имеющим дна, так что зачерпываемая вода вытекала из кувшина. Наконец он заметил двух людей, которые несли перед собою деревянный брус, держа его с разных сторон. Они хотели войти в городские ворота, но так как ни один из них не хотел уступить дороги другому, то оба они остались за городскими воротами. Далее в проповеди следовало объяснение, что негр — это человек, который дополняет одни грехи другими и вместо того, чтобы каяться в старых грехах, делает новые до тех пор, пока не падает под их бременем в полном отчаянии. Под вторым человеком, черпающим воду продырявленным кувшином, следует разуметь того, кто хочет приобрести за-

слуги перед Господом своей милостыней и добрыми делами, но в то же время теряет их из-за новых грехов. Двоим, несущим большой брус, уподобляются те, кто несут на себе тяжкое иго высокомерия, а потому не могут войти в небесный Иерусалим.

Характерно содержание одной средневековой проповеди, произносившейся в день памяти всех святых, то есть 1 ноября: «Мы должны праздновать день во славу и в честь всех святых Божиих в помощь и утешение всем в Бога верующим душам усопших. Они пришли к концу того пути, по которому все мы должны пройти, и мы не можем знать, в каком положении находятся дела их. Мы все должны пойти туда, но никто из них не может вернуться обратно к нам. Что мы представляем теперь собою, и они были тем же когда-то. Что они теперь, тем должны и мы сделаться, тако-

ва воля Господня. Теперь они ожидают ежедневно, и особенно в сегодняшний день, нашей помощи. Если вы думали о душах своих предков не так, как они того заслуживали, сегодня вы должны искупить это упущение вашей милостыней, вашей жертвой, вашей молитвой. Сегодня многие тысячи душ будут освобождены из ада общими молитвами всех христиан; вот почему они в продолжение целого года питают надежду на настоящий день. Они ждут вашей помощи, как пленник ждет освобождения в мрачной темнице. Они простирают к вам из ада руки, как человек, который утопает в пучине. Помогите им своей милостыней. Сегодня заупокойная обедня или «Отче наш» принесет им больше пользы, чем тысячи монет во время их жизни. Если вы будете сегодня верны им и поможете им, они будут ходатайствовать за вас пред Господом в день Страшного суда. Если вы позабудете сегодня о тех, кто оставил вам наследство с тем, чтобы вы вспоминали о душах их, то вы заслужите таким отношением лишь то, что и ваши потомки позабудут о вас... Молите Бога, чтобы Он сегодня, ради Матери Своей, освободил их от страданий и привел в то место, где они могли бы ждать дня Судного в радости и благодати. Поэтому споемте вместе «Восхвалим Сына Божия»».

Церковь в жизни средневекового крестьянина имела огромное и благотворное значение. Под сводами храмов исчезали отличия, существовавшие между обитателями деревни. Здесь обращались к ним, как к людям, имеющим известные права. Здесь поддерживали в их сердцах надежду на светлое будущее. Отсюда выносил крестьянин нравственные наидания, которыми мог пользоваться в своей жизни. Влияние церкви усиливало и то, что посещение ее в воскресные и праздничные дни было обязательным.

Когда кончалась месса, все расходились и разъезжались по домам, где принимались за обед, затем следовал отдых. Вечером все деревенское население высыпало на улицу. Люди рассаживались на скамеечках под развесистыми деревьями и толковали о своих делах, сплетничали (но, конечно, вполголоса) про своих господ. Погода, размер предстоящего урожая, сроки платежей — все это представляло немало материала для серьезных разговоров. Часто разговоры эти

были далеко не радостны. Стороннему наблюдателю из других жизненных слоев жалобный тон крестьянских бесед казался странным. «Кто сотворил крестьян, — говорит по этому поводу один трубадур, — тот сотворил волков; все им не нравится, все наводит на них тоску; крестьяне не любят хорошей погоды, не любят дождя, они не терпят и Самого Господа, если Он не исполняет их желаний. Бог ненавидит крестьян и крестьянок, вот почему Он обременил их всякими тягестями».

Кроме разговоров развлекались игрой в кости, несмотря на то что эта забава время от времени запрещалась, состязались в ловкости и силе. Была в ходу и следующая игра. Двоим завязывали глаза и вооружали их палками. На избранном заранее месте вкапывался в землю столб; к столбу привязывали две веревки, за концы которых брались играющие. По данному знаку они начинали бегать вокруг столба, держась одной рукой за веревку, а другой размахивая палкой, и при этом отчаянно мутузили друг друга, что вызывало в неприхотливых зрителях неопишуемый восторг. Чтобы дело шло еще веселее, иногда между ними заталкивали какое-нибудь неповоротливое животное, и тут уж хохоту собравшихся вовсе не было предела. Развлекались еще таким образом: устраивали из дерева грубое подобие человеческой фигуры и метали в него стрелы. В иных местах игра эта была даже чем-то вроде феодальной повинности: ее нередко устраивали на замковой площади, чтобы позабавить господ. Развлекались петушиными боями, для чего предварительно натирали головы петухов чесноком; чеснок ел глаза, и бойцы с яростью набрасывались друг на друга; кровавая развязка этой забавы также доставляла зрителям огромное удовольствие. Устраивались соревнования по бегу в мешках, которые завязывались у бедер или вокруг шеи. Была в ходу и такая игра. Ставили два ящика: в один насыпали сажу, а в другой муку; состязающиеся должны были карабкаться по особым доскам, которые при малейшей неловкости перевертывались, и люди падали в ящики; случалось так, что один вылезал из ящика весь черный, а другой — весь белый. Две последние забавы также часто происходили в замках, для увеселения господ.

Настоящим праздником для обитателей деревни был приход в замок жонглеров-скоморохов, музыкантов и певцов. По дороге они обычно останавливались в деревне и показывали здесь свое искусство. Особенно часто стали они заглядывать к деревенским жителям после того, как против них ополчились в городах из-за не всегда благопристойных песен. Гонимые, они бродили по дорогам и питались, чем Бог пошлет, не гнушаясь и теми скудными подаяниями, которые выпадали на их долю со стороны крестьян, необыкновенно падких до всяких зрелищ, но — по понятной причине — довольно скупо вознаграждавших за них. Заберется пришлый балагур на импровизированные подмостки и потешает своими рассказами собравшийся люд.

Длинноволосые, в красных кафтанах, с арфой, скрипкой, волынкой или тамбурином в руках, жонглеры легко становились душой общества, среди которого появлялись. Чего только не приходилось им испытывать во время своих странствований. Неожиданность перемен, которые приходилось переживать им, прекрасно отразилась в средневековой сказке. Промаявшись целый день, какой-то жонглер был застигнут ночью в глухом месте. Добрел он до одинокой хижины и стучится в нее. Дверь гостеприимно открылась. Оказывается, в хижине живут две старухи, которые и соглашаются пустить к себе на ночевку усталого жонглера. Но старухи были колдуньями и ночью превратили жонглера в осла. При этом жонглер сохранил свои прежние способности по части изобретательности на разные ловкие штуки. Старухи показывали его желающим за деньги и нажили себе большое состояние. В ту пору почти в каждой замке держали ради забавы каких-либо дрессированных животных — и вот один богатый человек за большие деньги купил у старых волшебниц жонглера-осла. Старухи были добросовестными продавщицами и советовали покупателю держать свою покупку подальше от пруда или реки, вообще от большого водовместилища: вода, говорили они, лишит его способностей, как только он выкупается в ней. Но как-то раз, по оплошности приставленного к нему сторожа, осел вырвался из стойла, со всех ног понесся к ближнему пруду, бросился в воду и вышел из нее в своем прежнем облике: вода разрушила силу чародейства. Вернув-

Жонглеры в деревне. Со старинной миниатюры

ши себе свой прежний человеческий образ, он стал повсюду рассказывать о своем замечательном приключении. Слух этот широко распространился и дошел до папы: волшебниц арестовали, заставили сознаться в своем поступке и, конечно, сожгли на костре.

В этой сказке есть место, которое указывает на ее происхождение: о происшедшем, говорится там, рассказал сам жонглер. В последнее очень легко поверить. Несомненно, что вся эта сказка была придумана каким-нибудь жонглером; она может служить образцом жонглерских повествований. Подобные сочинения были во вкусе толпы и вызывали у нее самое искреннее одобрение. Сюжеты приправлялись весьма резкими выражениями. Странствующий жонглер не скупился перед своими слушателями на скабрзности, лишь бы заработать что-либо. За описанными забавами время летело незаметно.

И вот представим, что солнце уже клонится к западу. Рассказчик, утомленный продолжительной работой, куда-то скрылся. Замок ярко озарен красноватыми лучами вечернего солнца. Спустился подъемный мост, и из-под его ворот вышло веселое общество. Это владелец замка со своей семьей и многими гостями решили воспользоваться теплым вечером, чтобы прогуляться по живописному берегу реки. Их сопровождают слуги. Красивую картину представляет все это общество, спускающееся с замкового возвышения. Навстречу

ему отправилась большая группа крестьян: одни из них хотят воспользоваться благоприятным случаем и обратиться к своему господину с просьбами, другие идут поглазеть. У самого конца спуска от группы крестьян отделилась красивая девушка. Она обратилась к своему господину с просьбой дозволить ей вступить в брак с молодым человеком, живущим в другой сеньории, то есть зависящим от другого господина.

Вопрос серьезный, решение его всецело зависело от воли господина. Он мог совершенно не разрешить женитьбы, мог поставить какие угодно условия. Но в данном случае дело усложнялось вопросом о детях, которые родятся от предполагаемого брака: кому будут принадлежать они, которому из господ, господину жениха или господину невесты? Вопрос этот решался различно: большей частью дети делились поровну между господами; если рождался только один ребенок, он становился собственностью господина матери, но в таком случае господин отца получал сумму отступных; бывало и так, что взамен выдаваемой замуж в другую сеньорию девушки ее господин получал из той сеньории другую девушку.

От XII века сохранился интересный документ. Случилось, что крепостной, принадлежащий парижскому аббатству Сен-Маглуар, женился на девушке, жившей в одной из королевских деревень. Аббат заявил, что аббатство не желает в связи с этим браком терпеть убытки, и король Людовик VII подписал документ, признавший необходимость раздела детей от этого брака между королем и аббатством.

В одном хозяйственном инвентаре, относящемся к эпохе Крестовых походов, слуги и горничные записаны вперемешку с домашними животными и даже с хозяйственными предметами (вилами и носилками). Так что нет ничего удивительного в том, что девушка, обращающаяся к своему господину с просьбой о разрешении брака, трепетала не на шутку.

Впрочем, наш сеньор оказался весьма добр — он дал ей разрешение, и девушка, благодарная, с разгоревшимися от волнения щеками, пала к его ногам. Тем временем от группы крестьян отделился и подошел к господину молодой человек, который появился в деревне только сегодня. Он говорит, что хочет стать духовным лицом.

«Ты — мой человек?» — спрашивает его владелец замка.

«Нет, — отвечает юноша, — я владею леном в зависимости от одного человека, — тут он называет ближайший город и имя богатого горожанина, — он дал свое согласие на то, чтобы я пошел в клирики, но человек этот зависит от вас, а потому необходимо ваше согласие».

«Проекзаменуйте его, отче! — обратился господин к находившемуся в его свите замковому капеллану и, когда тот дал удовлетворительный отзыв о познаниях молодого человека, сказал, уже капеллану: — Так составьте на досуге бумагу, я приложу к ней свою печать, а моя жена свою. Ступай с Богом!» — прибавил он, обращаясь к юноше, сияющему от удовольствия.

И блестящее общество со смехом и шутками направилось дальше к реке...

Из эпохи Жакерии

Положение французских крестьян стало улучшаться в XII—XIII столетиях, что было связано прежде всего с Крестовыми походами. Отправляясь в Святую землю, на освобождение Гроба Господня, испытывая невольное волнение, под влиянием величия самой цели, феодальные рабовладельцы становились доступнее голосу справедливости и давали своим крестьянам льготы, облегчавшие их положение. К тому же побуждало их и естественное желание расположить в свою пользу крестьян, среди которых они оставляли жен, детей и имущество. Наконец, сами крестьяне стремились толпами в ряды крестоносных ополчений, так как участие в Крестовом походе приносило им свободу: нужно было удерживать их от ухода, и феодалы старались делать это путем различных уступок. Нуждаясь в деньгах для своих отдаленных предприятий, феодалы затеяли своеобразную торговлю, и наиболее зажиточные крестьяне этим воспользовались, купив свободу себе и членам своих семей.

Духовенство также играло немалую роль в улучшении жизни крестьян. Многие имения перешли в годы Крестовых по-

ходов в управление монастырям и духовным лицам, которые относились к крестьянам значительно милосерднее, нежели прежние их хозяева — феодалы. Известное влияние на положение деревни оказывали и французские города, уже пользовавшиеся в эту пору некоторою свободой.

Благодаря всему этому французские крестьяне избавились от наиболее тяжелых и возмутительных повинностей. Именно с этого времени начиная, деревни вступают в новые отношения со своими владельцами, которые подписывают с ними так называемые кутюмы⁵². Любопытно, что в ряду прав, перечисляемых в этих кутюмах, почти всегда встречается право принимать к себе крестьян, бежавших от своих владельцев. В XIII столетии французские короли, соединившие в своих руках почти половину Франции, освобождали сельское население от феодального гнета, как раньше освобождали от того же гнета население городов; и в том, и в другом случае ими руководили политические расчеты. Они стали давать права гражданства без различия и жителям городов, и жителям деревень. В начале XIV века французские короли стали освобождать крестьян большими массами, и примеру их следовали крупные феодальные владельцы. Все, по-видимому, шло к лучшему.

Но как же объяснить в таком случае те крестьянские бунты, которые происходили неоднократно в продолжение XIII века и завершились огромным восстанием в начале второй половины XIV века, известным в истории как Жакерия?

Первой и главной причиной было непомерное количество податей, число которых резко увеличилось с освобождением крестьян. Поначалу на новые поборы крестьяне соглашались очень легко, поскольку одновременно уничтожались невыносимые узы, которыми их опутали феодалы. Например, свобода брачных союзов была куплена ценою денежной пени; право завещать и наследовать имущество было дано также на весьма стеснительных для крестьян условиях: наследовавший имущество своего отца должен был платить по определенной таксе; обыкновенно платили натурой: увеличивалось количество рабочих дней, посвящавшихся господским интересам, число снопов, шерсти, ягнят, цыплят, приносившихся крестьянами на господский двор.

Средневековые крестьяне

В 1315 году французский король Людовик X Сварливый⁵³ издал эдикт, которым всем крестьянам, что «подпали или могли бы подпасть под неволю, была дарована свобода на подходящих и выгодных условиях». Но за «дар» следовало заплатить. Крестьянам предписывалось «вступать в такие соглашения, которыми нам (то есть королевской власти. — *Ред.*) было бы дано достаточное вознаграждение». Эдикт этот вышел в то время, когда казна Людовика X сильно истощилась. Поэтому вместо того, чтобы предоставить крестьянам возможность откупаться тогда, когда они будут в состоянии сделать это, король обратился к своим комиссарам с указом: «Так как может случиться, что кто-либо или под влиянием вредного совета, или в силу непонимания не уразумеет столь великого преимущества и столь великой милости и захочет лучше остаться в жалком состоянии рабства, чем получить свободу, мы повелеваем вам и поручаем собирать с таковых лиц, сообразно с размерами их имуществ и условиями рабства, подати для предстоящей нам войны, в таких размерах, каковые могут быть допущены как положением, так и имуществами каждого из них, а также каковые требуются для нашей войны».

Таким образом, настоящая цель, с которой был издан этот эдикт, обнаруживается вполне. Так поступали сеньоры всегда — как светские, так и духовные, одни в большей, другие в меньшей степени: освобождая подвластное им население от одних повинностей, они налагали на них другие. Дело не

ограничивалось, впрочем, только уплатой какой-то суммы своему сеньору; так как сеньор зависел в свою очередь от сюзерена, то от крестьянина требовали платить и тому, и другому. Например, граф Монтегю дал освободительную хартию населению местечка Шень, и крестьяне, обитавшие в нем, должны были заплатить 100 фунтов ему и 640 фунтов герцогу Бургундскому, сюзерену графа, за его согласие на выдачу упомянутой хартии. То же было и с крестьянами, жившими на монастырских землях. Помимо уплаты известной суммы денег, освободительные грамоты требовали иногда и соблюдения особенных условий; так, аббат монастыря Сен-Жермен-де-Пре отмечает в данной им хартии, что за церковь «сохраняется право облагать наших людей податями в те годы, когда король наложит на нас подати, и притом пропорционально той сумме, которую потребуют от нас». Нередко возникал в таких случаях новый оброк, который получал специальное наименование. «Мы налагаем, — говорит хартия Орлеанского капитула, — как бы в отплату за благодеяние свободы, нами дарованное, главный оброк, заключающийся в том, чтобы с каждой дюжины снопов, которые будут сняты на земле нашей, и даже с каждых одиннадцати снопов, если нельзя собрать боле с одного поля, мы имели право получать один сноп, который мы сами выберем и который будет доставлен земледельцем в нашу житницу: этот сноп будет называться “снопом свободы”». Эта новая «десятина», как вообще назывались подати, не исключала прежних. Таким образом, почти повсеместно материальное положение освобожденных крестьян было гораздо хуже, чем положение крепостных.

И вот, как часто бывает в пору народных бедствий, в среде полуразоренного и крайне недовольного жизнью крестьянства стали появляться проповедники. Эти проповедники резко отличались от других людей: не ели мяса, не пили вина, не брали денег, бродили повсюду босиком и с непокрытыми головами. О прибытии их в ту или другую местность немедленно узнавало все население, и все стремились к ним. С возвышенных мест произносили они свои горячие, но простые, доступные народу речи о его жалкой судьбе и о скором наступлении новой поры — царства Божьего на земле. На них

смотрели, как на вестников Бога, их речам внимали с восторгом, поскольку они громко говорили о том, что смутно и медленно зрело в душе каждого из слушателей. Эти речи западали в крестьянскую душу, как зерно в разрыхленную, подготовленную для его восприятия землю. Феодалы охотились за этими проповедниками, преследовали их, как могли, но число их множилось, они становились все фанатичнее, и посеянные ими семена давали всходы. Союзницей их была и непросвещенность народной массы.

Все это подготавливало почву для возмущений. Настоящая, грозная буря разразилась уже в XIV веке, когда к прежним невгодам присоединились бедствия Столетней войны. Ей предшествовали волнения, происходившие в среде городского сословия. Зажиточные французские горожане, добившиеся независимости и самоуправления, делали неоднократные попытки изменить существовавший в то время государственный строй. Генеральные штаты⁵⁴, созданные в 1356 году, набросали проект государственного устройства, утвержденный самим королем. Законодательная власть была разделена между королем и особым советом из девяти членов, в состав которого должны были войти представители от трех сословий; этот совет должен был сделаться постоянным учреждением. Представители Генеральных штатов должны были наблюдать за всеми финансовыми действиями правительства; учреждалось народное войско, в состав которого входил каждый, вооружаясь сообразно со своим положением; уничтожались исключительные, особенные суды; отменялись исключительные торговые права и т. п.

В этом же году случилась несчастливая для Франции битва при Пуатье, когда король попал в плен к англичанам, а французская знать обратилась в позорное бегство, несмотря на количественное превосходство над врагом. Дофин, девятнадцатилетний сын короля⁵⁵, в числе первых бежавший с поля сражения, созвал Генеральные штаты. Последние, состоя наполовину из представителей городского сословия, объявили свое собрание высшим государственным учреждением. Когда же дворянство и духовенство отшатнулись от них, городские представители, не смущаясь, продолжили заседать в Париже. Во главе их стал старшина парижских цеховиков Этьен Мар-

сель⁵⁶. Ближайшим помощником его был ланский епископ Робер Лекок⁵⁷. Дело не ограничилось на этот раз только проектами и реформами; возмущая письмами население других городов, парижане прибегли к насилию.

Знать была возмущена поступками городских представителей. Один из недовольных умолял принца-правителя на коленях, чтобы он уничтожил бунтовщиков; принц, до того времени колебавшийся, согласился на тесное соединение с дворянством. Последствием этого стала гражданская война. Париж был в руках Марселя. Он укрепил его и сражался против приверженцев принца, как против врагов страны. В это-то самое время, в 1358 году, и поднялись крестьяне.

Восстание началось 21 мая в области Иль-де-Франс и, как страшный пожар, распространилось на всем пространстве между Сеной и Уазой. Крестьянские отряды, вооруженные палками и ножами, захватывали замки и дотла сжигали эти мощные твердыни, истребляя всех их обитателей, без различия пола и возраста. То была дикая расправа, напоминавшая ужасы, производившиеся варварами в периоды грозных вторжений в цивилизованные страны. «Жак-простак», как насмешливо называли дворяне крестьян, превратился в зверя; в нем проснулись дремавшие до той поры первобытные, дикие, бесчеловечные инстинкты.

«Они были так уже многочисленны, — говорит Фруассар, — что, если бы собрались вместе, их было бы сто тысяч человек. И когда у них спрашивали, зачем они делали это, они отвечали, что не знают, но видели, как делают другие, и сами поступали так же». До самого конца это движение отличалось стихийным характером, и на первом, как и на втором и третьем, плане его стояли месть и ненависть.

Несмотря на жестокость «жаков», горожане сочувствовали им. Многие из них становились во главе крестьянских банд, приносили в них порядок, заправляли их действиями. Горожане руководились при этом главным образом своими личными расчетами. Марсель обрадовался восстанию крестьян, увидев в них своих помощников, и, когда они пошли на Мо, где укрылось множество дворянских семейств, отправил им на помощь два отряда своих сторонников. Зверства, производившиеся ими, пробудили мужество в среде дворян: в со-

юз с французскими дворянами вступили дворяне Фландрии, Брабанта, Геннегау и даже английские — отличительное свойство Средневековья, когда сословные интересы стояли выше национальных. Собравшись с силами, дворяне нанесли восставшим близ крепости Мо страшное поражение. Произошло это 9 июня 1358 года, а началось восстание, как уже мы сказали, 21 мая: таким образом, опасный период его продолжался менее трех недель. С этого же момента началось возмездие со стороны дворянства, и продолжалось оно тоже несколько недель.

Когда было подавлено восстание крестьян, положение Марселя сделалось критическим. Тогда он вошел в переговоры с королем Наваррским Карлом Злым⁵⁸, обещая ему сдать Париж и, очень может быть, содействовать провозглашению его французским королем. Но Марселя погубила измена: один из старшин, на которого он особенно рассчитывал, изменил ему и ввел в полуночное время в крепость Сен-Дени, где находился Марсель, приверженцев дофина. Марсель был убит.

Вскоре после этого дофин овладел Парижем, и смуты прекратились, но государство было глубоко потрясено пережитыми бедствиями. Обе революции, и городская, и крестьянская, стоявшие в близкой связи между собою, были подавлены. Положение крестьян еще больше ухудшилось.

Крестьянская свадьба

До этого мы имели в виду французских крестьян; теперь же обратимся к средневековой Германии. Здесь мы встретим сравнительно большую зажиточность, большее довольство. Чтобы понять причину такого различия, остановимся на нескольких фактах.

До XII века положение крестьян в Германии было весьма тяжелое, но начиная с этого времени оно стало заметно улучшаться. Многие обстоятельства благоприятствовали этому. Прежде всего следует сказать о городах, которые вообще имели в этой стране большее значение, чем во Франции, —

они быстро развивались благодаря постоянной поддержке со стороны императоров, видевших в городах оплот своей власти в борьбе против князей, стремившихся к полной независимости. Имперские, то есть стоявшие в непосредственной зависимости от императоров, города пользовались дарованным им правом принимать в число так называемых «свайных граждан» перебежавших к ним крестьян; они назывались «свайными», потому что им отводились для поселения городские предместья, вне свайных частоколов, окружавших город. Кроме того, в конце следующего, XIII столетия в деревнях образовался особый класс крестьян, которые, не покидая деревни, приобретали право гражданства в соседних имперских городах и благодаря этому уклонялись от несения той или другой повинности. Большая часть войн, происходивших в XIV и XV веках в Германии между дворянами и городами, вызывалась именно тем, что города принимали крестьян под свою защиту.

Другой причиной, содействовавшей улучшению сельского быта в Германии, было распространение в северной части ее нидерландских колоний. Северная Германия, опустошенная немцами, истреблявшими здесь славянские племена, нуждалась в населении, а голландцы, страдавшие от наводнений в своей стране, охотно селились на чужбине, тем более что они приобретали при поселении своем в Германии большие льготы: сохраняя личную свободу, они получали земли в наследственное владение, имели свой собственный суд и за все это платили незначительные подати. Что касается Южной Германии, то здесь с исхода XII столетия крестьяне обладали угодьями как свободные землевладельцы и гордо противопоставляли себя местному рыцарству.

Духовенство в Германии первое поняло значение льготных условий для улучшения земледелия и стало ставить в такие условия местных, подвластных ему земледельцев. Примеру духовенства последовали и светские землевладельцы, основывая отношения со своими крестьянами на «фламском» (то есть фламандском, голландском) праве. Благодаря этому в период времени с XIII до конца XV века большая часть крестьян в Северной Германии сделалась наследственными арендаторами: если они и не были вполне свободны,

то, во всяком случае, не имели основания жаловаться на свою судьбу. Рядом с ними встречались, правда, и закрепощенные земледельцы, но зато здесь существовали и совершенно свободные сельские общества, устройство которых было сходно с устройством городов. Весьма ценным приобретением для крестьян стали особые грамоты, точно определявшие взаимные права и обязанности землевладельцев и крестьян.

Все это, конечно, отразилось и на отличиях немецкой крестьянской свадьбы от французской. В Германии свободный крестьянин, желавший жениться, прежде всего заручался согласием на этот брак своих родных, а потом и родных невесты. Затем договаривались о размерах приданого от обеих сторон. В одном стихотворном произведении XIV века «О свадьбе Метцы» рассказывается, что невеста принесла жениху в приданое лошадь, козла, теленка, поросенка, корову и три улья пчел, а жених невесте — кусок земли, засеянной льном, двух овец, петуха с курами и некоторое количество денег. Так сложилось будущее хозяйство молодых.

Часто свадьба происходила сразу же, как приданое было в сборе. Она имела характер гражданского договора между сторонами. И та, и другая стороны выбирали особых свидетелей из числа людей с незапятнанной репутацией. Какой-нибудь почтенный старик спрашивал в присутствии свидетелей, родных и знакомых жениха и невесты об их взаимном согласии на брак, и все дело ограничивалось утвердительным ответом с их стороны: как только они отвечали утвердительно, свадьба считалась совершенной. В стихотворении «О свадьбе Метцы» говорится, что свадебное пиршество совершилось в доме жениха, так как он был просторнее дома невесты. В самом доме поместились все приглашенные на свадьбу, а за дверьми стояла большая толпа любопытных.

Необходимой принадлежностью крестьянской свадебной пирушки был музыкант, игравший во все время обеда и после него, пока вино, которым его усердно потчевали, не лишило его возможности заниматься этим делом.

Как в еде, так и в питье крестьяне обнаруживали паразитический аппетит. Блюда, подававшиеся на стол, отличались сытностью, все готовилось в большом количестве, а между

Крестьянская свадьба

тем после окончания обеда не оставалось ни крошки. Усердно истреблялись белый хлеб, пшенная каша, особый соус из репы с кусками сала, жареные колбасы и, наконец, мусс — особое блюдо, служившее десертом, в основе которого была овсяная или манная крупа. Приглашенные на празднество гости жадно накидывались на яства; о какой-либо опрятности при этом речь, конечно, не шла. Обедали до того основательно, что у некоторых гостей лопались пояса, а наиболее благоразумные и осторожные люди распускали их заблаговременно; пили с таким же усердием, так что в следовавших после обеда танцах принимали участие далеко не все участники обеда. По окончании свадебного пиршества невеста отводилась в предназначенный для молодых покой, причем старалась как можно более ломаться, плакать и жаловаться на судьбу — всего этого требовал обычай.

На следующее утро молодые дарили друг другу подарки — так называемые «утренние дары». И только в этот день они отправлялись в церковь.

Это событие в жизни крестьянина, как и многие другие, окружалось целой сетью суеверий и предрассудков. Важным вопросом был выбор дня свадьбы, так как и от этого, по тогдашним взглядам, зависела вся будущность молодых. Лучшим временем для свадьбы считали ту пору, когда прибывает месяц, а из дней самыми счастливыми считались воскресенье и вторник. Но в те годы, когда на вторник приходился день избиения младенцев (28 декабря)⁵⁹, место вторника занимал понедельник, так как вторник, при указанном условии, оставался несчастливym днем в течение целого года.

В деревнях средневековой Германии господствовало широко распространенное и у нас суеверие, по которому май считается неблагоприятным месяцем для вступления в брак. У нас существует мнение, что люди, поженившиеся в мае, будут «маяться» всю жизнь, а тогда веровали, что майский брак непременно должен повлечь за собою скорую смерть одного из молодых. Такое же несчастье должна была повлечь за собою свадьба, совершенная в то время, когда в деревне был покойник. Впрочем, последний обычай не требует особых объяснений. Он ясен сам по себе: население деревни немногочисленно; большею частью обитатели ее состоят

друг с другом в более или менее близком родстве, и событие, происшедшее в одном доме, является событием для всей деревни; почти вся деревня участвует так или иначе и в похоронах, и в свадебных торжествах. При таких условиях совпадение ритуала печального с ритуалом радостным немислимо, как немислимо оно среди людей, живущих под одною крышей.

Если в крестьянской семье было несколько дочерей, выдача их в замужество совершалась в твердом порядке, с соблюдением старшинства: младшая дочь не могла выйти замуж раньше старшей. Суеверие, как тонкая сеть, окутывало человека и вселяло в душу его бесконечный ряд опасений. Невеста должна была опасаться злых чар, которые грозили ей на каждом шагу. Так, до свадьбы ей не следовало выходить из дому в продолжение восьми дней. Когда ее вещи привозились в дом, где она должна была жить с будущим мужем, телегу разгружали только друзья и знакомые, так как чужой человек мог заколдовать их и тем принести большой вред молодым. Перед отправлением в церковь невесте следовало спрятать на себе монетку; обыкновенно в таких случаях девушки клали ее в башмак, в правый чулок или вплели в волосы. При выходе из дому невеста подавала самому бедному человеку в деревне пирог и несколько монет. Когда ехал на свадьбу жених, под ноги лошадям бросали новый горшок; если они разбивали его подковами, то это сулило молодым счастливую жизнь. Нередко новобрачных при выходе из дому заставляли переступить через головню, нож, топор и метлу. Если до церкви было далеко и молодым приходилось не идти пешком, а ехать, невеста должна была сидеть в телеге на соломе, которая считалась в данном случае прекрасным средством от сглаза. Но разумеется, если церковь находилась в самой деревне, то и молодые, и провожаемые шли в нее пешком.

Весело движется свадебная процессия по дороге, окаймленной двумя рядами деревьев, в церковь. Пестрые наряды под лучами солнца, ярко светящего из глубины голубых безоблачных небес, производят впечатление чего-то радостного, торжественного. У каждой из девушек свешивается с пояса шнурок, на который надето небольшое круглое зеркальце

в резной деревянной оправе; у невесты оно даже в раме из слоновой кости. Собственно, для устранения дурных примет невесте следовало бы плакать, но слезы у нее затаились так далеко, что она никак не может вызвать их наружу. Впереди процессии идут музыканты с тамбуринами и гремят на всю деревню: чем больше шума, треска, тем лучше; этот шум также способен отогнать злые чары. Впрочем, злой человек может и теперь повредить молодым и даже испортить им всю предстоящую жизнь — стоит ему только связать хвостами двух кошек, притаиться где-нибудь под кустом и, когда процессия приблизится к нему, пустить их через дорогу, поперек пути новобрачных. Но в нашем случае ничего подобного, к счастью, не случилось. Процессия без всяких невзгод подходит к церкви, которая весело приветствует ее звоном своего единственного колокола; пономарь не скупится, побуждаемый верным расчетом на угощение.

Но и святое место, по народным представлением, не защищало от сглаза и порчи, от всяких грядущих бед. Невеста должна была вступить в церковь правой ногой, во время венчания молодые должны были стоять возможно ближе друг к другу, иначе между ними могли проскользнуть чары, исходящие не только от злых людей, но иногда даже от самого дьявола. Что последний — по народным представлениям, господствовавшим в Средние века, — не страшился церковных или монастырских зданий, в этом можно убедиться хотя бы из следующей легенды. В одном аббатстве молодой монах исполнял обязанности ризничного и в то же время наблюдал за производством работ по украшению храма. Стены его покрывались рельефными изображениями, представлявшими ад и рай. Между прочими изображениями следовало представить дьявола, набрасывающегося на свои жертвы. Увлекаемый религиозным рвением, монах сам принялся за работу и сделал такую страшную и гадкую фигуру дьявола, что она наводила ужас и чувство омерзения. Дьяволу ужасно не понравилась работа молодого ризничного. Он явился ему во сне и потребовал, чтобы он разломал статую и сделал другую, менее безобразную. Молодой монах не послушался дьявола, хотя тот сделал ему целых три предостережения. Тогда дьявол, не смущаясь ни святыней мона-

стырской, ни религиозностью молодого монаха, навел на него чары, заколдовал его. Монах полюбил молодую даму, жившую неподалеку, и, побуждаемый ею, решился бежать из монастыря, но не с пустыми руками, а захватив сокровища монастырской ризницы. И конечно, дьявол устроил так, что беглеца поймали и подвергли тесному заключению. Опозоренный, лишенный свободы, молодой инок страдал невыносимо: этого-то и нужно было дьяволу. Он проникнул в монастырскую темницу и снова стал предлагать ризничему сломать сделанную им статую и заменить ее другой, обещая за это освободить его от всяких невзгод и вернуть ему прежнее положение в монастыре. И ризничий сдался и торжественно пообещал дьяволу сделать все так, как он хочет. Тогда дьявол освободил его от оков и привел в келью. Когда утром монахи нашли бывшего ризничего спокойно почивающим в своей постели, они изумились и направились в темницу. Что же тут предстало перед ними? Они увидели самого дьявола в цепях; он потешился над ними, показал различные штуки, а потом скрылся, будто его и не бывало вовсе. Монахи решили тогда, что все происшедшее — только наваждение злого духа, что на самом деле ничего не произошло и ризничий чист душою. Ризничий, вернувший себе прежнее положение, исполнил данное дьяволу обещание и заменил безобразную статую...

Суеверие требовало, чтобы молодые возвращались из церкви другой дорогой. Впереди процессии на обратном пути выступали те же музыканты; возвращались из церкви так же шумно, как шли в нее. Вступали в свой дом молодые с соблюдением тех же церемоний, которые соблюдались при выходе из него. Им подавали две кружки с вином, эти кружки обходили гостей, а затем разбивались вдребезги, причем невеста должна была перекинуть свою кружку через голову. Затем в подвенечном платье новобрачная отправлялась в стойла и раздавала скоту корм. После этого все садились за стол или, лучше сказать, за столы; при этом строго следили, чтобы за одним столом не садилось тринадцать человек. На стол ставились обильные яства — горох, капуста, ячмень, чечевица, колбасы или что-нибудь в том же роде. Обед совершается обычным, уже описанным нами порядком.

Сговор перед свадьбой.
Со старинной миниатюры

После обеда двое из наиболее зажиточных крестьян присаживались к невесте и начинали принимать подарки, которые гости принесли молодым. Чего тут только не было?! И деньги, и зеркальце, и пояс, и кружка, и гребень, и веретено, и куртка, и шляпа, и деревянная палка; не полагалось только дарить молодым ножи и ложки. В обязанности этих крестьян входило пересчитать подарки, определить их примерную стоимость и сообщить присутствующим. После этого отец молодой благодарил всех, и начинались танцы под музыку. Кстати, музыкант тоже не оставался без подарков, хотя в большинстве случаев ему сбывали то, что уже не нужно было самим. Но выбирать бедняге, странствующему по дорогам, не приходилось, и все принималось с благодарностью: и старый плащ, и старые башмаки, и пара полотенец.

Нередко в празднествах, подобных описанному нами, принимали участие странствующие рыцари-миннезингеры. К числу таковых принадлежали Нейдхарт фон Ройенталь⁶⁰, Штейнмар⁶¹, Готфрид фон Нейфен⁶² и другие. Поэтические произведения первого из упомянутых поэтов представляют собой один из лучших источников для ознакомления с бытом немецкого крестьянства в XIII столетии. Между рыцаря-

ми, посещавшими деревни, и их обитателями происходили нередко жестокие ссоры, заканчивавшиеся увечьями. Вообще, резкие переходы от необузданного веселья к необузданному же раздражению, от веселых танцев к дикой расправе с оружием в руках представляют характерное явление средневековой деревни, да впрочем, и не одной только деревни. Впрочем, обедневшие рыцари появлялись в деревне не просто так — довольно часто они поправляли свои расстроенные финансы женитьбой на дочерях зажиточных крестьян или же выдавали своих родственниц замуж в богатые крестьянские семьи. У поэта Гуго фон Тримберга⁶³ есть описание подобного сговора.

Подходит бедный рыцарь к крестьянскому дому и вступает в разговор с его хозяйкой.

«Рыцарь. Здравствуй, тетушка! Дай тебе Бог всего хорошего! Как ты поживаешь?

Крестьянка. Хорошо, милый господин.

Рыцарь. Ты не знаешь меня?

Крестьянка. Нет, милый господин.

Рыцарь. А ведь я — твой племянник. Жива ли еще моя тетушка, твоя сестрица Гедвига?

Крестьянка. Да, я ее еще вчера видела.

Рыцарь. А как поживает твой сынок Рупрехт?

Крестьянка. Хорошо. Он теперь — оруженосец, у него меч, высокая шляпа, две железные перчатки; он — первый запева-ла на всех наших сходках, все его любят.

Рыцарь. Я знаю одну молодую девушку, дочь моего брата; мы бы выдали ее замуж за твоего сынка».

Крестьянка не прочь устроить предлагаемый брак и обещает «наделить своего сынка получше».

«Хорошо, милая тетушка, — говорит в заключение голодный рыцарь, — скоро наступит ночь, и мне следует поторопиться с отъездом. Дай-ка корму моему коню, а мне приготовь курицу».

Угостив коня и насытившись сам, он отправляется восвояси — туда, по словам поэта, где «частенько танцевали и водили свои хороводы мыши, но только после того, как они насыщались в каком-нибудь другом месте».

Через семь дней после описанного разговора крестьянка вместе с мужем и сыном Рупрехтом навещает рыцаря. Они захватывают с собою четыре головки сыра и две курицы, и это немало способствует делу. Приходит и разряженная невеста, и свадьба устраивается.

История Гельмбрехта

Лучшим и почти единственным в своем роде источником для ознакомления с бытом немецкого крестьянства и важнейшими типами, среди него появившимися, служат произведения певцов-рыцарей, из которых первое место принадлежит Нейдхарту. Большую часть своей жизни он провел среди крестьян, и во всех его поэтических произведениях отражается крестьянская жизнь.

Зажиточное крестьянство Южной Германии стремилось в ту пору родниться с дворянами, подражало им и тянулось за ними. Прежде всего это нашло отражение в одежде. Крестьяне на протяжении столетий носили рубахи из грубого холста, полотняные шаровары, неуклюжие сапоги, поярковые шляпы и рукавицы. Но тут они стали шеголять костюмами из тонкой материи, разнообразных ярких цветов, модного покроя; в деревнях появились узкие кафтаны с блестящими пуговицами и огромными рукавами, с бубенчиками по швам, франтовские сапоги, красные шляпы; крестьянки стали носить у пояса мешочки с духами, украшать головы павлиньими перьями. Само собой разумеется, что перенимались не только покроем, цветом и материалом платья — перенимались также обычаи, манеры, язык. Нарождался новый тип человека. Деревенские парни, наряжаясь господами, отправлялись в ближайшие города, где проматывали отцовские денежки, бражничая с горожанами и странствующими рыцарями.

Немецкое рыцарство, надо заметить, понемногу катилось к упадку: оно стремительно беднело и многие рыцари перерождались в разбойников. Эта переходная, необыкновенно интересная эпоха прекрасно, со множеством характерных

подробностей описана в эпической повести «Мейер Гельмбрехт» странствующего певца Вернера дер Гартнера⁶⁴.

Действие происходит в Баварии. У старого поселянина Мейера Гельмбрехта было двое детей: сын Гельмбрехт и дочь Готелинда. Сын был красивый малый. Его белокурые волосы ниспадали до самых плеч: юноша ухаживал за ними и носил на голове красивую шелковую шапочку, на которой были вышиты голуби, попугаи и другие птицы. Разукрасила эту шапочку одна монашенка, бежавшая из монастыря. Она, между прочим, научила сестру молодого Гельмбрехта шить и вышивать, чем премного угодила и дочери, и матери. Обе они души не чаяли в молодом Гельмбрехте и наряжали его, как куклу. Он носил одежду из тонкого полотна, его красивый кафтан из синего сукна был украшен золотыми, серебряными и хрустальными пуговицами, увешан бубенчиками. Все преимущества этого кафтана обнаруживались вполне, стоило молодому Гельмбрехту пуститься в пляс: пуговицы блестели, а бубенчики звенели, когда владелец их выделывал разнообразные прыжки среди веселого общества.

Возгордился крестьянский сынок и стал мечтать о рыцарстве.

«Я хочу, — обратился он к отцу, — отправиться ко двору, помоги мне».

«Брось, дорогой сын мой, — отвечал отец, — мысль о дворе. Придворные обычаи тяжелы для того, кто не привык к ним с молодых лет. Возьмись-ка за плуг да примись за обработку земли. Веди жизнь, какую веду я, пей воду вместо того, чтобы пить вино, добытое грабежом; ешь нашу пищу и веди себя безукоризненно...»

Напрасно отец отговаривал сына и предлагал жениться на дочери крестьянина Рупрехта; сын решительно отказывался оставаться долее в деревне и вести крестьянскую жизнь; все эти грязные деревенские работы повредят его локонам, его вышитой шапочке, его щегольскому кафтану: да и жениться он вовсе не хочет; семейная жизнь сделает его праздным, а он стремится к деятельности. Видя, что все его увещания не приводят ни к чему, отец купил сыну коня и отпустил его со словами: «Я не могу тебя удерживать, я отпускаю тебя, но предло-

стерегаю еще раз: береги, красавчик, свою шапочку и свои кудри... Мне снилось, что ты шел, опираясь на палку, с выколотыми глазами; мне снилось еще, что ты взобрался на дерево, а над тобою сидели на ветви ворон и ворона... Я раскаиваюсь в том, что вырастил тебя». Гельмбрехта не тронули эти прощальные слова, и он покинул родительский кров.

Он поселился у одного рыцаря, занимавшегося разбоем, в замке, стоявшем на высокой горе. Этот рыцарь охотно принимал к себе на службу молодых людей, подобных Гельмбрехту. Скоро молодой Гельмбрехт выделился из среды других разбойников своим бессердечием, жадностью и разбойническими приемами. Он не щадил никого и ничего: уводил коня, барана, отбирал у людей плащ и кафтаны, прятал в свой мешок даже то, чем его товарищи пренебрегали. Так прошел целый год.

Тогда вспомнил он об отце, взял отпуск у своего рыцаря и поехал домой. Все ему обрадовались. Слуга и служанка его родителей обратились было к нему с прежним простым приветствием: «Добро пожаловать, Гельмбрехт!», но когда заметили, что такое обращение не нравится ему, то сказали: «Добро пожаловать, наш благородный господин!» Он ответил им фразой, в которой они ничего не поняли, столько было в ней незнакомых им слов. Сестра Готелинда бросилась к брату, обняла его, но он сразу охладил ее латинским выражением, в котором на самом деле не было никакого смысла. Отца он приветствовал по-французски, а мать по-чешски, и мать сказала: «Это не сын наш, а чужеземец», на что озадаченный отец ответил: «Только он очень похож на нашего сына». «Скажи словечко по-немецки, — обратился отец к Гельмбрехту, — и тогда я признаю тебя. Однако я не намерен угощать чужестранца». Тогда молодой Гельмбрехт перестал корчить из себя иностранного рыцаря и сказал: «Да, это я, Гельмбрехт, я был когда-то вашим сыном и слугою».

Отец пригласил Гельмбрехта войти в дом; на столе появляется все лучшее: хорошее мясо с капустой, сыр, жирный гусь, зажаренный на вертеле, жареная курица. «Если бы у меня было вино, — сказал отец, — мы бы выпили его сегодня, но я предлагаю тебе, милый сын, воду лучшего источника, какой когда-либо вытекал из земли». Тем временем Гельм-

брехт распаковывает подарки: отцу — точильный камень, косу и топор, матери — лисью шубу, содранную им с патера, сестре — шелковую повязку и позумент, отнятый им у какого-то торговца.

Между ним и отцом начинается разговор о старом и новом рыцарстве; и я тоже, говорит отец, бывал при одном дворе: я носил туда сыр и яйца и видел там рыцарей*.

Они отважны были, честны,
Им были вовсе не известны
Те чувства низкие, что ныне
Находим в женщине, в мужчине...

Скрипач проворно выходил,
Смычком по струнам проводил,
И становились дамы в ряд,
Прелестный на взгляд...
Когда кончались пляс, игра,
Им пели чуть не до утра,
На том же самом месте,
О герцоге Эрнесте.
Забав различных и потех
Довольно было там про всех.

Отец рассказывает далее о стрельбе в цель, о псовой охоте и приглашает сына рассказать, в свою очередь, о современном рыцарстве. Сын говорит, между прочим, следующее:

Кто хочет рыцарей найти,
Тот должен по шинкам пойти:
И день, и ночь они все там,
Как будто приросли к местам.
А кто живет по старой моде,
Как вы, отец, иль в том же роде,
Тот ото всех уж отлучен:
Мужчинам так приятен он
И дамскому приятен взору,
Как палачи приятны вору.

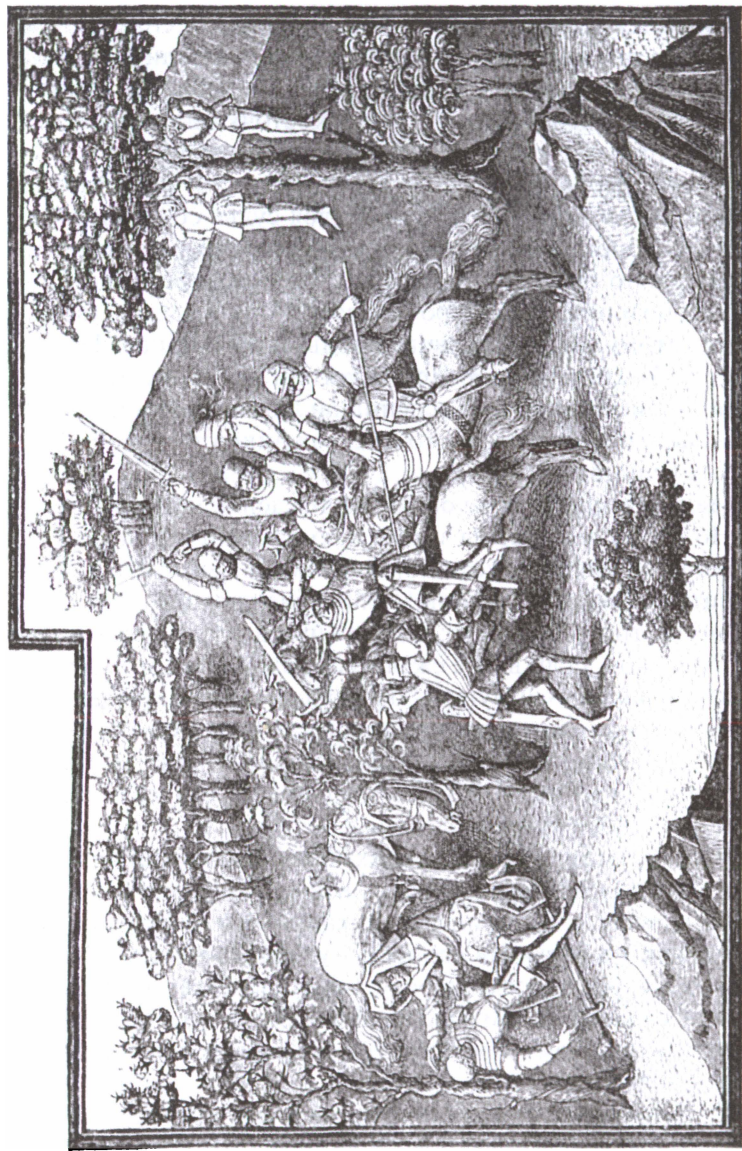
* Приводим некоторые отрывки в своем переводе, который сделан с соблюдением как размера, так вообще и характера оригинала.

Сын горячо заступается за то «рыцарство», среди которого живет, и ярко рисует привлекательные для него опасности разбойнической жизни. Он перечисляет грабительские набеги, которые предстоят ему, и сообщает отцу имена своих беспутных товарищей. «А как же они называют тебя?» — спрашивает он. «Меня они зовут “Глотай деревни”; я — бедствие для крестьян; все, что принадлежит им, — мое; одному я выкальваю глаза, другому рублю спину, того привязываю к муравейнику, этого вешаю за ноги на иве». Отец говорит на это, что справедливый Бог не потерпит таких преступлений и вся их шайка попадет в руки правосудия. Эти слова выводят молодого Гельмбрехта из себя. «До последнего времени, — говорит он отцу в сердцах, — я отговаривал своих товарищей от нападений на твой дом, но теперь ему не будет пощады». После этого, разумеется, он больше не может оставаться в родительском доме и уезжает.

Но прежде чем покинуть навсегда родительский кров, Гельмбрехт советует сестре бросить грязную крестьянскую жизнь, иначе ей придется всю свою жизнь заниматься крестьянским трудом. Он обещает выдать ее замуж за одного из своих товарищей «Глотателя ягнят» — Леммершлинга. Увлекаемая преступным братом, Готелинда мечтает о том, что у нее в доме «будет всегда трещать сковорода, шкафы будут переполнены, пива наварено и вина наготовлено вдоволь».

Готелинда мечтала не напрасно; вскоре посланный брата приехал за нею, и она отправилась с ним в разбойничье гнездо. Гельмбрехт отдает ее своему товарищу со следующими словами: «Ты заживешь с нею хорошо, она будет тебе верна; коли ты возьмешь ее, будешь жить беззаботно... коли ты будешь ослеплен, она будет повсюду водить тебя за руку, по всем путям и тропинкам; коли у тебя отнимется нога, она каждое утро будет приносить к твоей постели костыли; коли руки отнимутся, она до самой смерти будет тебе резать мясо и хлеб». Жених обещает подарить своей невесте, в качестве утреннего дара, «три мешка тяжелее свинца» с полотном, покрывалами, юбками, рубахами, желтой материей, темной тканью, большими шубами, крытыми алым сукном.

Перед свадьбой учинили разбой, и к дому жениха навезли всякого добра. Старик ввел молодых в круг и трижды спра-

Истребление разбойников. Со старинной гравюры

шивал их, хотя ли они вступить друг с другом в брак? После этого все окружающие запели брачную песню, жених наступил, по обычаю, невесте на ногу, и начали брачный пир. Что ни подавалось на столе, все исчезало с необыкновенною быстротой. Едва остались косточки для собак. Готелинда приуныла: по древнему поверью, так едят люди, конец которых близок. И не успели жених и невеста одарить музыкантов, как вдруг появился судья со стражниками. На разбойников напал ужас: они пытались спрятаться, но все равно были переловлены. Готелинда была перепугана и опозорена. Девятеро из разбойников были повешены, десятому была оставлена жизнь, и то был наш Гельмбрехт «Глотай-деревни». Но отпустили Гельмбрехта после страшных истязаний; его ослепили и лишили руки и ноги — то была личная месть одного из стражников за отца и мать, убитых Гельмбрехтом.

В таком ужасном виде он был приведен к дому своего отца. Но тот встретил сына злыми насмешками и отказал ему в приюте. «Если вы не хотите принять меня, как сына, — стал просить Гельмбрехт, — то позвольте мне вползти в ваш дом, как несчастному человеку; ведь вы пускаете же к себе больных бедняков. Если вы не сжалитесь надо мною, мне нет более спасенья...» — «Слуга, — обратился старый крестьянин к работнику, — запри двери, засунь засов... Скорей я готов принять совсем чужого человека, чем дать кусок черствого хлеба ему... Уведи его от меня, я ударил бы его, если бы не считал зазорным ударять слепца...»

Отвергнутый отцом Гельмбрехт бродил по окрестностям, пока не попался в лесу в руки дрововиков. Все они были его врагами, так как он принес горе каждому из них: у одного сжег хижину и расхитил все добро, у другого жестоко оскорбил дочь, у третьего увел корову. С Гельмбрехта сорвали красивый головной убор и разорвали в мелкие кусочки. После этого положили ему в рот шепотку земли и повесили его на ближайшем дереве.

С грабителями, попадавшимися в руки правосудия, поступали вообще очень сурово и даже жестоко. Так, например, граф Фландрский Роберт⁶⁵ приказал бросить в кипяток,

в полном вооружении, рыцаря, ограбившего одну бедную женщину. Герцог Альбрехт Брауншвейгский⁶⁶ предписал повесить за ноги графа фон Эберштейна за произведенные им грабежи; после же совершенной над графом казни герцог приказал похоронить его с почетом, каковой приличествовал лицу графского происхождения.

Деревенские праздники

Самым веселым из всех деревенских праздников был праздник весны. В глубокой древности весна в глазах народа была богиней и называлась у германцев именем Ostara. Самое имя ее заключает в себе представление о востоке (Ost), о свете, приходящем с востока, о заре и солнце.

В глубокой древности хор скальдов обращался к богине весны Остаре с такой молитвой:

Остара, Остара,
Матерь земли,
Сделай, чтоб эти
Пашни цвели,
Чтоб зеленели,
Плод принесли,
Мир им пошли!

Древние верования в богиню весны запечатлены в различных сагах. Остановимся на одной из них. В Гарце, в развалинах древнего замка, покоится замороженная, дивно прекрасная дева весны. Она выходит из своей темницы лишь только раз в году — в Христово Воскресенье. В белоснежном своем одеянии она покидает развалины незадолго до солнечного восхода и тихой поступью направляется к ближнему источнику. Здесь она купается, здесь она ждет своего освободителя. Многих она видела, многих она одаряла, но никто из них не мог проникнуть вместе с ней за железную дверь ее тесной темницы с низкими сводами.

Раз возвращался домой, накануне самого праздника Пасхи, один бедный ткач; ему пришлось проходить близ этих развалин. Он продал в городе свой запас полотна и возвращался с вырученными за него деньгами. Ночь застигла его как раз в этом месте, и он решился заночевать в долине, под открытым небом. Он проснулся рано утром, перед восходом солнца, и увидел возле источника деву ослепительной красоты, в белоснежном одеянии, со связкой ключей у пояса. Ошеломленный стоял он пред этим неожиданным и чудным видением. Дева подошла к нему. Он почтительно снял пред ней шляпу и приветствовал ее. Она поблагодарила его, чем вселила в него некоторую смелость. «Зачем ты так рано встала, — осмелился спросить он, — и купалась в этой воде?» — «Я делаю это всегда в пасхальное утро, перед самым восходом солнца, благодаря этому я так прекрасна и всегда молода». — «Где же живешь ты, прекрасная?» — «Недалеко отсюда; если хочешь, пойдем, — покажу». Ткач согласился, и дева повела его к руинам, стоявшим на горе.

Видел ткач раньше и эту гору, и эти руины, но совершенно не узнал их: все изменилось, как будто под влиянием волшебства. Они дошли до железной двери. Около нее на зеленой траве росли три лилии, и все они были в цвету. Дева сорвала одну из них, подарила ткачу, велела ему снести ее домой и беречь. Ткач поблагодарил ее и заткнул прекрасный цветок за шляпу. Когда после этого он снова поднял глаза, то не видал уже более ни девы, ни железной двери, ни двух оставшихся лилий: пред ним стояли одни руины, печальные, как всегда. Вернулся ткач домой, положил на стол серебряные монеты, вырученные за проданное полотно, положил на него и шляпу с лилией. Когда жена спросила у него, откуда взял он эту лилию, ткач подробно рассказал ей все с ним приключившееся. Жена же объяснила ему, что это была не простая дева, а дева весны — пасхальная дева. Смотрит тут ткач и видит: лилия не простой цветок, а вся из золота и серебра.

Обрадовался он, отправился в город к золотых дел мастеру: тот подивился лилии, но отказался купить ее, так как у него не хватило бы для этого денег. Ткач обратился к ратманам, и те

не могли купить лилию, но дали бедному ткачу бумагу, с которой тот явился к герцогу. Герцог взял себе лилию и обязался платить за нее ежегодно сам, а после своей смерти наказал делать это своим детям. Герцогиня украшала себя этой лилией в праздничные, торжественные дни, а герцог включил ее изображение в свой герб.

У Шиллера есть превосходное стихотворение, навеянное средневековыми сагами о деве весны*. Вот оно:

В одном пастушеском селеньи,
Где жили дети нищеты,
При первом жаворонков пеньи
Являлась дева красоты.

И край неведомым остался,
Где эта дева рождена,
И самый след ее терялся,
Лишь удалялась она.

Она блаженство сообщала,
Стремилась все навстречу к ней,
Но неприступность отдаляла
Сближенья ищущих людей.

Она с собою приносила
Цветы, что были взрошены
Огнем не нашего светила,
Природой лучшей стороны.

И ручки девы всем делили:
Плоды одним, цветы другим.
И стар, и молод уходили
С дарами, выданными им.

С приветом всех она дарила,
Но для возлюбленной четы
Дары прекрасней приносила
И ароматнее цветы.

* Привожу его в своем переводе.

Следы древних праздников в честь богини весны сохранились повсюду в Германии до настоящего времени. В Гессене возвышается скала в 80 футов высоты; внизу ее — пещера. Здесь праздновали встречу весны в древности. И до сих пор на второй день Пасхи приходят сюда парни и девушки из соседних деревень с венками, сплетенными из весенних цветов, пьют воду из соседнего источника и уносят ее с собою в кувшинах домой.

Постепенно языческий праздник весны слился с христианским праздником Христова Воскресенья. Во время Пасхи стали праздновать не только победу Спасителя над смертью, но и победу весны над зимою, победу света над сумраком, тепла над холодом. Именно этот смысл и следует искать в тех обычаях, которые господствовали в Средние века. Так, например, праздник Пасхи ознаменовывался, между прочим, зажиганием ярких огней на холмах и горах, особенно в тех местностях, где жили саксы, долее других германских племен оставшиеся верными язычеству. Местные крестьяне делали, кроме того, факелы из молодых буков, расщепляли их в верхней части и закладывали туда стружки; с этими факелами в руках они совершали целые процессии. Занимались также прыганием через костры, скатывали с возвышенностей зажженные обручи, а по окончании торжества старались унести с собою остатки факелов, так как считалось, что они приносят всякое счастье и благополучие.

Из других обычаев, имевших место в ту же пору, обращают на себя особенное внимание сжигание зимы, танцы с мечами, борьба между летом и зимой. Первый обычай состоял в том, что сделанную из соломы куклу, которая изображала зиму, сжигали на костре при всеобщем ликовании. Танцы с мечами представляли эффектное зрелище. Танцоры в количестве 16—20 человек, вооруженные мечами, являлись в условленное место в белых шляпах и белых же рубашках; шляпы и руки украшали пестрыми лентами, а на ноги, над коленями, навешивали бубенчики, которые беспрестанно звенели. Эти танцы были опасны и не всегда кончались благополучно. Борьба между летом и зимой производилась следующим образом: выступали друг против друга два парня,

из которых один наряжался летом, а другой — зимой; лето покрывало себя плющом или барвинком, зима — мхом и соломой. В этой схватке всегда побеждало лето, после чего его чествовали всем миром.

Своеобразно праздник весны происходил в Нюрнберге. Туда являлись из окрестных деревень крестьянские девушки, разряженные в свои лучшие одежды. Каждая приносила с собой небольшой открытый гробик с куклой, изображавшей смерть или, что означало то же самое, зиму. Девушки ходили по улицам города и монотонно распевали песни. Горожане же одаривали их деньгами и разными вкусностями.

Празднуя весну, почти целиком выходило в поле население пфальцских и швабских деревень. Одни парни обвешивали себя соломой, другие — зеленью; во главе первых стоял зимний король с соломенной короной на голове и деревянным мечом в руках, во главе вторых — летний король, украшенный свежими листьями. Свита зимнего короля прославляла в своих песнях зиму. «Мы мостим пруды и ручьи, — пела она, — мы увешиваем крыши ледяными сосульками и прячем под снегом пыль и грязь...» Сопровождавшие летнего короля несли изображение весны и прославляли лето: «Лето приносит с собой фиалки и другие цветы; лето ничего не боится, оно сбросит зиму в грязь, лето сбросит зиму в ручей; лету с березками свежими, с цветами различными все мы рады, рады, рады!» После этого две толпы вступали в борьбу, которая заканчивалась так же, как и борьба между парнями, изображающими зиму и лето. В заключение празднества на холмах зажигали костры, затевали вокруг них хороводы, пели веселые песни; костры обязательно зажигались без помощи железа — огонь вызывался трением деревянных кусков.

Празднование Рождества Христова совпадало с языческим праздником зимнего солнцеворота — поворота, как говорят, зимы на лето. Это был первый народный праздник в новом году. Он посвящался богу солнца и его супруге, богине Фрейе, и назывался у германцев Йоль, что означает «праздник колеса». Здесь разумелось, конечно, солнечное колесо, солнечный диск. Этим и объясняется обычай скатывать с отлогостей

горящие колеса в праздники, посвященные солнцу. Он до сих пор сохранился во многих странах.

На Рождестве зажигали по деревням костры совсем так же, как в Пасху или в Иванову ночь. Весело трещал огонь в просторной печи крестьянского дома, перед ним собиралась вся семья; пелись рождественские песни, сказывались рождественские рассказы. В Германии укоренился обычай зажигать елку, предварительно украсив ее яблоками и орехами, бывшими в древнейшие времена предметами языческих жертвоприношений; сам обычай золочения орехов указывает на глубокую древность, на языческую пору, когда быкам, приносившимся в жертву, золотились рога.

Самым распространенным из рождественских обычаев было хождение со звездой. Три мальчика наряжались царями; один из них вымазывал при этом свое лицо сажей, так как должен был изображать царя мавританского. Они ходили из дома в дом со звездой, укрепленной на конце длинной палки или на верху особого устройства, состоявшего из нескольких, скрепленных друг с другом шарнирами продолговатых дощечек: К концу устройства, кроме звезды, приделывалось еще иногда изображение замка, вокруг которого разыгрывалась целая сцена. В одно из замковых окон смотрел на дорогу Ирод; по дороге шли три маленьких царя; они направлялись к яслям, в которых лежал Младенец Иисус; рядом с Ним изображались Иосиф и Дева Мария, а также маленькие вол и осленок. Иногда все эти изображения вырезались и прилаживались таким образом, что могли двигаться. Они служили как бы иллюстрацией для рождественских песен, распевавшихся мальчиками. Вот одна из таких песен*:

Не для потехи мы пришли.
Господь вам добрый день пошли,
Пошли вам радостей, утех,
Что уготовал он про всех!

Грозили беды нам, когда
Мы шли дорогою сюда;

* Перевод сделан мною с полным соблюдением всех особенностей оригинала.

Мы проходили по горам,
Звезда в пути сияла нам.

Пришли мы к Ироду. Сейчас
Он из окна увидел нас,
И спросил он нас тогда:
«Откуда путь ваш и куда?»

Мы отвечали на вопрос:
«Мы в Вифлеем идем; Христос
От Непорочной Девы в нем
Родился, мы к нему идем,

И нас ведет туда звезда».
Нам Ирод говорит тогда:
«Остановитесь у меня,
Всего-то вдоволь дам вам я!»

«Ах нет, ах нет, мы так спешим,
Чтоб помолиться перед Ним:
Ребенок чудный, нежный тот
Нам радость, счастье принесет».

«Когда увидите его,
Вы мне поведайте про то:
Хочу туда пойти я сам
С молитвами, подобно вам».

Остановились мы, когда
Остановилась звезда,
Мы ясли видели в углу
И пели Господу хвалу.

Такие песни заканчивались пожеланиями долгой жизни хозяевам, приютившим славящих Христа. Иногда строфы песни были многочисленны, так как славящие обращались к каждому члену семьи в отдельности.

В романских странах было принято устраивать в церквях ясли, куда клалось изображение Христа Младенца, ставились изображения Девы Марии и Иосифа, а также неизбежные фигуры домашних животных. Можно легко представить,

с каким чувством посещали крестьяне храм Божий в рождественские праздники, как благоговейно смотрели они на ясли, освещенные множеством свечей, какое светлое впечатление уносили они домой! Так ярко представляла им церковь обстановку, в которой родился Спаситель мира и которая была так похожа на обстановку, окружавшую их самих! Это изображение отпечатывалось в их памяти, запоминалось надолго.

Обычай делать подарки на Рождество имеет древнейшее происхождение: начало его коренится, может быть, еще в языческой поре. По старым, языческим верованиям германцев в ту пору, на которую приблизительно падает праздник Рождества, разъезжал по земле в сопровождении своей супруги бог Один и всюду изливал различные благодеяния. Это верование впоследствии изменилось под могучим влиянием христианской религии, но не исчезло совсем, преобразовавшись в поверье о святителе Николае и его слуге Рупрехте, которые разъезжают с корзиной, полной подарков для детей и добрых людей. Это поверье имеет много вариаций: иногда, если принять их во внимание, разъезжает не сам святитель, а только слуга его.

В иностранных деревнях, как и в наших, как сейчас, так и в Средние века (но тогда в большей степени) были распространены гадания, в которых участвовали преимущественно молодые люди. Деревенские девушки, собравшись в тесный кружок, при колеблющемся пламени печи топили олово и, погрузив его в холодную воду, следили за тем, какую форму оно примет; сообразуясь с получившейся фигурой, они делали выводы о своей судьбе. Чтобы узнать, кто из них первая выйдет замуж, они притаскивали в комнату гуся, завязывали ему глаза и ставили его посреди комнаты, а сами становились кругом, ожидая, к которой из них подойдет гусь раньше. Она и должна была раньше остальных выйти замуж.

Но гадали не только о любви и браке — гадали о продолжительности жизни, о богатстве. С этой целью брали три горшка; одним покрывали горстку земли, другим — ломтик хлеба, третьим — лохмотья. Загадывающий о своей судьбе должен был выбрать один из трех горшочков: если под выбранным

горшочком обнаруживались лохмотья, это обозначало грядущую бедность; если там лежал хлеб, это сулило богатство и довольство; если же горшочек прикрывал землю, это пророчило скорую смерть. Впрочем, вопросом о богатстве задавались, конечно, не молодые девушки, а уже пожившие хозяйки. Они старались узнать о своей судьбе и таким образом: наливали воду по самые края в блюдо и бросали туда монету. После этого женщина должна была вытащить монету из воды языком. Если ей удавалось сделать это, не проливая воды, это предвещало прибыль; если же воды проливалось много, гаданье сулило нужду — вылившаяся из блюда вода означала ушедшие из дома деньги.

Много поверий было связано с рождественской ночью. Народная молва утверждала, что в самую полночь на миг всякая вода в колодцах и в реках становится вином. Но не всякому удавалось зачерпнуть такой воды, а только человеку, угодному Богу. Тот же, кому выпадало такое счастье, должен был молчать об этом; в противном случае ему грозила слепота. Кроме того, в рождественскую ночь, перед полуночью, может говорить скот, стоящий в стойлах, и не только говорить, но и предсказывать. Но горе тому, кто услышит это, так как ему грозит скорая смерть. Детям, родившимся в рождественскую ночь, было обещано счастье — праведная жизнь гарантировала им со временем найти клад.

Чтобы обеспечить себе благополучие на весь предстоящий год, следовало накануне Рождества есть определенные блюда, а скатерть с остатками от них вытряхнуть на плодовые деревья, что должно было обеспечить хороший урожай плодов. Есть предположение, что этот обычай пришел из далекой древности, когда приносились языческие жертвы. Чтобы хлеб водился в течение всего года, необходимо было оставлять кусок его на столе на всю рождественскую ночь. В эту ночь нельзя было тушить огонь в печи, а все сосуды, предназначенные для воды, следовало наполнять до краев. Все земледельческие орудия должны были быть спрятаны на все время рождественских праздников, но отнюдь не оставляться под открытым небом; в противном случае их могли повредить огненные драконы, невидимые челове-

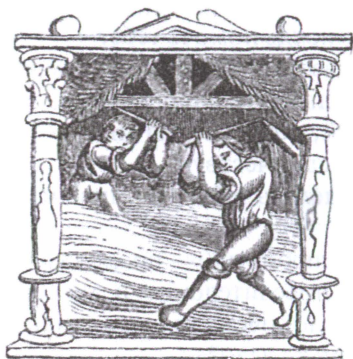
скому глазу. Во время Святков в деревнях не работали. До сих пор сохранилось поверье, которое предсказывает смерть одному из членов семьи, в которой во время Святков затеют стирку.

Фландрский граф и крестьянин (Средневековая легенда)

Типы наподобие Гельмбрехта, если они и встречались в жизни, представляли исключение. Большинство крестьянского сословия составляли нормальные люди со здоровыми стремлениями. Такой крестьянский тип мы встречаем в следующей средневековой легенде.

Фландрский граф Балдуин IX⁶⁷, знаменитый участник Четвертого крестового похода, отличался неусыпными заботами о благосостоянии своих подданных. «Здравый смысл, — говаривал он, — ясно указывает на то, что владетельные особы должны быть поддерживаемы и почитаемы своими подданными, но сами правители, в свою очередь, должны свято уважать и сохранять неприкосновенными права подданных». Желая лично наблюдать за тем, как исполняются его повеления, как судят его судьи и собирают подати поставленные на то сборщики, Балдуин нередко совершал поездки по своему государству; при этом он переодевался, чтобы не быть узнанным и застигнуть виновных врасплох. Он охотно вмешивался в толпу, беседовал с простыми людьми, что давало ему возможность знакомиться и с достоинствами, и с недостатками подвластного ему народа, а также с его нуждами.

Как-то был он со своим двором в торговом городе Брюгге и в один из дней задумал отправиться на прогулку. Одевшись очень скромно, захватив с собою лишь короткий меч да крепкую палку, он в одиночестве вышел из дворца и, не замеченный никем из царедворцев, отправился за ворота города. Оставив за собою городскую стену, он прошел через несколько деревушек, попиравал в качестве гостя на крестьян

Молотьба.

Со старинной миниатюры

янской свадьбе и отправился назад, когда уже заметно стемнело.

Ему оставалось до города каких-нибудь двести шагов, как вдруг откуда-то выскочили разбойники и преградили дорогу. Их было пять человек. Они приняли графа за купца и, угрожая ему своими длинными мечами, стали требовать у него кошелек. Не удостоив их ответом, граф схватился за свой меч и громко крикнул, призывая к себе кого-нибудь на помощь. Он оперся о ствол дерева и отражал направлявшиеся против него удары, но, разумеется, скоро изнемог в неравной борьбе.

Но к счастью, его призыв услышал один крестьянин, работавший неподалеку на гумне: он молотил хлеб и как был с цепом в руках, так и прибежал на крик. Увидев, в чем дело, крестьянин стал так искусно работать цепом, что в самом скором времени двое разбойников повалились на землю, а остальные обратились в бегство.

Балдуин поблагодарил своего избавителя и спросил, как его зовут? Ответ гласил, что перед ним крестьянин по имени Эли, человек бедный, живущий со своей женою тем доходом, который доставляет ему поденная работа.

«Я занимаю, — сказал граф, — должность при дворе графа. Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе?»

«Вы могли бы оказать мне большую помощь, если действительно живете при дворе господина графа. О, как благословлял бы я тот случай, который дал мне возможность прибегнуть к вашему посредничеству!»

«Что же может сделать тебя счастливым? Я обещаю не позабыть о тебе».

«Я человек честолюбивый, — продолжал крестьянин, шагая рядом со своим повелителем, — и, может быть, то, о чем я хочу просить вас, будет очень трудно исполнить».

«Кто знает? В чем же дело?»

«Раз нужно будет это говорить, скажу. Я выбежал на ваш крик из фермы, которая заключает в себе двадцать четыре десятины земли. Со времен покойного графа Балдуина Железной Руки⁶⁸ — вечная ему память! — ферма эта составляет часть владений господина графа Фландрского. Мне шестьдесят лет, тридцать лет я работаю на ней. Место это прекрасное, и я просил бы... но это уже слишком; вы можете сказать, что я злоупотребляю вашей добротой».

«Нет, нет, я ничего не скажу, продолжай!»

«Я хотел бы получить эту ферму в аренду. Ведь это не повредит никому, так как последний арендатор умер».

«Что ж! Это можно устроить. Приходи завтра ко мне».

Они подошли в это время к воротам графского замка.

«Где же я могу увидеть вас?» — спросил Эли.

«Здесь, в замке».

«Да меня не пустят в него».

«Пустяки, спроси лишь графского секретаря, это — я».

«Хорошо, — отвечал Эли, — я приду».

И они расстались. Сколько радужных надежд принес с собою Эли домой! Он сейчас же рассказал обо всем жене.

«И ты думаешь, он поможет тебе?» — спросила жена.

«Еще бы! Он живет в самом замке монсьёра, он приглашал меня назавтра к себе».

«И ты пойдешь?» — спросила жена не то с недоверием, не то с испугом.

«А отчего же и не идти?..»

«Ну, смотри, — сказала жена и наставительно прибавила: — Кто хочет слишком многого, не будет иметь ничего».

«Полно тебе. Господин граф — благородный государь; он ни в чем не откажет своему секретарю, которому пришлось бы плохо без моей помощи. Нет, жена, я думаю, что завтра ты будешь фермершей».

Уверенный тон, которым говорил Эли, подействовал на его жену. Когда она легла спать, радостные видения толпились у ее изголовья. Она видела себя обладательницей большой житницы с собственным зерном, окороков, висящих у каминна, и погребов со всевозможными хозяйственными запасами. Наутро она снарядила своего мужа в дорогу.

Подойдя к замковым воротам, Эли испытал робость. Пропустят ли его? Но напрасно он беспокоился: привратники знали о его приходе. Они раскрыли перед ним массивную дверь, и наш крестьянин очутился в огромной оружейной зале: стены ее были увешаны саблями, панцирями, щитами и копьями. В зале было несколько пажей. Один из них победил с докладом к графу Балдуину.

Балдуин вышел, одетый по-вчерашнему. Подойдя к нему поближе, чтобы не быть услышанным никем из находившихся в зале, Эли спросил: «Вы имели уже возможность поговорить с монсеньором графом о моем дельце?»

«Ну, конечно. Есть даже большая надежда на успех. А пока оно еще не разрешилось окончательно, не хочешь ли осмотреть замок?»

«Я уж ослеплен им, — отвечал Эли — да разве есть еще что-нибудь?»

В простодушии своем он вообразил, что весь замок заключается в этой огромной и блестящей зале. Балдуин улыбнулся и повел своего спутника в другие помещения. Удивлению Эли не было пределов.

«А что, — спросил Балдуин крестьянина, рассматривавшего блестящие украшения замка, — не пожелал ли бы ты вместо фермы жить здесь, в этом замке?»

«Может быть, господин, и пожелал бы, если бы я был баринном, — отвечал Эли, — но что нам смотреть так высоко? Посмотрим лучше на то, что лежит у наших ног. Что я стал бы

здесь делать? Я не рожден для того, чтобы ходить по золоту, и глаза мои не вынесли бы такого блеска».

«И ты будешь вполне счастлив на своей маленькой ферме?» — спросил Балдуин.

«О, я был бы счастливейшим из людей! А как бы была счастлива моя жена! Раз в году я приходил бы сюда, чтобы вносить арендаторскую плату. А если бы мне удалось хоть раз повидать самого господина графа, мое счастье было бы безгранично».

«А ты хотел бы повидать своего государя? — спросил Балдуин. — Я могу сейчас же провести тебя к нему».

«Только не сейчас...» — пробормотал заробевший Эли.

«Не бойся, — возразил Балдуин — он не более горд, чем я. Иди за мной. Я покажу тебе весь двор в полном собрании и Балдуина IX, графа Фландрии».

Нечего было делать, приходилось слушаться.

«А монсеньор граф, должно быть, одет весь в золото?» — спросил Эли.

«Совсем нет, он ничем не отличается от своих придворных, он даже редко одевается так роскошно, как люди, составляющие его двор».

«Ну вот, — остановился Эли, — как же я узнаю его?»

«По тому необыкновенному почтению, которое будет ему оказано: все встанут при его входе».

После этого Балдуин взял Эли за руку и ввел его в богатую залу, в которой собрались все придворные. Кругом сверкали золотые украшения, были шелка и бархат, играли драгоценные камни. При их входе все бывшие в зале поднялись со своих мест, а дамы сделали глубокий реверанс. Эли в смущении искал глазами графа и наконец заметил, что все приветствия направлены в ту сторону, где стоял он со своим спутником. Тут он понял все.

«Господи, Иисусе Христе, — сказал он обращаясь к Балдуину, — да это вы, монсеньор?...»

«Да, это я, — отвечал Балдуин, поднимая Эли, павшего перед ним на колени. — Рыцари, — обратился он после этого к присутствующим, — этот человек спас мне вчера жизнь».

Рыцари и дамы направились в сторону Эли, стали пожимать ему руки, и бедный Эли совершенно растерялся.

По приказанию Балдуина Эли отвели в соседнюю комнату, где надели на него новое платье, и только после переодевания привели снова к Балдуину. Граф вложил ему в левую руку горсть золотых монет, а в правую — кусок пергамента.

Эли объяснили, что это — грамота, которая передает ему ферму, но не в аренду, а в полную и наследственную собственность, под условием быть верным вассалом графа и ежегодно являться к нему для изъявления покорности с цепом на шее в годовщины их встречи.

Впоследствии город Брюгге так расширился, что бывшая собственность доброго крестьянина Эли вошла в его черту. Небольшая улица, находившаяся по соседству с бывшей фермой Эли, долгое время после того называлась улицей Цепца (Vlegel-Strasse).

- ¹ Преторий представлял собой возвышение в форме квадрата со стороной около 60 метров, на котором располагалась палатка полководца; в императорском Риме преторием стали называть штаб императорской гвардии.
- ² Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855) — русский историк-медиевист, профессор всеобщей истории Московского университета (1839—1855).
- ³ Здесь: часовня.
- ⁴ Жоффруа (Готфрид) V Анжуйский, по прозвищу Плантагенет (Красивый) (1113—1151) — граф Анжу и Мэна с 1129 года, граф де Мортен с 1141 года, герцог Нормандии с 1144 года.
- ⁵ Генрих I, по прозвищу Боклерк (Ученый) (1068—1135) — младший сын Вильгельма Завоевателя, герцог Нормандии с 1106 года, король Англии с 1100 года. Его правление было отмечено административными и финансовыми реформами, которые легли в основу государственной системы Англии эпохи Высокого Средневековья.
- ⁶ Жан Фруассар (1333 или в 1337 — ок. 1405) — французский писатель и поэт, автор знаменитых «Хроник» — важнейшего источника по истории начального этапа Столетней войны.
- ⁷ Персонаж французского эпоса, о котором рассказывает К. Иванов, не имеет, вероятно, почти ничего общего с реальным графом Жераром Руссильонским (810—877 или 879). История любви его и византийской принцессы — плод поэтического воображения средневековых сочинителей.
- ⁸ Карл Мартелл (686 или 688—741) — майордом франков с 717 года. Прозвище Мартелл (Молот) получил в хрониках IX века. Под

- его руководством франки одержали победу над арабами в битве при Пуатье в 732 году и тем самым, как считается, спасли Европу от исламского порабощения.
- ⁹ Герман I (ум. 1217) — пфальцграф Саксонии с 1181 года, ландграф Тюрингии с 1190 года; покровительствовал искусствам и сам был миннезингером.
- ¹⁰ Пфальцграф, или граф-палатин, — в Раннем Средневековье граф, управлявший пфальцем (дворцом) в период отсутствия правящего монарха. В XII веке должность пфальцграфа стала наследственной, а сам пфальцграф превратился во владетельного князя, вассала императора Священной Римской империи.
- ¹¹ Кипрская пудра — распространенный в XVI—XVII веках ароматический порошок на основе мха, растущего на дубах острова Кипр. Этот же аромат был использован в 1917 году французским парфюмером Ф. Коти при создании знаменитых духов «Шипр» (от *фр.* Шурге — Кипр), в состав которых также входят ароматы бергамота, пачулей, сандала и ладана.
- ¹² Туалетный уксус — распространенное в Средние века гигиеническое средство, в состав которого входили уксусная кислота, эфирные масла, ароматические растения и экстракты специй.
- ¹³ Лузиньянский замок — фамильный замок Лузиньянов, одного из самых знатных французских родов, крупнейший во Франции. Был построен предположительно в X веке и разрушен во время религиозных войн в XVI веке. Существует легенда, согласно которой самый первый замок был построен водным духом, феей Мелюзинной, бывшей супругой одного из владельцев имения Лузиньян.
- ¹⁴ Здесь: очень большие бочки. В подвалах Гейдельбергского замка находится самая большая в мире бочка, известная под собственным именем Гейдельбергской; ее емкость более 212 тысяч литров, длина 8,5 метра и диаметр 7 метров. Образ Гейдельбергской бочки как бездонного сосуда неоднократно использовался немецкими литераторами.
- ¹⁵ После того как крестоносцы взяли в 1191 году во второй раз (впервые в 1104 году) город Акко в Галилее, они объявили его столицей христианского государства и переименовали в Сен-Жан-д'Акр.
- ¹⁶ «Salve, Regina» — хвалебная песнь Богородице, которая поется в католической церкви. На ее текст писали музыку многие композиторы.

- ¹⁷ В Кафедральном соборе Святого Петра в Трире находится, как считается, один из четырех гвоздей от Креста Господня, найденных и вывезенных из Иерусалима матерью римского императора Константина I — Еленой (ок. 250—330). Еще один такой гвоздь хранится в Успенском соборе Московского Кремля.
- ¹⁸ Петр Пустынный (Петр Амьенский; ок. 1050—1115) — монах, которому приписывалась организация Первого крестового похода.
- ¹⁹ Этьен-Анри де Блуа (ок. 1046—1102) — граф Блуа, Бри, Шартра, Мо и др., пфальцграф Шампани. Участник и один из руководителей Первого крестового похода. Погиб в Палестине. Отец будущего короля Англии Стефана (ок. 1092—1154).
- ²⁰ Палатинат — то же, что и пфальцграфство, область, подчиненная пфальцграфу.
- ²¹ Имеется в виду вода, прежде хранившаяся в золотом сосуде. Считалось, что такая вода действует укрепляюще на организм и способствует излечению от многих болезней.
- ²² Виттельсбахи — феодальный род, с конца XII века владевший рядом немецких земель. Со второй четверти XIV века разделились на две основные линии — старшую (пфальцграфы Рейнские) и младшую (герцоги Баварские).
- ²³ Георгий Победоносец считался покровителем Тевтонского ордена.
- ²⁴ Далматика — верхняя расшитая риза католического священника, надеваемая во время богослужения.
- ²⁵ Жан Жуанвиль, Жоанвиль (1223—1317) — французский историк. Его «Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» — одно из наиболее значительных произведений литературы Средних веков.
- ²⁶ Людовик IX Святой (1214—1270) — король Франции в 1226—1270 годах. Инициатор и предводитель Седьмого крестового похода в 1248—1254 годах.
- ²⁷ Альвин Шульц, «Немецкая жизнь в XIV и XV веках» (нем.). Альвин Шульц (1838—1909) — немецкий историк искусства и культуры, профессор Бреславльского (Вроцлавского) и Пражского университетов.
- ²⁸ Осуарий — место для хранения скелетированных останков.
- ²⁹ Известны два персидских царя Камбиса, представители династии Ахеменидов: Камбис I — отец Кира Великого, правил в 580—559 годах до н. э.; Камбис II — сын Кира Великого, пра-

вил в 530–533 годах до н. э. О царствовании Камбиса II имеются сведения в греческих и египетских источниках.

- ³⁰ Филипп IV Красивый (1268–1314) — король Франции из династии Капетингов с 1285 года, король Наварры в 1284–1305 годах.
- ³¹ Иоанна I Наваррская (1271–1305) — королева Наварры с 1274 года, жена Филиппа IV Красивого и королева Франции с 1285 года.
- ³² Венцель (1361–1419) — король Германии в 1376–1400 годах из династии Люксембургов.
- ³³ От *лат.* *flagellare* — «хлестать, сечь, бить, мучить»; *flagellum* — «бич, кнут»
- ³⁴ См.: Мф., XXVII, 34: «дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить».
- ³⁵ Карл IV (1316–1378) — король Германии с 1346 года, король Чехии с 1346 года, император Священной Римской империи с 1355 года.
- ³⁶ Михаил Бегайм (1416–1474) — немецкий мейстерзингер, придворный поэт феодалов Конрада Вейнсбергского и последнего гроссмейстера Тевтонского ордена Альбрехта Бранденбургского.
- ³⁷ Ганс Сакс (1494–1576) — немецкий поэт, мейстерзингер и драматург; по профессии сапожник. Автор более 6000 стихотворений.
- ³⁸ Августин Блаженный Аврелий (354–430) — один из Отцов христианской церкви, теолог и философ, проповедник, епископ Гиппонский с 395 года.
- ³⁹ Раймунд Луллий (ок. 1235–1315) — каталанский миссионер, поэт, философ и теолог, один из наиболее влиятельных и оригинальных мыслителей европейского Высокого Средневековья. Целый ряд алхимических трактатов был приписан Луллию уже после его смерти.
- ⁴⁰ Агриппа Неттесгеймский, наст. имя Генрих Корнелиус (1486–1535) — ученый-алхимик, писатель, врач, натурфилософ, оккультист, астролог и адвокат.
- ⁴¹ Луций Цецилий Фирмиан Лактанций (ок. 250 — ок. 325) — один из первых христианских писателей, принял христианство в 303 году. Получил от гуманистов эпохи Возрождения почетное звание «христианского Цицерона».
- ⁴² Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский (Младший) Нумантийский (185–129 до н. э.) — римский полководец и госу-

дарственный деятель. Известен прежде всего как полководец, взявший и разрушивший Карфаген.

- ⁴³ Полибий (ок. 201 — ок. 120 до н. э.) — греческий историк, государственный деятель и военачальник, автор «Всеобщей истории» в 40 томах.
- ⁴⁴ Публий Корнелий Тацит (сер. 50-х — ок. 120) — древнеримский историк и оратор, автор исторических трудов «История» и «Анналы» и других сочинений.
- ⁴⁵ Григорий Турский (538 или 539—593 или 594) — франкский историк, автор «Истории франков» в 10 книгах, епископ Турский с 573 года.
- ⁴⁶ Карл I Великий (ок. 742—814) — король франков с 768 года, король лангобардов с 774 года, герцог Баварии с 788 года, император Запада с 800 года.
- ⁴⁷ Флавий Валерий Аврелий Константин, Константин I, Константин Великий (272—337) — римский император, при котором христианство сделалось господствующей религией; он же в 330 году перенес столицу государства в Византий (Константинополь).
- ⁴⁸ Иоанн Златоуст (ок. 347—407) — архиепископ Константинопольский, богослов, православной церковью почитается как один из трех Вселенских святителей и учителей вместе с Василием Великим и Григорием Богословом.
- ⁴⁹ Меровинги — первая династия франкских королей, правившая с конца V до середины VIII века на территории современных Франции и Бельгии.
- ⁵⁰ Каролинги — королевская и императорская династия, правившая в государстве франков, а после его распада — в Западно-Франкском и Восточно-Франкском королевствах, в Италии и в некоторых мелких государствах с 751 по 987 год. Название получила по имени Карла Великого.
- ⁵¹ Елизавета Тюрингская (1207—1231) — принцесса из венгерской династии Арпадов, дочь венгерского короля Андраша II, ландграфиня Тюрингии, католическая святая.
- ⁵² Кутюмы — правовые обычаи некоторых провинций, территорий, городов в средневековой Франции, существовавшие как в устной, так и в письменной форме.
- ⁵³ Людовик X Сварливый (1289—1316) — король Франции в 1314—1316 годах. Сын Филиппа IV Красивого.
- ⁵⁴ Генеральные штаты — во Франции высшее сословно-представительское учреждение в 1302—1789 годах, состоявшее из пред-

ставителей заседавших отдельно трех сословий (первое — духовенство, второе — дворянство, третье — все прочие группы населения, в том числе буржуазия). Созывались по инициативе королевской власти в основном для квотирования налогов, которые платили только представители третьего сословия.

- ⁵⁵ Карл V Мудрый (1338—1380) — король Франции с 1364 года из династии Валуа. В 1356—1360 годах и в начале 1364 года, во время пребывания отца, Иоанна II, в английском плену, — регент Франции. Практически полностью вернул территории, потерянные его предшественниками во время Столетней войны, и восстановил власть над государством.
- ⁵⁶ Этьен Марсель (между 1302 и 1310—1358) — купеческий прево Парижа, богатый суконщик.
- ⁵⁷ Робер Лекок (1300-е — 1368) — епископ города Лана, член Королевского совета. После бегства из Парижа дофина встал во главе правительства, созданного Генеральными штатами.
- ⁵⁸ Карл II Злой (1332—1387) — король Наварры с 1349 года. Происходил из боковой ветви династии Капетингов — дома Эврё. Своим прозвищем «Злой» Карл обязан легенде, гласящей, будто бы он приказал повесить пришедших к нему жаловаться дворян.
- ⁵⁹ Имеется в виду эпизод новозаветной истории: «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Мф. II, 16).
- ⁶⁰ Нейдхарт фон Ройенталь (перв. пол. XIII в.) — немецкий поэт, основоположник так называемого «деревенского миннезанга». Участник Пятого крестового похода (1217—1219).
- ⁶¹ Бертольд Штейнмар (втор. пол. XIII в.) — немецкий миннезингер, последователь «деревенского миннезанга».
- ⁶² Готфрид фон Нейфен — немецкий поэт, последователь «деревенского миннезанга»; упоминается в период между 1230 и 1255 годом.
- ⁶³ Гуго фон Тримберг (1240—1313) — немецкий поэт, автор дидактической поэмы «Победитель», заключающей в себе много интересных бытовых подробностей.
- ⁶⁴ Вернер дер Гартнер (XIII в.) — немецкий поэт, основоположник в миннезанге так называемого «бюргерского этапа».
- ⁶⁵ Роберт I Иерусалимский (1065—1111) — граф Фландрии с 1093 года. Участник Первого крестового похода и захвата Иерусалима в 1099 году.

- ⁶⁶ Альбрехт I Великий (1236—1279) — герцог Брауншвейг-Люнебурга в 1252—1277 годах, родоначальник так называемого Старшего Брауншвейгского дома. Прозвище получил за высокий рост.
- ⁶⁷ Балдуин I Фландрский (1171—1205) — первый император Латинской империи с 1204 года, граф Эно под именем Бодуэн VI де Эно и граф Фландрии под именем Балдуин IX Фландрский с 1195 года. Умер в болгарском плену после поражения крестоносцев от болгаро-половецкого войска под предводительством болгарского царя Калояна.
- ⁶⁸ Балдуин (Бодуэн) I Железная Рука (ум. 879) — первый граф Фландрии с 863 года, родоначальник Фландрского дома.

Средневековый замок и его обитатели

Предисловие	7
Внешний вид замка	8
Посвящение в рыцари	18
Внутренность замка.	24
Пир в замке.	28
Охота на кабана	34
Рыцарское вооружение.	37
Рыцарский турнир	41
Судебные поединки	47
Среди семьи	51
Именем фазана (По мотивам средневековых хроник и легенд).	54
Заключение.	73

Средневековый город и его обитатели

Предисловие	77
Город спит	77
Город пробудился	87
Городской совет	97
Бюргерский дом	105
Городская свадьба.	111
Цехи	115
Самобичевальщики-флагелланты	124
Городские увеселения.	128
Волшебство и тайная философия	136

Средневековая деревня и ее обитатели

На развалинах Рима.	147
Рабочий день в деревне.	163
Воскресенье в деревне	170
Из эпохи Жакерии	178
Крестьянская свадьба.	184
История Гельмбрехта	194
Деревенские праздники	201
Фландрский граф и крестьянин (Средневековая легенда).	210
<i>Примечания</i>	216

- Иванов К.
И20 Средневековые замок, город, деревня и их обитатели / Константин Иванов. — М. : Ломоносовъ, — 2015. — 232 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-210-3

Книга Константина Иванова — своеобразный путеводитель по средневековой жизни. Увлекаемый автором, читатель изучает устройство замка, прогуливается по узким городским улочкам, заглядывает в аптеку, лабораторию алхимика и лавки ремесленников, проникает на заседание городского совета, участвует в судебном разбирательстве, оказывается на пиру в баронском замке и узнает много любопытного о меню и убранстве стола, присутствует при посвящении в рыцари, неожиданно замешивается в толлу бичующих себя религиозных фанатиков, знакомится с разбойниками и инквизицией, посещает дом богатого горожанина и крестьянское подворье, получает приглашения на рыцарские турниры, свадьбы и деревенские праздники, развлекается игрой бродячих актеров — словом, попадает в круговорот повседневности Средних веков...

Константин Иванов (1858—1919) — историк и поэт, директор Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе и домашний учитель детей последнего русского царя, блестящий знаток европейского Средневековья.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Константин Иванов

Средневековые замок, город, деревня
и их обитатели

Редактор В. Чижов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 11.08.2014. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1200 экз. Заказ 4262

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(496)726-54-10

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА

- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 Отечественная война 1812 года глазами современников
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. Будда ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ
И ЛЕГЕНДАХ

- 61 Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
- 62 Константин Кудряшов. Александр I
и тайна Федора Козьмича
- 63 Виктор Калашников. Русская демонология
- 64 Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иностранцев
- 66 Георгий Вернадский. Русское масонство в царствование
Екатерины II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. Сюнну, предки гуннов,
создатели первой степной империи
- 68 Константин Иванов. Трубадуры, труверы, миннезингеры
- 69 Галина Шебалдина. Заложники Петра I и Карла XII
- 70 Тамерлан — Железный Хромец
- 71 Василий Смирнов. Крымское ханство в XVIII веке
- 72 Яков Канторович. Процессы о колдовстве в Европе
и Российской империи
- 73 Татьяна Георгиева. Русская повседневная культура
- 74 Александр Васильев. Византия и крестоносцы.
Падение Византии
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простой еды
- 76 Геннадий Левицкий. Великое княжество Литовское
- 77 Василий Веретенников. История Тайной канцелярии
Петровского времени
- 78 Олег Ивик. История и география загробного мира

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

**Константин
Иванов**

Средневековые
замок, город,
деревня и их
обитатели

Книга Константина Иванова — своеобразный путеводитель по средневековой жизни. Увлекаемый автором, читатель изучает устройство замка, прогуливается по узким городским улочкам, заглядывает в аптеку, лабораторию алхимика и лавки ремесленников, проникает на заседание городского совета, участвует в судебном разбирательстве, оказывается на пиру в баронском замке и узнает много любопытного о меню и убранстве стола, присутствует при посвящении в рыцари, неожиданно замешивается в толпу бичующих себя религиозных фанатиков, знакомится с разбойниками и инквизицией, посещает дом богатого горожанина и крестьянское подворье, получает приглашения на рыцарские турниры, свадьбы и деревенские праздники, развлекается игрой бродячих актеров — словом, попадает в круговорот повседневности Средних веков...

Константин Иванов (1858—1919) — историк и поэт, директор Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе и домашний учитель детей последнего русского царя, блестящий знаток европейского Средневековья.

ISBN 978-5-91678-210-3

9 785916 782103